

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

9
Т21

1531758

Р. Ф. ТАРОЕВА

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАРЕЛ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

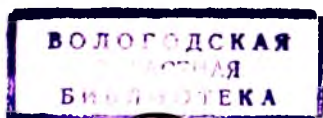
Р. Ф. ТАРОЕВА

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАРЕЛ

(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва — Ленинград

1965

531758

302.7 на ...
Т-24

А Н Н О Т А Ц И Я

В книге дано всестороннее освещение вопросов материальной культуры карел, живущих на территории Карельской АССР, их хозяйства, орудий труда, поселений, жилищ, средств передвижения, одежды, утвари и т. д., начиная с середины XIX в. и до наших дней. Эти вопросы трактуются автором в основном на материалах полевых экспедиционных наблюдений последних десяти лет в сопоставлении с фольклорными и лингвистическими данными. Книга состоит из введения, шести глав и заключения, хорошо иллюстрирована и снабжена указателем карельских терминов.

Ответственный редактор

В. В. П И М Е Н О В

ОТ РЕДАКТОРА

Этнографическая литература о карелах вообще бедна, а сводных исследований об их материальной культуре практически нет. Этот пробел и призвана восполнить предлагаемая вниманию читателей книга Р. Ф. Тароевой.

За последние десять лет автором собран значительный новый материал, представляющий большую научную ценность. Основательно обследовав все районы Карелии, владея всеми тремя диалектами карельского языка, Р. Ф. Тароева смогла сделать много таких наблюдений, которые для других исследователей, лишенных этого преимущества, остались бы недоступны. Таким образом, главная ценность этой книги в новизне и точности ее фактической основы.

Но важно и другое: этот новый материал по большей части удачно и убедительно интерпретирован исследовательницей. Ее основной тезис о присутствии (наряду с ясно видимыми заимствованиями и результатами влияния как со стороны русской культуры, так и со стороны культур других народов) в материальной культуре карел солидного пласта, восходящего, как можно думать, к древним традициям культуры карел и вепсов, выглядит как вывод, вытекающий из всей совокупности имеющихся данных.

Исторический подход к анализу фактов позволил Р. Ф. Тароевой установить ряд важных этапов в развитии карельской материальной культуры более чем за столетие. Это развитие показано как сложный, противоречивый процесс, отразивший наличие иму-

и общественного неравенства, классовых противоречий и борьбы в карельской деревне в дореволюционное время. Заслуживающее одобрения стремление проследить дальнейшие пути эволюции материальной культуры карел поставило автора перед необходимостью изложить в этой книге и свое — пусть еще во многом схематичное и далекое от желательной полноты и завершенности — понимание хода этого процесса в советскую эпоху.

Осваивая культурное наследие прошлого, карельский народ вместе со всеми народами нашей Родины строит фундамент будущей коммунистической культуры. Книга Р. Ф. Тароевой, которую с интересом прочтут не только историки, этнографы, археологи, но и широкие круги читателей, интересующихся вопросами истории культуры Севера, поможет лучше понять особенности формирования карельской народной культуры и, быть может, пути ее развития в будущем.

Вл. Пименов.

ВВЕДЕНИЕ

Карелы, изучению материальной культуры которых посвящена настоящая работа, являются основным аборигенным населением Карельской АССР. Кроме того, довольно многочисленные группы карел живут в Калининской области («тверские» или «верхневолжские» карелы, переселившиеся сюда в XVI—XVII вв. из Приладожья); некоторое число их проживает в Ярославской, Новгородской и Вологодской областях РСФСР; часть карел, эвакуировавшихся во время Великой Отечественной войны на восток страны, осела там; наконец, вне СССР карелы обитают в Финляндии. Мы, конечно, старались собрать факты, относящиеся к материальной культуре и этим групп карельского народа, но основное внимание в работе уделено карелам — жителям КАСР.

Как будет видно из дальнейшего изложения, обособление в качестве главного объекта исследования тех карельских групп, которые обитают в пределах Карельской автономии, правомерно со многих точек зрения. Сошлемся хотя бы на тот факт, что карельское население КАСР составляет половину всех карел, живущих в СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в Советском Союзе насчитывается 167 тыс. карел,¹ причем в Карелии 85.5, в Калининской области 59.1 и в других областях РСФСР 22.4 тыс. человек.

Язык карел относится к прибалтийско-финской группе финно-угорской языковой семьи. В нем различается три основных диалекта (собственно карельский, ливвиковский и людиковский). Собственно карельский диалект охватывает районы северной и средней Карелии и карельские районы Калининской области, он делится на три территориальных говора (северный, среднекарельский и калининско-карельский). Собственно карелы называют себя *karjala*. Карелы, живущие к югу от собственно карел в районах Олонца, Ведлозера и Пряжи, говорят на ливвиковском диалекте. Карелы-ливвики наряду с названием *karjala* употреб-

¹ Численность, состав и размещение населения СССР. Краткие итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г., М., 1961, стр. 26.

ляют самоназвание *livgiläine* или *livviköi*. К югу от собственно карел и к востоку от ливвиков живут карелы-людики, говорящие на своем людиковском диалекте. В литературе карел-людиков часто называют «прионежскими карелами», тогда как ливвики известны под названием «приладожские». Прионежские карелы, помимо *karjal*, аназывают себя *lüüdiläine* или *lüüdikoi*. Последние два диалекта очень близки к вепсскому языку.

Чтобы вернее определить задачи, которые должны возникнуть при изучении такой довольно широкой области народной жизни, как материальная культура, необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на природных и исторических условиях, в рамках которых она развивалась.

Карельская АССР, на территории которой проживает основная часть карельского народа, расположена между 66°39' и 60°41' с. ш. Территория республики составляет 172.4 тыс. км². Наибольшее протяжение Карелии с севера на юг 672 км, а с запада на восток 324 км (на широте г. Кемь).²

Карелы занимают в основном территорию западнее Октябрьской железной дороги. Но кроме карел, на обширном пространстве КАСССР обитают и другие народы. В прибрежье Белого моря живут русские поморы, в Пудожском районе, на Заонежском полуострове Онежского озера, а также в ряде других местностей и во многих городах — тоже русские. На юго-западной прибрежной полосе Онежского озера расселились вепсы. За последние полтора-два десятилетия в Карельскую республику на жительство приехало много белорусов, украинцев и представителей других национальностей нашей страны. В отдельных пунктах проживают финны.

Карелия — страна лесов, озер и быстрых порожистых рек. Озер и рек в республике около 42 тыс.;³ общая площадь их составляет около 40 тыс. км². Наиболее крупные из них, кроме Онежского и Ладожского, являющихся межобластными, Выг-озеро, Топозеро, Сегозеро, Пяозеро, из них каждое по площади превышает 500 км². В республике насчитывается свыше 11 тыс. рек и речек (общая длина 57 тыс. км);⁴ наиболее крупные из них Кемь, Выг, впадающие в Белое море, Суна, Шуя, впадающие в Онежское озеро, Олонка, впадающая в Ладожское озеро. Мно-

² 40 лет Карельской АССР. Статистический сборник. Петрозаводск, 1960, стр. 7; Карельская АССР. М., 1956, стр. 5.

³ Озера Карелии. Природа, рыбы и рыбное хозяйство. Справочник. Петрозаводск, 1959, стр. 11.

⁴ Каталог рек КФСР, т. 1, 1948; НА НИЯЛИ АН СССР, ф. 2, оп. 53, № 17, стр. 32.

гие реки являются сплавными и транспортными путями, источниками водной энергии. Немало в Карелии и болот.

Климат Карелии, несмотря на ее северное положение, сравнительно мягкий: здесь сказывается влияние Белого и Балтийского морей, а также проникновение в зимнее время теплого юго-западного атлантического воздуха, но эти же обстоятельства вместе с тем способствуют неустойчивости погоды. Средняя годовая температура на севере -0.5° , в средней части республики $+1.0^{\circ}$, а на юге $+2.6^{\circ}$.⁵ Теплая влажная погода очень часто сменяется похолоданиями, которые, несмотря на непродолжительность, вредно отражаются на развитии культурных растений. Осадков выпадает много, что способствует переувлажнению и заболачиванию почв: в среднем только за летний период выпадает 300—400 мм. Особенно неблагоприятно то, что большая часть осадков приходится на август—сентябрь, когда идет уборка урожая.

В северной части Карелии (от северных границ до 63° с. ш.) преобладают подзолистые и болотистые почвы.⁶ По механическому составу большая часть почв этой подзоны отличается высоким содержанием относительно крупных невыветрившихся обломков кристаллических пород. Местами скопление камней является основой, образующей скелетную (каменную) почву. В прошлом практическое использование почв для земледелия здесь было незначительным.⁷

В южной Карелии широко распространены дерново-подзолистые почвы. Более благоприятные природные условия, а вместе с этим и более плодородные почвы способствовали здесь значительному (в сравнении с северной Карелией) развитию земледелия и животноводства, в особенности на Олонецкой равнине.

Карелия располагает значительными природными богатствами. Главное ее богатство — леса, которые занимают около 15 млн га, т. е. около 87% всей площади республики.⁸ Из них сосновые леса составляют до 60%, еловые — около 33% и лиственные — лишь 7%.

Лес издавна был «кормильцем» карел. На это обратил внимание еще Г. Р. Державин, писавший, например, о значении сосны в жизни карел: «. . . их сосна греет, сосна питает, сосна и веселит».⁹

⁵ Карельская АССР, стр. 45. Подробнее см.: А. А. Романов. О климате Карелии. Петрозаводск, 1961.

⁶ М. Осмоловская, Д. Хорьков. Почвы КФССР. Петрозаводск, 1948.

⁷ Карельская АССР, стр. 45.

⁸ Карельская АССР, стр. 82.

⁹ Греет — дает топливо, питает — дает сосновый суррогат, который использовали как примесь в хлеб; веселит — служит материалом для изготовления кантеле (карельского народного инструмента, — Р. Т.). — См.: Г. Р. Державин. Поденная записка. Прилож. к кн.: В. В. Пименов, Е. М. Эпштейн. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958, стр. 180.

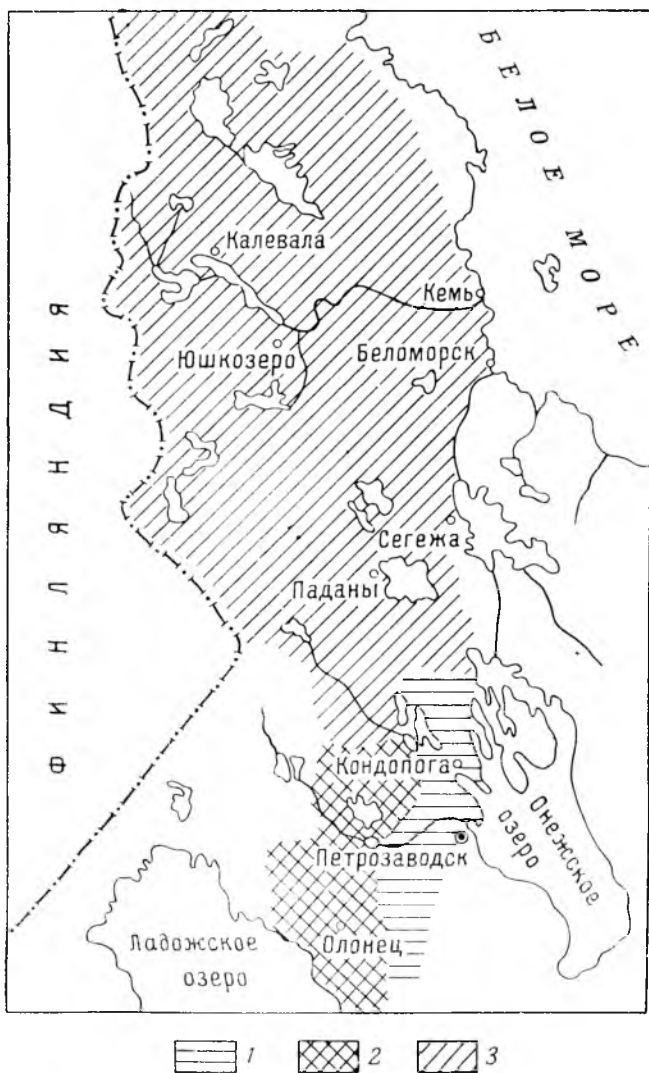
Большую роль в хозяйственной деятельности карел как в до-революционное время, так и в советскую эпоху занимали лесоразработки; в прошлом было велико значение лесного подсечного земледелия. Обилие в лесах различных зверей и птиц обусловило развитие охоты. Многочисленные водоемы, богатые ценными промысловыми рыбами, издавна использовались для рыболовства.

Природные условия в известной степени повлияли на формирование материальной культуры карельского народа. Не случайным явилось заселение карелами мест, расположенных по берегам озер и рек: здесь можно было не только развивать рыболовство, но и удобнее вести земледельческое и скотоводческое хозяйство. Несомненно, что появление жилых и специализированных построек (таких, как различного рода снопосушильни, теплые хлева для скота и пр.), а также разнообразных форм одежды (отчасти, непромокаемой) в значительной степени обусловлено особенностями местного климата. Характер флоры и фауны сказался и на составе пищевых продуктов. Наконец, вообще наличие или отсутствие тех или иных природных ресурсов прямо или опосредствованно отразилось на хозяйстве карел.

Уровень воздействия природных условий на культуру тем меньше, а степень использования естественных ресурсов тем выше, чем совершеннее социально-экономическая структура общества. Кроме того, культура любого народа формируется не только в процессе взаимодействия с географической средой, но и в контактах с другими, соседними народами под влиянием обмена культурными достижениями. Поэтому особенно важно учесть данные исторического развития народа (хотя бы в общих чертах) к тому моменту, начиная с которого появляется возможность изучать его культуру (в нашем случае — материальную), пользуясь этнографическими фактами и методами.

Проблема первоначального этногенеза карел еще не может считаться решенной. Вероятно, какая-то группа племен, говорившая на языке прибалтийско-финской ветви финно-угорской языковой семьи, уже к концу I тысячелетия н. э. проживала в тех местах, где более поздние источники фиксируют пребывание «племени» Корела. Основной племенной территорией предков современных карел было, таким образом, северное и северо-западное побережье Ладожского озера вместе с прилегающими с севера землями. К IX в. на этой территории составилось довольно значительное население, объединившееся в отдельное племя *kirjala*, позднее оно стало называться *karjala*, а в русских источниках — Корела.¹⁰

¹⁰ Д. В. Б у б р и х. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, стр. 15.

Размещение диалектов карельского языка в пределах КАССР (по Д. В. Бубриху и А. А. Белякову).

1 — ладожский; 2 — ливвиковский; 3 — собственно карельский.

Однако, как полагает Д. В. Бубрих, современные карелы — не просто продолжение древней Корелы. Их этногенез сильно осложнился участием в нем крупных группировок древней Веси, сыгравшей в этом процессе весьма важную роль.¹¹ В IX—X вв. карелы не совершают еще крупных передвижений. В XI в. они начали закрепляться у оз. Сайма, а к XI—XII вв., с одной стороны, в результате начавшейся миграции на север, а с другой — в процессе контактов с Весью уже существовали три основных области, заселенные предками современных карел: территория племени Корела, к западу и северу от Ладожского озера; северная Карелия, заселяемая тоже племенем Корела; территория Обонежья к северу от Свири, населенная ветвями племени Весь (будущие карелы-людики и ливвики), впоследствии вошедшими в состав карельского народа.¹²

Первое сообщение о Кореле в русских летописях относится к 1143 г.¹³ К этому времени Корела была уже в составе Русского государства.¹⁴

Значительное прогрессивное воздействие на формирование как материальной, так и духовной культуры карельского народа оказало то, что уже с XI в. карелы были тесно связаны со славянским населением и с этого времени развитие их культуры шло под влиянием русской.

С первых веков II тысячелетия на территорию Карелии началось проникновение славян преимущественно из Новгородской земли и из Верхнего Поволжья, поселялись они в Обонежье и Беломорье.¹⁵

С XII в. область Корелы начинает входить в состав территории Новгородской феодальной республики. Однако сюда вошли не все земли, принадлежавшие племени Корела, а лишь Карельское Приладожье и соседние окрестные погосты (Иломанский, Саволак, Якис, Эврея). Большие пространства от Ботнического залива до Белого моря, частью заселенные саамами (лопарями), а частью уже освоенные Корелой, не были включены в состав территории Новгородского государства, хотя и находились в сфере его разнообразных влияний. Карелы совместно с новгородцами на протяжении нескольких столетий вели активную борьбу со шведской агрессией. Это нашло отражение в русских летописях и скандинав-

¹¹ Там же, стр. 36.

¹² История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века. Матет. Петрозаводск, 1952, стр. 45.

¹³ Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941, стр. 63. — Более ранние упоминания о Кореле содержатся в скандинавских сагах, в частности в Эгиль-саге (874 г.).

¹⁴ «... тоя же зимы Изяслав поиде на дядю своего Юрия. За обиду новгородскую, а с ним брат его Ростислав со смольняны, и с повгородци, и с исковичи, и с корелью». (ПСРЛ, т. XXII, СПб., 1910, стр. 35).

¹⁵ Очерки истории Карелии, т. I. Петрозаводск, 1957, стр. 43.

ских хрониках (1191, 1228, 1240, 1253, 1256, 1284, 1293, 1295, 1300, 1301, 1323, 1337 гг.).¹⁶

В XIII—XV вв. у карел постепенно утвердились феодальные отношения. В 1227 г. официально они были крещены,¹⁷ хотя, видимо, христианство в форме православия распространялось среди них и раньше. Особенно интенсивно процесс феодализации шел на юге Карелии, там, где было развито земледелие, куда раньше проникали новгородские феодалы; на остальной же территории Карелии он протекал значительно медленнее. Тем не менее уже в XIV—XV вв. феодальное землевладение появляется в северной Карелии, где основными занятиями населения на слабозаселенных пространствах были звероловные и рыболовные промыслы.¹⁸

В 1478 г. Карелия вместе с Новгородом вошла в состав Русского централизованного государства, что сыграло большую роль в развитии экономической, культурной и политической жизни ее населения. На формирование особенностей культуры и быта края повлияли, несомненно, последовавшая конфискация земель новгородских бояр, превращение почти всех крестьян Карелии в государственных (черносошных), переход к денежной системе обложения. В эту пору на территории Карелии выделились четыре района: Корельский уезд (местности к западу и северо-западу от Ладожского озера), Заонежские погосты (земли между Онежским и Ладожским озерами), Лопские погосты (в центральной части современной Карелии) и Поморье (в прибрежье Белого моря). В Корельском уезде жили исключительно карелы, в других районах наряду с карельским населением проживали русские, саамы и вепсы (последние, особенно на Олонецком перешейке, в XIV—XVII вв. подверглись сильному карельскому воздействию). В южной и западной Карелии развивается пашенное земледелие, на севере — рыболовство, охота, солеварение, слюдяной промысел. На территории Карелии появляются торговые центры, крупнейшим из которых был г. Корела.

В начале XVII в. Русское государство подверглось вооруженной интервенции со стороны двух держав — Польши и Швеции. События XVII в. сыграли большую и, надо сказать, трагическую роль в исторических судьбах Карелии и карельского народа. По Столбовскому миру 1617 г. Карельский перешеек и южное побережье Финского залива остались за шведами. Усиление национального и религиозного гнета шведских феодалов вызвало несколько волн массового переселения карел в глубь Русского государства. Карельские беженцы селились на землях, принадлежавших государству, монастырям, боярам и дворянам, а с 50-х годов им стали предоставлять участки и на дворцовых землях.

¹⁶ Ср.: Очерки истории Карелии, т. I, стр. 67—70; История Карелии. . . , стр. 70—99.

¹⁷ ПСРЛ, т. I, стр. 149

¹⁸ Очерки истории Карелии, т. I, стр. 59.

В 50—60-е годы XVII в. уже определились важнейшие места поселения беженцев: большая часть из них (25—30 тыс.) расселилась в Тверском уезде и по соседству с ним (от них и происходят современные «калининские» карелы).¹⁹ Часть переселенцев осела в Заонежских и Лопских погостах.

В первой четверти XVIII столетия в связи с Северной войной между Россией и Швецией, в которой Россия стремилась вернуть земли, принадлежавшие ей ранее, и получить выход в Балтийское море, в Карелии сооружается несколько казенных металлургических заводов (Петровский, Кончезерский и др.), которые сыграли значительную роль в обеспечении армии и флота оружием. В 1721 г. был заключен Ништадтский мирный договор между Россией и Швецией, согласно которому России были возвращены северное Приладожье и Карельский перешеек, где частично оставалось карельское население, подвергнувшееся довольно сильной фипизации.

В XVIII в. в рамках господствовавшего феодально-крепостнического строя в Карелии стали заметны ростки новых капиталистических отношений. Развитие товарно-денежных связей и повышение роли денег в деревне вели к закабалению деревенской бедноты богатой верхушкой. В особенно тяжелом положении находились так называемые приписные крестьяне (приписанные к Олонецким Петровским заводам): помимо крестьянских повинностей, они обязаны были выполнять различные работы для казенных горных заводов.²⁰

В Карелии, кроме того, имелись черпосошные, или государственные, крестьяне, которые тоже находились в феодальной зависимости от государства, сказывающейся в уплате оброка хлебом или деньгами, а также монастырские и незначительное количество помещичьих крестьян.

Наиболее активно против феодальной эксплуатации выступали приписные крестьяне. В 1769 г. вспыхнуло крупное антифеодальное восстание приписных крестьян в Кижях (Заонежье), жестоко подавленное царизмом, в котором приняли участие русские, карелы и венсы.²¹

Внутренняя политика царского правительства всегда отличалась антинациональной направленностью: при царизме карелы никогда не были объединены административно, наоборот, области их расселения входили в различные административные единицы. В 1784 г. в целях укрепления дворянской диктатуры в России проводится реформа местного управления. Созданная в ту пору

¹⁹ А. С. Ж е р б и н. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.

²⁰ Я. А. Б а л а г у р о в. Приписные крестьяне Карелии в XVIII—XIX вв. Петрозаводск, 1962.

²¹ Я. А. Б а л а г у р о в. Кижское восстание 1769—1771 гг. Петрозаводск, 1951.

Олонецкая губерния, центром которой стал город Петрозаводск, объединила лишь часть карельских земель. Так, карелы, обитавшие в северном и западном Приладожье, остались за ее пределами. А в первой половине XIX в. карельские земли были еще более разобщены. Они были поделены между тремя губерниями — Олонецкой, Архангельской и Выборгской. Отсутствие дорог затрудняло культурное и экономическое общение между районами. В правовом отношении карелы паходились в одинаковом положении с русскими и вепескими крестьянами, однако феодальный гнет в карельских и вепеских районах дополнялся национальным.

Развитие капитализма в пореформенной деревне сопровождалось усилением социального расслоения крестьянства.²² В деревне появляется, с одной стороны, сельская буржуазия, с другой — сельский пролетариат. Большая часть крестьянства разоряется. Масса карельских крестьян ежегодно уходила на промыслы, отрываясь от земледелия. Поскольку промышленность была развита слабо, многие крестьяне ежегодно уходили за пределы Карелии.

К началу XX столетия Карелия представляла собой отсталую окраину царской России, место политической ссылки. Леса Карелии — главное ее богатство — принадлежали казне. В лесной промышленности преобладающее значение имели крупнейшие русские и иностранные лесопромышленники. Промышленность края оставалась неразвитой, а в карельских волостях ее вовсе не было, если не брать во внимание мелкие кустарные мастерские.

В годы первой русской революции 1905—1907 гг. в Петрозаводске, Пудожке, Кемии и других городах разворачивается массовое революционное движение среди пролетариата и крестьянства.²³ Весной 1906 г. в Петрозаводске была создана социал-демократическая группа, которая установила связь с Петербургской социал-демократической организацией.

После февральской революции, в марте—апреле 1917 г., в г. Петрозаводске образуется Совет рабочих и солдатских депутатов.²⁴ В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции Советская власть была установлена в ноябре 1917 г. в Сороке и Кемии (на Поновом острове), а в январе 1918 г. — в Петрозаводске. В январе—марте 1918 г. вся Карелия стала со-

²² Р. В. Филиппов. Реформа 1861 года в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1961; Я. А. Балагуров. Приписные крестьяне. . .

²³ Я. А. Балагуров. Карелия в годы революции 1905—1907 гг. В кн.: Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России. М., 1955; М. И. Шумилов. Революционное движение в Карелии в 1905—1907 гг. Петрозаводск, 1955; Революционные события в Карелии в годы первой русской революции (1905—1907 гг.). Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1955.

²⁴ М. И. Шумилов. Борьба большевистских организаций Карелии за победу и упрочение Советской власти. 1917—1918. Петрозаводск, 1957, стр. 21.

ветской.²⁵ Упрочение Советской власти в Карелии протекало в ожесточенной борьбе с кулачеством и иностранной интервенцией.²⁶

Советская власть в корне изменила политическую и социальную обстановку в крае. В июне 1920 г. ВЦИК, руководствуясь принципами национальной политики Коммунистической партии и идя навстречу пожеланиям карельского народа, принял декрет об образовании Карельской Трудовой Коммуны. 25 июля 1923 г. Карельская Трудовая Коммуна была преобразована в Карельскую АССР.

Изменилась классовая структура карельского общества. Были ликвидированы эксплуататорские классы. Важнейшим и завершающим этапом в этом революционном процессе явилась коллективизация сельского хозяйства, проведенная в начале 30-х годов.²⁷ Переход на коллективные формы труда способствовал выработке новых черт не только в области производственного быта и общественной жизни, но и в сфере семейных отношений, материальной и духовной культуры. Большое значение для развития народного хозяйства края имело строительство и улучшение дорог, совершенствование транспорта, в частности сооружение Беломорско-Балтийского канала (1933 г.).

За годы предвоенных пятилеток и послевоенный период в корне изменился хозяйственный и культурный облик края. Валовая продукция промышленности республики к 1940 г. увеличилась по сравнению с 1913 г. в 8,4 раза.²⁸ За эти годы было построено много новых предприятий, которые давали уже свыше 80% всей промышленной продукции республики. Возникли новые отрасли хозяйства — энергетика, целлюлозно-бумажное производство и т. д. Все это имело последствием серьезное изменение этнического состава населения республики, более тесное сближение карел с русскими и представителями некоторых других национальностей (так, для работы в лесной промышленности в 30-е годы приехало немало финнов из Финляндии и Канады), усилило культурный обмен между ними.

В годы Великой Отечественной войны значительная часть территории республики была временно оккупирована финскими и немецкими захватчиками. Огромный ущерб, исчисляемый в 20 млрд руб., нанесли оккупанты народному хозяйству республики. Полностью были уничтожены 84 населенных пункта, 200 промышленных предприятий, разрушено 511 мостов и 540 км железнодорожного пути, 60% жилого фонда г. Петрозаводска

²⁵ В. И. М а ш е з е р с к и й. Установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957.

²⁶ Очерки истории Карелии, т. II. Петрозаводск, 1964.

²⁷ Там же, стр. 236 и сл.

²⁸ Там же, стр. 332.

и др.²⁹ Но война разрушала не только производительные силы. В ее огне гибли ценнейшие памятники народной культуры — отдельные постройки и целые поселения, предметы традиционной одежды и утвари, произведения народного творчества и мастерства.

И все же, несмотря на трудности, экономика и культура края и в предвоенный период, и в послевоенные годы, а особенно за последнее десятилетие развивались быстро и успешно. В советскую эпоху в Карелии осуществилась культурная революция.³⁰ Превращение Карелии в республику сплошной грамотности; создание широкой сети детских учреждений, общеобразовательных школ, специальных и высших учебных заведений; воспитание собственных кадров (в частности, из числа карел) работников просвещения, медицинской службы, промышленности, сельского хозяйства, науки; развертывание системы культурно-просветительных учреждений (клубов, домов культуры, библиотек); развитие прессы, радиофикация и кинофикация, а в последние годы появление телевидения; возникновение профессионального и самодеятельного искусства (театр, музыка, живопись) и литературы; создание и совершенствование служб быта, советской торговли, общественного питания и т. д. — все это наложило глубокий отпечаток на развитие материальной культуры карельского народа.

Таким образом, знание обстоятельств и условий как природных, так и исторических, повлиявших на развитие культуры карел вообще и их материальной культуры в особенности, позволяет более точно формулировать задачи этнографического изучения этого раздела карельской культуры и определить наиболее эффективные приемы работы.

Задача исследования состоит в том, чтобы дать систематическое описание важнейших сторон традиционной материальной культуры карел в той мере, в какой они могут быть прослежены на этнографическом материале. Понятно, что такое описание не должно свестись к простому описанию фактов, а должно иметь целью выяснение истории всей материальной культуры народа вообще и ее отдельных сторон и элементов в частности. Стремясь к историческому освещению процесса, следует проанализировать влияние классовых различий и антагонизмов, существовавших в карельском обществе в дореволюционный период, на развитие материальной культуры, а также показать, как благотворно ска-

²⁹ Там же, стр. 400.

³⁰ С. Колосенко, И. Моносов. Культура советской Карелии. Петрозаводск, 1959.

залось на прогрессе этой области культуры уничтожение классовой вражды, отчужденности и неравенства в советскую эпоху.

Одной из главных задач работы является попытка уяснить место, которое занимают карелы и их культура среди других народов, проживающих на нашем Севере. Для этого требуется провести сравнение форм материальной культуры карел с аналогичными элементами материальной культуры, выработанными окружающими их народами — северными группами великорусов, вепсами, ижорами, водью, коми (зырянами и пермяками), саамами (лопарями) и др. Задача поисков культурных связей и аналогий ставится в центр внимания. Весьма существенным является и вопрос о локальных особенностях карельской материальной культуры, который частично имеет прямое отношение к вопросу о связях с соседними народами, частично касается проблемы этногенеза карельского народа и, наконец, частично имеет и самостоятельное значение.

Исходя из изложенного становится понятным, что методические приемы при сборе и обработке этнографического материала к теме должны были включать такие испытанные в советской науке способы работы, как обследование всей заселенной карелами территории маршрутными и стационарными экспедициями, непосредственное наблюдение изучаемых объектов и опрос информаторов, различные формы фиксации всех полученных данных, прослеживание областей распространения в пределах карельской этнической территории, а также за этими рамками тех или иных элементов материальной культуры, поиски соответствующих аналогий у соседних этнически родственных и неродственных народов, выявление хронологических напластований и т. д.

Мы не ставим перед собой задачи изучения в полном объеме проблемы генезиса материальной культуры карел: это особая тема, исследование которой должно проводиться совместно с археологами и историками. По той же причине мы лишь в очень слабой степени касаемся вопросов этногенеза и этнической истории карельского народа. Для их решения следовало бы привлечь к работе также лингвистов, антропологов и, возможно, фольклористов. Все это определяет и хронологические рамки настоящего исследования, нижняя граница которых опускается вглубь лишь настолько, насколько интересующие нас факты «просматриваются» с помощью этнографического материала. Хотя мы в отдельных случаях привлекаем письменные источники XVII и XVIII вв., все же основные полевые материалы, как правило, позволяют проникать не глубже, чем до середины XIX в. Верхняя граница — наше время. Следует заметить, что многие факты, полученные в экспедиции, не могут быть датированы вполне точно, скажем, в пределах десятилетия. Мы вынуждены поэтому пользоваться такими хронологическими характеристиками, как «в дореволюционное время», «в конце XIX в.» и т. д.

Затрудненность датировки усложняет в свою очередь и задачу периодизации процесса развития материальной культуры. Периодизация истории материальной культуры, особенно в советскую эпоху, в нашей литературе вообще разработана слабо.

Основываясь на имеющихся фактах и опираясь на некоторые важные труды советских этнографов,³¹ можно предложить следующую схему периодизации, детали которой в дальнейшем будут уточняться. В выделенных нами хронологических границах ясно различаются два больших периода — дореволюционный и советский. В свою очередь в рамках дореволюционного периода также обособляются два этапа — вторая половина XIX в. и предреволюционный (примерно с рубежа XIX и XX столетий до установления Советской власти). В рамках советского периода довольно четко вырисовывается доколхозный этап развития материальной культуры; на смену ему приходит другой важный этап, длившийся с 1929—1933 гг. (начало массовой коллективизации) до 1941 г. (начало Великой Отечественной войны). Период войны, вероятно, следует рассматривать в качестве особого этапа. Послевоенное двадцатилетие также должно быть обособлено, хотя, как говорят факты, последнее десятилетие в сравнении с предыдущим имеет свои отличительные черты.

Не все этапы истории, а также не все стороны материальной культуры изучены нами одинаково подробно. В исследовании преобладают материалы, относящиеся к дореволюционному периоду. Развитие материальной культуры карел в советскую эпоху освещено более обобщенно. Это связано не только с пехваткой и недостаточной разработанностью фактических данных, но и с совершенно новой социально-культурной ситуацией, сложившейся в крае. В интересах сопоставимости ранних и поздних материалов мы исключаем из рассмотрения вопросы развития материальной культуры городского населения, останавливаясь лишь на некоторых сторонах его в лесных рабочих поселках; мы не рассматриваем проблему соотношения народного традиционного современного и профессионального изобразительного искусства и т. д. Поэтому краткий очерк некоторых изменений, происшедших в материальной культуре карел в советскую эпоху, составляющий шестую главу этой книги, нужно рассматривать лишь как набросок на пути к полному воплощению этой большой темы.

Основным источником сведений для нашей работы послужили материалы «полевых» этнографических наблюдений, собранные

³¹ См., например, работы Е. Э. Бломквист, Н. И. Лебедевой, Г. С. Масловой в кн.: Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX—начале XX в. М., 1956; Село Вирятино в прошлом и настоящем. М., 1958; Материалы и исследования по этнографии русского населения европейской части СССР. М., 1960; Л. Н. Анохина, М. И. Шмелева. Быт и культура колхозников Калининской области. М., 1964, и др.

автором в течение ряда лет, начиная с 1955 г.³² В дополнение к «полевым» материалам изучены и использованы вещевые памятники материальной культуры, имеющиеся в фондах Карельского государственного музея в г. Петрозаводске и Народного музея в г. Олонце, а также карельские коллекции, хранящиеся в Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде, и материал по этнографии карел, хранящийся в архивах Всесоюзного географического общества и Петрозаводского института языка, литературы и истории АН СССР.

Одним из важных источников для описания карельской материальной культуры ранних периодов явился карело-финский эпос «Калевала».³³

Литературные источники по исследуемой теме немногочисленны. Интересные материалы содержатся в описаниях путешествий по Карелии русских исследователей XVIII в.³⁴

В начале и середине XIX в. Карелия привлекала внимание русских и финских фольклористов и языковедов, но изучению материальной культуры карел эти исследователи, понятно, уделяли мало внимания. Работы, в которых отчасти отражались некоторые вопросы нашей темы, носили частный и описательный характер. Материальной культурой интересовались мельком, поверхностно.

В конце XIX и начале XX столетий интерес к материальной культуре карел усилился. Появляются отдельные публикации, посвященные изучению некоторых ее сторон (в частности, построк).³⁵ Но в имеющейся дореволюционной русской и финской буржуазной этнографической литературе, в которой затрагиваются вопросы карельской этнографии, обнаруживается две тенденции их освещения. Некоторые русские дореволюционные исследователи, отмечая чрезвычайно тесные связи карел с русскими, считали, что многие элементы в культуре карел заимствованы от русских. В общем это верно. Однако их подчас беглые, но чрезмерно

³² Поездки осуществлялись под руководством автора при участии студентов Петрозаводского университета: 1955 г. — в Кемской и Лоухский районы; 1956 г. — Петровский, Суоярвский и Сортавальский; 1957 г. — Рутозерский, Олонецкий и Пряжинский; 1958 г. — Медвежьегорский, Кондопожский; 1959 г. — Лоухский и район Калевалы; 1960 г. — Олонецкий; 1961 г. — Кемский и Беломорский; 1962 г. — Калининская область (совместно с Институтом этнографии АН СССР); 1963—1964 гг. — Прионежский и Олонецкий районы (совместно с Институтом этнографии АН СССР). Материалы экспедиций хранятся в НА ПИЯЛИ и в Институте этнографии АН СССР.

³³ Карельские эпические песни. М.—Л., 1950; Калевала. Карело-финский народный эпос. Петрозаводск, 1956.

³⁴ Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 году, ч. IV. СПб., 1805; Н. Я. О з е р е ц к о в с к и й. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильмени. СПб., 1812; Путешествие по Северу России в 1791 году отставного секунд-майора Петра Челищева. СПб., 1886.

³⁵ Н. Н. Х а р у з и н. Очерки развития жилища у финнов. Этнографическое обозрение. М., 1895.

решительные замечания о культуре карел сводились фактически к мысли о культурной ассимиляции карел русскими. Эту мысль с особенной охотой развивали авторы, принадлежавшие к церковным кругам. Например, красвед А. Ласточкин писал: «И западная (т. е. чисто карельская) часть Олонецкой губернии совершенно русская. Образ жизни, нравы, обычаи — здесь все то же, что и внутри России, исключая природного языка карелов».³⁶

Известный этнограф Н. Н. Харузин, по существу, склонялся к той же мысли, хотя формулировал ее несколько осторожнее: «Достаточно беглого взгляда на жилище карела и обстановку в его жилье, — писал он, — чтобы заметить, что они в значительной мере заимствованы от русских; в одежде карел подражает русскому».³⁷ Конечно, встречались высказывания и более объективного характера. Так, этнограф-краевед Н. Лесков, глубже других изучивший этнографию карел, также писал о тесном общении карел с русскими, но при этом указывал, что «результатом такого близкого общения является то обстоятельство, что как русские, так и карелы многое перенимают и заимствуют друг от друга, начиная от языка и обычая и кончая покроем одежды».³⁸ В данном случае, что особенно важно, Н. Лесков не умалчивает и об обратном влиянии, которое оказывали карелы на русских. Без предвзятости описывали жизнь карел и другие русские авторы. Сюда можно отнести Н. Камкина,³⁹ И. В. Оленева,⁴⁰ оставившего очень интересное описание культуры и быта северных карел, М. А. Круковского,⁴¹ осветившего быт олонецких карел, и др.

Элементы материальной культуры народа обладают большой устойчивостью. Они складываются на протяжении длительного периода времени под влиянием различных факторов, таких как географические условия, направление занятий населения, состояние материальных производительных сил, исторические традиции данного народа, культурные связи с другими народами и др. Неудивительно поэтому, что у народов, живущих в одинаковых географических условиях и стоящих на одном уровне развития производительных сил, народов, исторические судьбы которых переплелись теснейшим образом и связи которых, основанные на

³⁶ А. Л а с т о ч к и н. Карелы, обитающие в Олонецкой губернии. Олонецкий сборник, т. III. Петрозаводск, 1894, стр. 137.

³⁷ Н. Н. Х а р у з и н. Этнографический сборник географического общества, IV. СПб., 1858, стр. 255, 256.

³⁸ Н. Л е с к о в. О влиянии карельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии. Живая старина, 1892, № 4, отд. 2, стр. 97.

³⁹ Н. К а м к и н. Архангельские карелы. Древняя и новая Россия, 1880, № 2, стр. 291—309; № 4, стр. 651—673.

⁴⁰ И. В. О л е н е в. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917.

⁴¹ М. А. К р у к о в с к и й. Озерный край. Путевые заметки. СПб., 1904.

самом близком и дружественном общении друг с другом, насчитывают чуть ли не тысячелетие, можно найти одинаковые, общие элементы материальной культуры. Наглядный пример такой близости и дает сравнительное изучение северновеликорусской и карельской материальной культуры. Вместе с тем близость не означает тождества. Русское влияние на карел велико, но не безгранично.

Другая тенденция в освещении карельской культуры проявилась в работах финских буржуазных этнографов, которые, напротив, пытаясь обосновать этнокультурное единство финно-угорских народов, стремились либо отрицать, либо игнорировать связи карел с русскими, намеренно подчеркивали черты сходства (иногда даже мнимого, а иногда и реального, но проще объясняющегося не этническим родством, а иными причинами) в культуре и быту карел с другими народами финно-угорской языковой группы, в особенности с финнами-суоми. Они стремились доказать культурное единство народов, родственных по языку, не учитывая конкретных исторических условий формирования каждого из них.

Безусловно, общие финно-угорские (или уже — прибалтийско-финские) элементы как наследие древних времен имеются в языке, культуре и частично в антропологическом типе (элементы монголоидности) карел. Но это вопрос очень сложный, мало исследованный. Не следует забывать, что в культуре любого народа имеется множество наслоений, поздних и ранних, мощных и слабых. В частности, в культуре карел прослеживаются черты русской, вепсской, финской, саамской и других культур; но так как карелы длительное время находились в составе Русского государства, то и влияние русской культуры на их культуру стало наиболее интенсивным. Это обстоятельство как раз и не учитывалось некоторыми националистически настроенными финскими буржуазными этнографами. Их односторонний подход к этому вопросу является неверным, антиисторическим. Примеры такого подхода нетрудно отыскать в работах А. О. Гейкеля, У. Т. Сирелиуса и др.⁴² Просматривая этнографические труды финских ученых того периода, легко убедиться в их тенденциозности. Даже такая крупная работа в этой области, как капитальный трехтомник «Suomen suku» (Финское племя),⁴³ представляющий собой обстоятельную сводку по истории, археологии и этнографии всех финно-угорских народов, в котором принимали участие наиболее видные ученые — И. Маннинен, У. Т. Сирелиус, Н. Паасонен, Е. Н. Сетяля и др., имеет явную антисоветскую и националисти-

⁴² А. О. Гейкель. О народном орнаменте финских племен. Гр. Второго областного тверского археологического съезда 1903 г. Тверь, 1906, стр. 123—125; U. T. Sirelius. Die Vogel- und Pferdomotive der karelischen und ingermanländischen Broderien. *Studia Orientalia*, 1, Helsinki, 1925, стр. 372—388.

⁴³ Suomen suku. Helsinki, osa I, 1926; osa II, 1928; osa III, 1934.

ческую направленность. Не свободны от нее и обобщающие работы таких крупных знатоков этнографии финно-угорских народов, как Т. Итконен,⁴⁴ И. Маннинен.⁴⁵

Вместе с тем в старых работах финских ученых, относящихся в особенности к периоду до отделения Финляндии от России в 1918 г., указанная тенденция не была их лейтмотивом, она смягчалась известной долей эволюционизма. Националистические тенденции возобладали позднее. Они подогревались и направлялись антисоветским курсом тогдашнего финского правительства.

Правда, в послевоенный период в финской буржуазной этнографии постепенно наметилось прогрессивное направление, возглавляемое К. Вилкуна. В работах представителей этого направления, особенно вышедших в последние годы, заметно стремление преодолеть прежние заблуждения и приблизиться к верному пониманию проблем этнографии финно-угорских народов с учетом их исторических связей с соседними народами.⁴⁶ Попытки рассмотреть, в частности, вопросы карельской этнографии под этим новым для финской науки углом зрения видны, например, в университетском курсе Т. Вуорела⁴⁷ и особенно в недавно опубликованной монографии Х. Киркинена.⁴⁸ Безусловно, работы финских ученых интересны и с фактологической стороны.⁴⁹

Существенный вклад в изучение этнографии карел (в том числе и их материальной культуры) внесли труды советских ученых. Их методологическое значение несомненно. К сожалению, эта литература не богата, а исследования далеко не всесторонни. Часть из них посвящена верхневолжским карелам,⁵⁰ изучение этнографии которых, как отмечалось, лежит за пределами прямых задач настоящей работы. Остальные, прямо относящиеся к нашей теме, очень немногочисленны.

В 1925 г. в северо-западной Карелии работала экспедиция под руководством Д. А. Золотарева. В результате был собран яркий этнографический и антропологический материал о северных карелах, впоследствии опубликованный,⁵¹ который и теперь пред-

⁴⁴ T. I. I t k o n e n. Karjalan historia. Historian aitta III. Historian ystävien liitto. Jyväskylä, 1938.

⁴⁵ I. M a n n i n e n. Die finnisch-ugrischen Völker. Leipzig, 1932.

⁴⁶ K. V i l k u n a. Die finnisch-ugrische Ethnologie heute. Congressus internationalis fenno-ugristarum. Budapestini habitus 20—24 IX 1960. Budapest, 1963, стр. 304—318.

⁴⁷ T. V u o r e l a. Suomensukuiset kansat. Turku, 1960.

⁴⁸ H. K i r k i n e n. Karjala idän kulttuuripiirissä (Bysantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan). Helsinki, 1963.

⁴⁹ P. V i r t a r a n t a. Vienan kansa muistelee. Porvoo, 1958.

⁵⁰ Г. С. М а с л о в а. Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1951.

⁵¹ Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Заваднофинский сборник, Л., 1930 (повторная публикация: Карельский сборник, М.—Л., 1931).

ставляет большой интерес. Хорошая, хотя и краткая сводка этнографических фактов содержится в книжке А. А. Иванова.⁵² В статье А. М. Линевского⁵³ дано краткое описание культуры и быта преимущественно южных карел. В статье Д. К. Зеленина⁵⁴ содержится ряд интересных сведений по духовной и отчасти материальной культуре карел. Фундаментальным исследованием карельской народной архитектуры является работа Р. М. Габее.⁵⁵ Автор, правда, исследовал и описал деревянное зодчество не на всей территории Карелии, а преимущественно в южных ее районах и на Заонежском полуострове, но и в этом виде его труд представляет значительный этнографический интерес.

В послевоенный период изучением поселений в Карелии занимался М. В. Витов.⁵⁶ Его работы во многом прояснили важные моменты истории формирования и группировки поселений и позднее позволили В. В. Пименову⁵⁷ дать общий очерк развития карельских поселений. В 1955 г. Р. Ф. Тароевой была защищена кандидатская диссертация, в которой исследовалась материальная культура северных карел.⁵⁸

С 1955 г. Петрозаводским институтом языка, литературы и истории АН СССР,⁵⁹ а также Карельским государственным музеем проводится систематическое, планомерное изучение этнографии карельского народа. Собранные материалы частично опубликованы.⁶⁰ Настоящая работа является попыткой обобщения этнографических данных о материальной культуре карел, собранных автором за прошедшие годы. Надо отметить, что в сборе экспедиционных материалов автору помогали искусствовед В. И. Плотников, бывшие студентки Н. И. Подволокина (ныне покойная), Л. Н. Титова, Л. В. Филимонова, художник Май Мечев. Большую помощь в уточнении и частично в подборе названий отдельных элементов материальной культуры на диалектах карельского языка оказали канд. филолог. наук Г. Н. Макаров, ст. лаб. А. С. Тупи-

⁵² А. А. Иванов. Карелия. М.—Л., 1928.

⁵³ А. М. Линевский. Карелы. СЭ, 1941, V, стр. 89—109.

⁵⁴ Д. К. Зеленин. О старом быте карел Медвежьегогорского района Карело-Финской ССР. СЭ, 1941, V, стр. 110—125.

⁵⁵ Р. М. Габее. Карельское деревянное зодчество. М., 1941.

⁵⁶ М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. М., 1962 и др.

⁵⁷ В. В. Пименов. К истории сложения типов поселений в Карелии. СЭ, 1964, № 2.

⁵⁸ Р. Ф. Тароева. Материальная культура северных карел во второй половине XIX в. и первой половине XX в. Автореф. канд. дисс., М., 1954.

⁵⁹ До 1963 г. Институт входил в состав Карельского филиала АН СССР.

⁶⁰ Р. Ф. Тароева. Способы и средства передвижения у карел в до-революционное время (конец XIX—начало XX в.). Тр. Карельск. фил. АН СССР, вып. XXII, 1959; В. В. Пименов. К вопросу о карельско-венских культурных связях. СЭ, 1960, № 5; В. В. Пименов, Р. Ф. Тароева, У. С. Копкка и др. Верхний Олонек — поселок лесорубов. М.—Л., 1964.

цына. Указатель карельских терминов подготовлен А. В. Климовой. Часть рисунков и таблицы, приложенные в конце книги, взятые из фондов архива Института этнографии им. Н. Н. Миклухо Маклая АН СССР, выполнены сотрудником этого института М. М. Сашиковым.

В обсуждении рукописи приняли участие и высказали ценные советы и замечания этнографы В. В. Шименов, В. Н. Белицер, Л. Н. Терентьева, Г. С. Маслова, Н. В. Шлыгина; археолог-этнограф А. М. Ливневский и сотрудники сектора истории Петрозаводского института языка, литературы и истории АН СССР. В подготовке рукописи к печати приняла участие А. В. Щемелева.

Всем названным товарищам автор приносит сердечную благодарность.

Г л а в а п е р в а я

Х О З Я Й С Т В О И З А Н Я Т И Я . О Р У Д И Я Т Р У Д А

Уровень развития экономики и направление хозяйственной деятельности народа определяет особенности формирования его культуры вообще, а материальной в особенности. Поэтому, обращаясь к исследованию материальной культуры карел, необходимо прежде всего представить себе реальную обстановку их хозяйственного быта.

Хозяйство карел исторически сложилось как комплексное. Помимо земледелия и животноводства, их постоянными занятиями были рыболовство и охота, собирание «готовых даров природы» (ягод, грибов и т. п.), домашние промыслы и ремесла, а также отхожие промыслы (лесные разработки, извоз, коробейничество и проч.).

Земледелие. Хотя земледелие вовсе не являлось единственным занятием карельского народа, каждый карел считал себя прежде всего земледельцем. Землепользование в Карелии в XIX—начале XX в. формально считалось общинным, однако практически карелы пользовались своими наделами как собственными, выплачивая подати государству — верховному собственнику земли.

Особенности земледелия и землепользования на территории Карелии, как и на всем севере России, определяли незначительную роль общины, выполнявшей лишь функции административного учреждения, поддерживаемого правительством в фискальных целях. Сельская община у карел включала 20—30 деревень, удаленных друг от друга на большие расстояния, поэтому карелы и говорили, что «в деревне мира не наберешь».¹

¹ Очерки истории Карелии, т. I, Петрозаводск, 1957, стр. 232; Я. А. Б а л а г у р о в. Характер землепользования в приписной деревне Олопецкого горного округа в XVIII—первой половине XIX в. Уч. зап. Петрозаводск. унив., т. XI, 1962, стр. 204.

Карелы страдали от недостатка удобных для ведения хозяйства земель (пашен, сенокосов). Так, в первой половине XIX в. на одно хозяйство приходилось в среднем лишь 2—4 десятины. Большую часть занимаемой ими территории составляли болота, озера, леса.

Во второй половине XVIII и в XIX в. карелы практиковали две системы земледелия: трехполье и подсеку (с. к. huuhita; люд. palo; ливв. palo).² Карелия — классическая страна подсеки, сохранявшейся в некоторых местах, несмотря на многочисленные запреты правительства, вплоть до Советской власти. Для подсеки выбирали участки со смешанным или лиственным молодым лесом на возвышенном месте вдали от деревни (5—8 км). Весной или летом участок вырубали: кустарник и мелкие деревья рубили женщины косарями, а деревья потолще вырубали мужчины топорами. Вырубленный лес складывали в кучи и через год (в мае—июне) сжигали. Вокруг участка выкапывали канаву, чтобы огонь не перекинулся на окружающий лес. Вырубленные горящие деревья перекатывали шестами так, чтобы зола равномерно ложилась на землю. Участок огораживали деревянной изгородью и расчищали от камней, которые складывали тут же, у изгороди. Шней не корчевали.

Иногда подсеку делали в хвойном лесу. В таком случае высокие деревья высушивали «на корню», и чтобы дерево «не шло соки», на нем на высоте 1—1.5 м от земли сдирали кору. Оставленные в таком виде на подсеке деревья погибали. На такой подсеке сеяли всего один раз. Аналогичный обычай устройства подсеки был известен финнам (в Саво) и коми-зырянам.³ Финский исследователь И. Маннинен считает, что подобный способ устройства подсеки является одним из наиболее древних.⁴ В XIX в. карелы применяли его очень редко; в большинстве случаев это относилось к олонецким карелам, которые, чтобы скрыть подсеку от представителей власти, оставляли на расчищенном участке много елей и сосен со снятой корой.

Участок вспахивали самодельной сохой (с. к. atra; люд. paloadr; ливв. -u) с отвесной рассохой и узкими длинными сошниками — тип коловой сохи без отвала, тождественный русской «цапухе», которой не пахали, а лишь слегка рыхлили землю. Затем землю боронили бороной-суковаткой (с. к. čisukarte, aštivo;

² Карельские термины воспроизводятся с помощью обычной фонетической транскрипции, несколько, правда, упрощенной сравнительно с той, которой пользуются лингвисты финно-угроведы. Названия карельских диалектов даются сокращенно: с. к. — собственно карельский (северный) диалект, люд. — людиковский диалект, ливв. — ливвиковский диалект. В тех случаях, когда основа слова во всех диалектах одинакова, указывается лишь диалектное окончание.

³ I. M a n n i n e n. Maanviljelys. Heinänteko. In: Suomen suku, osa III, Helsinki, 1934, стр. 102.

⁴ Там же.

люд. *astivo*, ägez; ливв. *astavu*), представляющей собой своеобразный тип бороны, приспособленной для работы на каменистой неровной почве с оставшимися после сжигания леса пнями. Аналогичные орудия обработки подсеки бытовали у соседнего вепсского населения, у северных великорусов, у эстонцев (южная Эстония), у финнов (восточная Финляндия) и у многих других народов.

В первый год на подсеке сеяли озимую рожь и ячмень, на второй — овес и рену. Участок использовали два-три года, а затем осваивали новый. Характерно, что у некоторых народов северной полосы (например, у коми-зырян) по подсеке сеяли только один раз, и только рожь.⁵

Сев озимых на подсеке начинался обычно в августе перед Ильиним днем; сеял, как правило, сам хозяин. Осенью убирали урожай: жали сернами, связывали в снопы, ставили в бабки, а затем складывали в скирды и оставляли на участке. С первым снегом снопы на саях вывозили в ригу, здесь их просушивали и молотили.

Подсечная система земледелия в XIX в. существовала во всех уездах Олонецкой, а также в Кемском уезде Архангельской губернии, однако степень ее распространения была различна. Так, например, в Петрозаводском уезде Олонецкой губернии подсечное хозяйство велось лишь в Кончезерской и Салменижской волостях, в Олонецком уезде — повсеместно, кроме Рыпушкальской волости, большей части Неккульской и в отдельных деревнях Видлицкой, в Повенецком уезде подсечное хозяйство велось почти повсюду.⁶ В Кемском уезде, по нашим данным, подсеку разрабатывали в различных размерах почти во всех волостях.

Господствующей системой земледелия во второй половине XVIII и в XIX в. стало, однако, трехполье. При трехпольном севообороте сеяли ячмень, овес, рожь. Северные карелы после пара в озимом клину сеяли ячмень, затем рожь, а ливвики и людики, как и соседнее русское население, всегда сеяли сначала рожь, а затем ячмень. Озимые культуры сеяли с 20 июля по 15 августа. Посев яровых обычно начинали в 20-х числах апреля, а на севере Карелии 6—8 мая и закапчивали 10—15 мая. В некоторых местах на юге Карелии в небольшом количестве сеяли горох, коноплю и лен, а также шеницу. При трехпольном севообороте не всегда четко соблюдалась очередность засева полей, не говоря уже о регулярности удобрения участков. На одном и том же поле сеяли одну культуру по два-три года подряд, в результате чего

⁵ В. Н. Беллицер. Очерки по этнографии народов коми XIX—начала XX в. М., 1958, стр. 37.

⁶ Р. В. Филипов. Реформа 1861 года в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1961, стр. 15, 16.

земля истощалась, урожай были очень низкими.⁷ Орудия обработки полей были также примитивными. Пахали землю сохой с отвалом. Сохи такого же типа бытовали у русских Архангельской и Вологодской губерний, у финнов (восточнофинская), эстонцев (южноэстонская), венсов, води и многих других народов Севера европейской части России.⁸ Так же как и при разработке подсеки, боронили бороной-суковаткой.⁹

На глинистых почвах карелы-ливвики применяли деревянный каток (ливв. *viegu, katku*) «толщиной в диаметре от 6 вершков, длиной до 10 четвертей, чаще с продольными выемками».¹⁰ Это орудие, по всей вероятности, более позднего происхождения. В Прибалтике аналогичные катки получили распространение во второй половине XIX столетия.¹¹ Карелам известны и в прошлом широко применялись мотыги (с. к., люд. *kuokka*; ливв. -u) различных размеров для разбивания комков земли на поле.

Несложные деревянные сельскохозяйственные орудия (бороны, сохи) крестьяне делали сами, мотыги, сошники, отдельные части орудий из железа покупали на ярмарках или заказывали кузнецам. В кулацких хозяйствах в начале текущего столетия появились плуги и железные бороны.

Сев на культурных полях производился вручную, чаще самим хозяином семьи, либо членом семьи из старшего поколения. Сеяли из берестяного лукошка (люд. *ruzu*; ливв. *komšu*), которое подвешивалось через плечо на веревке или полотенце. Из него зерно равномерными бросками справа налево разбрасывали по полю. Рядом с хозяином шел кто-либо из семьи «для примечания ряда, чтобы не было огрехов». Рожь, руководствуясь приметам, никогда не сеяли в период убыли луны, а овес и ячмень можно было сеять в любое время.

Довольно своеобразно сеяли репу. В чашку насыпали 5—6 столовых ложек семян. Брели небольшую очищенную от коры ольховую палочку, смачивали ее в воде и макали в семена, затем слизывали семена с налочки и выплевывали на землю. Эта процедура у собственно карел называлась *šülkie nakrista*, у ливвиков — *šul'gema nagrišt*, что в переводе означает — плевать репу, а у ливвиков — *puhuo nagrištu*, что значит — дуть репу.

⁷ Памятная книжка Архангельской губернии на 1912 г. Архангельск, 1912, стр. 101.

⁸ T. Vuorela. Suomensukuiset kansat. Turku, 1960, стр. 119, 141; Suomen suku, osa III, стр. 110—111.

⁹ А. С. Бежкович, С. К. Жегалова, А. А. Лебедева, С. К. Просвиркина. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. М., 1959, стр. 25.

¹⁰ М. Д. Георгиевский. Карелы. Вестн. Олонек. губ. земства, 1908, № 10, стр. 7; В. В. Пименов. К вопросу о карельско-венских культурных связях. СЭ, 1960, № 5, стр. 33.

¹¹ Ср.: G. Ränk. Valtalaiset. Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia, 267. Helsinki, 1960, стр. 91.

Убирали урожай сернами (sirppi). На территории Карелии были распространены два типа серна: на большей части — серп с зубчатым рабочим краем лезвия, а на северо-западе, на границе с Финляндией, — с гладким лезвием (кошчик такого серпа загибался не во внутрь, а наружу). Аналогичные серны имели распространение в центральной Финляндии (Ристаниemi), где они были известны под русским названием sirppi.¹² Серны изготовлялись

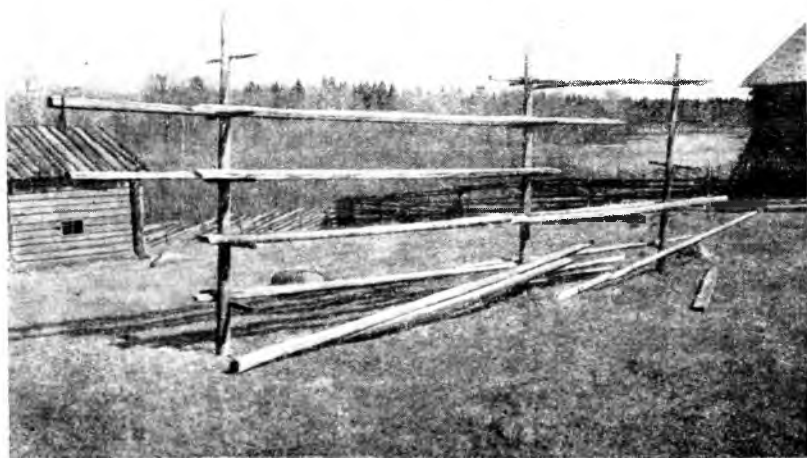

Рис. 1. Прясла (huadžu).

большей частью местными кузнецами или покупались на ярмарках. С уборкой урожая у карел было связано много обычаев и примет: во время жатвы жницы не позволяли другим женщинам переходить через сжатую полосу, они не могли подменять соседок по работе до конца рабочего дня, серп оставляли на поле, так как считалось, что от этого будет легче жать на следующий день. По окончании жатвы иногда кидали серп позади себя: если серп втыкался концом в землю, значило, что жница проживет еще долго, если же втыкался боком — она скоро умрет или заболеет. Сжатый хлеб связывали в снопы (с. к. liuhes; люд. sнуорри; ливв. lühtes), а затем ставили в бабки (с. к. kuhilaš, люд. барк; ливв. -u). В сырое лето в бабку складывали по 7 снопов (ливв. seittsemikkö), в сухое — 10 снопов (ливв. kümenniko). Бабки просушивали на поле, а затем складывали в зарод (suabra), как правило, удлиненной формы. В зарод входило от 70 до 80 бабок. Осенью снопы свозили в риги, где их сушили и молотили цепами (с. к. priuša; люд., ливв. šierpi).

¹² Vanhan Ruoveden historia. Helsinki, 1935, стр. 55.

Рядом с ригой часто можно было видеть прясла (с. к. *huassa*; люд. *huadz*; ливв. *huadžu*) для сушки снопов, сена, гороха, льна, конопли и т. д. Прясла состояли из горизонтальных жердей, укрепленных одним из двух способов: жерди либо продеты в прорубленные в столбах отверстия, либо положены на перевязи попарно вкопанных шестов (рис. 1).

У карел цепи для молотьбы были такой же формы, как и у северных великоруссов. Било цена делали из березового дерева, а рукоять из сосны. В Финляндии молотили такими же цепями. Финская исследовательница Х. Вилпнула из шести описанных ею типов цепей выделяет два и считает их заимствованными у славянского населения (карельск. *prüus* 'цеп'; русск. *приуз*).¹³

Высушенные снопы складывали в риге в два ряда на деревянном полу для молотьбы,¹⁴ колосьями друг к другу. В молотьбе принимали участие обычно три человека: двое молотили, а третий разрезал и подносил снопы, отосил солому и отгребал в угол зерно. Некоторую помощь оказывали дети. Для отгребания зерна карелы пользовались специальной лопаточкой (с. к. *riihilari*; люд. *riihlabidaine*; ливв. *riihilabju*) с приподнятыми краями, такой же, как и у соседнего финского населения.¹⁵ У южных карел имела распространение деревянная плоская лопата, а иногда зерно сметали вешиком. После обмолота отделяли «колосягу» от соломы (первую использовали в поило скоту) и начинали очищать зерно. Один человек садился на пол риги и небольшой деревянной лопаточкой или рукой бросал зерно об стену. Ударяясь, оно падало ближе, а мякина дальше. Упавшее зерно распределялось на три сорта: ближе к стене падали зерна тяжелее, крупнее, за ними ложились зерна средней величины и потом уж самые мелкие. Рассортированное таким образом зерно складывали отдельно, провеивали на ветру. Мололи зерно на водяных мельницах, а в небольших количествах — у себя дома на ручных каменных жерновах.

На пашне работали, как правило, сами землевладельцы — середняки и бедняки, а кулаки в помощь часто нанимали батраков. Это были обычно местные безземельные крестьяне, а в западной Карелии — подчас финны-торпари¹⁶ из пограничных местностей Финляндии.

¹³ H. Vilppula. Das Dreschen in Finland. Kansatieteellinen arkisto, X. Helsinki, 1955; ср.: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. М., 1955, стр. 464.

¹⁴ Там, где имела распространение двухкамерная рига с гумном (*kuopino*), молотили в гумне.

¹⁵ K. Vilkinen, E. Mäkinen. Isien työ. Helsinki, 1935, стр. 82.

¹⁶ Торпари — безземельные крестьяне в Швеции и Финляндии, арендующие участки земли на условиях оплаты аренды деньгами и натурой (продукты полеводства или обработка).

От карела-крестьянина требовалось много труда, терпения и энергии, чтобы вырастить и снять урожай, добыть себе «хлеб насущный». Но этого хлеба хватало всего на три-четыре месяца даже в урожайные годы. В сообщениях приходских священников из северной Карелии, в частности из Цанозерского прихода, говорится, что населению хватало хлеба своего урожая лишь на два месяца в году, и только в южной Карелии в некоторых уездах своего хлеба в урожайные годы хватало на 6—7 месяцев.¹⁷ На остающееся время приходилось покупать зерно или муку. Архангельский губернатор А. П. Энгельгардт, побывавший в Кемском уезде в конце XIX в., писал, что при самых благоприятных условиях карельское население собирало хлеб на пропитание лишь в количестве, обеспечивающем его в течение трех-пяти месяцев. Остальное время население вынуждено было питаться покупным хлебом, а в неурожайные годы, как например в 1891 и 1892 гг., хлеб без примеси сосновой коры,¹⁸ мха и других суррогатов составлял достояние только зажиточных крестьян. На каждые десять лет приходилось два-три неурожайных года. Потому крестьяне уходили на заработки в другие губернии.¹⁹

В голодные годы кулаки использовали хлебные запасы в целях широкой эксплуатации бедноты. Кулачество занималось скупкой и сбытом коней, овчин, яиц, дичи и т. д. К концу XIX в. для карельской деревни является характерной фигура скушника, что свидетельствует о капитализации деревни. Скушники наряду с местным кулачеством эксплуатировали трудовое крестьянство, доводили его до полного обнищания.

К началу XX в. в карельской деревне в связи с развитием капиталистических отношений процесс дифференциации крестьянства усилился. Данные земской статистики свидетельствуют, что в этот период на каждые 100 хозяйств в среднем приходилось 83,7% безлошадных и однолошадных хозяйств, 65% хозяйств имели 1—2 коровы.²⁰ Большая часть крестьян влачила жалкое существование, в то время как кулацкая верхушка крепла и обогащалась.

Карелы занимались и огородничеством, но оно не получило у них широкого развития, а носило исключительно потребительский характер. Огородные участки помимо чисто огородных культур были заняты картофелем, льном или, очень редко, коноплей. Число овощных культур было ограничено: сажали картофель и на подсеке черную репу.

¹⁷ Очерки истории Карелии, т. I, стр. 233.

¹⁸ А. П. Энгельгардт. Русский север. СПб., 1897, стр. 36. — Хлеб пекли с примесью сосновой коры, мха, соломы и т. п. Часто хлеб на 50—70% состоял из древесной коры, а у северных карел, когда не было ржаной муки, ели «сосновую» кашу (pelttu) с молоком.

¹⁹ Ср.: Я. А. Б а л а г у р о в. Пришлые крестьяне Карелии в XVIII—XIX вв. Петрозаводск, 1962, стр. 148.

²⁰ Очерки истории Карелии, т. I, стр. 232, 313.

Картофель получил распространение в южной Карелии лишь в 40-х годах XIX в. К концу XIX — началу XX в. его посевы значительно увеличились. Например, если в 1866 г. картофеля в Петрозаводском, Олонецком, Пудожском и Повенецком уездах засевали 4.3 тыс. четвертей, то к 1894 г. посевы картофеля составляли уже 14.5 тыс. четвертей, т. е. увеличились в 3.5 раза.²¹ Тем не менее товарного значения производство картофеля в Карелии еще не имело. В начале XX в. в южной Карелии стали сеять морковь, брюкву, капусту, однако техника огородничества была мало развита и оставалась такой вплоть до Советской власти.

Животноводство. Неизменным спутником земледелия у карел было животноводство, которое в какой-то мере удовлетворяло потребности населения в молочных и мясных продуктах, однако главная функция его состояла в том, что оно давало органические удобрения для полей. Количество скота ограничивалось недостатком кормов.²²

Рогатый скот был местной породы, преимущественно комолый. Коровы в сутки давали около двух-четырех литров молока; лошади — финской породы, малорослые и малосильные, но красивые и легкие на ходу.²³ Карелы разводили овец, которые, однако, из-за грубых кормов давали очень мало шерсти. В южной Карелии в незначительных количествах разводили свиней, щетину использовали на изготовление щеток для очистки льна.

Надежды на улучшение породы скота у карельского крестьянина не было: правильно поставленное коннозаводство отсутствовало, ветеринарной помощи фактически не существовало, корма для скота не хватало. Почти ежегодно повторяющиеся эпизоотии принимали огромные размеры и наносили большой урон хозяйству.

Зимой карелы содержали скот в теплых хлевах *liävä*²⁴ и не выпускали его до весны. Стойловый период равнялся почти восьми месяцам. Обеспечение скота кормами сопровождалось большими трудностями. Сенокосных угодий было мало и, кроме того, они были разбросаны небольшими клочками на далеком расстоянии от деревни. Сенокосная пора была непродолжительной — началась с 12 июля (Петров день) и продолжалась только до 15—20 августа. Поэтому на сенокос шли все члены семьи, за исключением стариков и детей; даже те, кто уходил на отхожие промыслы, на сенокос старались возвратиться домой.

²¹ Там же, стр. 275.

²² Архангельские епархиальные ведомости, 1908, № 7, стр. 211.

²³ Н. К а м к и н. Архангельские карелы. Древняя и новая Россия, 1880, № 2, стр. 300, 301.

²⁴ В соседней Финляндии зимой скот часто держали в избах (A. V i l k u n a. Suomalaisen karjasuojan vaiheita. Kansatieteellinen arkisto, 14. Helsinki, 1960, стр. 13—15). Карелы этого обычая не знали.

Карелы косили траву преимущественно косою-горбушей (vikäteh). Это самый примитивный вид косы.²⁵ Косы-горбуши имели широкое распространение в прошлом в лесной зоне Севера России, в Сибири и на Урале. Благодаря небольшому размаху влево и вправо горбушей можно было чисто выкосить траву вокруг каждого пня или дерева.

Карелы не отбивали косы-горбуши, как это делалось русским населением, а оттачивали на специальных точильных станках. Ливвики и людики во время косьбы в качестве точила применяли иногда лопатку с мелкими насечками из твердого дерева, которую перед точкой смачивали водой и посыпали песком. Такая же лопаточка имела распространение у коми-зырян, марийцев, вепсов и других народов.²⁶ Северные карелы в качестве брусков (с. к., люд. siega; ливв. -u) использовали особый камень синевато-серого цвета.

Косить начинали рано утром. Большая часть косцов, прежде чем начать косьбу, выполняли следующий обряд: срезали пучок травы и им обводили вокруг себя (по солнцу) три раза, затем клали его за пояс. Это делалось будто бы для того, чтобы сена было больше и оно хорошо высохло. Высохшее сено сгребали в кучи, а кучи вдвоем подносили на длинных гладких шестах (с. к. šarilahat; люд., ливв. sabilas; у финнов hatilat) к зароду, где мужчины метали и уминали его. В северной Карелии, прежде чем начать метать сено в стог, хозяин произносил:

Heinät soaprah,
Hiiret hiiten,
Mykrät myötäh,
Janikset jälkeh,
Petrat perkeleh viekäh.

Сено в стог,
Мышей к лешему,
Крыс за ними,
Зайцы следом,
Оленей пусть дьявол унесет.

Иногда говорили так:

Sivu tuulet tuukkah,
Koltti päivä paistakkah!
Heinät soaprah — hiiret hiiten.

Пусть мимо дуют ветры,
Прямо светит солнце!
Сено в стог — мышей к лешему.²⁷

В средней Карелии (в районе Падан и Ругозера) после уборки сена, чтобы ветер не сбрасывал сено со стога, хозяин кланялся на все четыре стороны и говорил:

Tuulet kyllyöi tyläa,
Päiveni kohta paistokkal

Ветер дуй мимо,
Солнце прямо пеки!

²⁵ Ср.: А. С. Бежкович и др. Хозяйство и быт. . . , стр. 32.

²⁶ В. В. Пименов. К вопросу о карельско-вепсских культурных связях, стр. 34; Т. А. Крюкова. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956, стр. 17.

²⁷ P. Virtaranta. Vienan kansa muistelee. Porvoo, 1958, стр. 378. Здесь и далее переводы А. С. Тупицыной.

Так как покосов, а следовательно, и сена было мало, карелам приходилось выискивать для скота дополнительный корм. Таким кормом были сушеные листья. Их заготавливали с начала лета. Женщины и дети уезжали на лодках на острова озер, где росли березы, ивы, рябины. Пригибая ветки к земле, они сдирали лист, а иногда ветки ломали или срубали их косарем (с. к. kaššari; люд. kassar; ливв. kastari; финск. kärkö, kassara)²⁸ и уже дома отрывали листья, сушили их в сарае или в хорошую погоду на улице. Лист на корм также заготавливали, когда готовили подсеку, сушили его здесь же или в мешках отвозили сушить домой.

Кроме листа, дополнительным кормом была осока, скошенная на болотах, и пойло с добавлением квашеных грибов, рыбных отходов, что несколько увеличивало удои молока, но сообщало ему неприятный привкус.

Ухаживали за скотом (кроме лошадей) женщины. Обычно хозяйка-«большуха» (с. к. emäntä; люд. emänd; ливв. -ü) и невестки кормили скот, доили коров. Хлев был «владением» женщин, мужчины заходили туда лишь весной, когда после выгона скота очищали хлев от навоза. При покупке или продаже коровы хозяин всегда советовался с «большухой», и ее слово в данном случае было решающим. Кличка теленку давалась обычно по названию дня недели, в который он появился на свет: в понедельник — Enžoi (люд. end'žmäžarg), во вторник — Toižoi (люд. toinarg), в среду — Kolmoi (люд. kolmašpäiv), в четверг — Neidoi (люд. nél'äšpäiv), в пятницу — Piätköi (люд. piätnič), в субботу — Suoboi (люд. suobat), в воскресенье — Pühöi (люд. pühäpäiv). Если корова отелилась ночью, то теленку иногда давали кличку Nočoi, а если утром — Uutroi. Такой обычай давать кличку по дню недели или времени суток сохраняется у карел и сейчас.

За лошадьми ухаживали мужчины, хотя пойло для коней готовили всегда женщины.

Скот пас пастух, которого за определенную плату нанимали жители деревни на целое лето. Кроме платы, деревня должна была содержать пастуха — он ночевал и питался поочередно у каждого хозяина, а в Петров день ходил по всем домам с горшком и собирал масло.

Непременными атрибутами пастуха были батог, кошель, берестяная дудка (tuohitorvi), которой он созывал коров. Дудку делали гибкой, ей можно было придать любую форму. Помимо дудки, пастух имел так называемую liğu, напоминающую по форме кларнет. Корпус liğu делали из ольхового дерева, а язычок из можжевельника.

Карелы очень берегли свой скот, может быть поэтому у них с пастьбой скота связано много различных обычаев, примет и за-

²⁸ Ср.: Т. Vuorela. Kansatieteen sanasto. Helsinki, 1958, стр. 53.

претов.²⁹ Так, например, перед тем как выгнать первый раз скот на пастбище, приглашали колдуна, который давал «отпуск» пастуху, произносил заклинательные слова и крошил скот наговорной водой. Если же после этого со скотом случалось несчастье, то считали, что бог или лесовик (meščähine) наказывает хозяина скота за какие-то грехи. Пастух должен был соблюдать множество запретов. Так, ягоды он мог есть только из шанки, а не прямо с куста, ему нельзя было здороваться за руку, брать яиц из птичьих гнезд, убивать змей, иначе скот пропадет (медведи «задерут» коров или что-либо другое в том же роде). Чтобы не разгневать «хозяина леса», пастух не мог рубить деревья топором (костер он разводил из валежника или сухостоя), спать в лесу под деревом (ему разрешалось спать только на лужайке, подложив под голову камень).

Как правило, пастух оставался неженатым. За столом ему подавали еду в отдельной чашке, и ел он всегда собственной ложкой; хлеб он ел только от начатого каравая. Пастух всегда первым шел в баню со свежим веником, которым еще никто не парился, и мылся один. После бани он надевал выстиранное белье, спал на отдельной постели, всегда один. Никто не смел прикоснуться к атрибутам пастуха: батогу, рожку или кошелю. Нарушение того или иного запрета означало ослабление или порчу «отпуска».³⁰

Приметы и верования, магические обряды и запреты сопровождали не только пастьбу, но окрашивали собою весь цикл работ по уходу за скотом.

После отела коровы из дома старались ничего не выносить и не отдавать, так как бытовала примета, будто, нарушив этот запрет, отдашь свое счастье. Считалось большим грехом, если хозяйка на пасху оставит на видном месте веретено; верили, что из-за этого летом змей будет доить коров. Летом после заката хозяйка старалась ни давать взаймы, ни продавать молока соседям, иначе якобы коровы не будут доиться. В исключительных случаях, когда неловко было отказать, в пустую крынку на дно незаметно бросали крошку хлеба или щепотку муки.³¹ Когда покупали корову, старались провести ее по шубе, чтобы в доме всегда вошел скот.

В первый день после отела корову доили дважды и молозиво оба раза выливали в навоз, как бы задабривая этим дворового — покровителя скота (с. к., люд. liäveiniekkä; ливв. tanhuanizändü). Следующие пять дней (10 доек) молоком отпаивали теленка, на седьмой день поили корову и лишь на тринадцатый день на мо-

²⁹ А. М. Л и н е в с к и й. Материалы к обряду «отпуска» в пастушестве Карелии. Этнограф-исследователь, 1928, № 2—3, Л., стр. 41—45.

³⁰ Ср.: А. М. Л и н е в с к и й. Материалы по этнографии и обычному праву карел Сегозерского района. Археолого-этнографический сборник (рукопись). НА ПИЯЛИ, ф. 1, он. 32, ед. хр. 194, стр. 176.

³¹ В. М а й н о в. Поездка в Обонежье и Карелу. СПб., 1877, стр. 253.

локе растворяли «большую страпшу». Первый блин давали съесть корове, а два последующих — девушке, чтобы впредь корова телилась телочками. В течение шести недель после отела павоз в хлеву не трогали («не шевелили»), в особенности остерегались кидать в павоз железные вилы или другие железные вещи, опасаясь «убить хозяина хлева» — дворового.

Много обрядов связано и с уходом за лошадь. Так, когда жеребца запрягали впервые, хозяин надевал рукавицы, связанные из шерсти овцы от первой стрижки, чтобы лошадь была спокойной и легкой на ходу. Чтобы лошадь не уходила далеко в лес, вырывали с корнем 7—9 молодых берез, сжигали их и ставили лошадь передними ногами на пепел, приговаривая: «Если ты можешь с корнем вырвать столько деревьев зараз, то уходи в лес, а если не можешь сделать этого, тогда оставайся дома». ³² Все эти и подобные им обряды выражали желание сохранить скот от падежа, уберечь от болезней, от хищных зверей; темный, неграмотный карел искренне верил в их силу.

Помимо обычного животноводства, в XIX в. у северных карел существовало и оседлое оленеводство. Оно не имело промыслового значения, и оленей использовали по преимуществу как тягловую силу. Оленеводство было распространено западнее поморских селений, ближе к границе с Финляндией. Правда, оленей можно было видеть и у крестьян Поморья, севернее г. Кемь. Чем дальше на север, к Лапландии, тем больше оленей было у населения. По официальным данным, в 1907 г. во всех карельских волостях Кемского уезда числилось около 9000 оленей, из них 3090 в Тихозерской волости, 3000 — в Кестеньгской и 2783 — в Олангской волости. ³³ Число оленей в хозяйствах карел было невелико (1—5), и только у зажиточной части насчитывалось до 50—80 голов и более.

Оленей держали у домов и корм для них заготавливали зимой. В марте, поставив лишь клеймо на ухо, выгоняли на лето в леса, где они паслись без всякого присмотра, поэтому осенью многих оленей недосчитывали: часть их дичала, часть убивали охотники, принимая за диких, часть крали крестьяне других деревень. С первым снегом карелы-оленеводы шли ловить своих оленей, пользуясь для этого арканами или особыми загородами. По клеймам устанавливали, чьи это олени и передавали владельцам. Диких оленей, присоединившихся к стаду, а также тех, хозяев которых не удавалось выяснить, продавали финнам или убивали, а шкуры и мясо делили между собой. Много зла приносило оленеводам оленекрадство силками. Этот способ ловли первоначально возник как прием охоты на диких оленей. Силки применялись лопарями и, видимо, восприняты карелами от них. Над охотниками-

³² А. М. Линевский. Материалы по этнографии. . . , стр. 221.

³³ Архангельская Карелия. Издание Архангельского губернского статистического комитета. Архангельск, 1908, стр. 28.

ворами оленеводы сначала чинили свою расправу — били, и только потом передавали властям для судебного разбирательства.³⁴

Оленеводство северных карел, по всей вероятности, лопарского типа.³⁵ Они практиковали выпас оленей без пастуха, как и лопари, тогда как у коми-зырян, коми-ижмцев и ижмцев оленей пас всегда пастух с собакой; карелы пользовались одинаковым с лопарями способом запряжки и т. д. Ту же мысль подкрепляет и распространенная среди карел оленеводческая терминология. По-карельски олень назывался рога, годовалый олененок — с. к. rogovasikko, двухгодовалый — с. к. vuavillo и трехгодовалый — с. к. hirvaš. Оленя-самку карелы называли — с. к. vuaniin, а самца — с. к. härkä, кастрированного оленя называли — с. к. ukka.

Не исключена возможность, что приобщение карел к оленеводству происходило не только тогда, когда они жили на крайнем севере теперешней Карелии, а значительно раньше. Езда на оленях известна уже героям рун «Калевалы». В карельских сказках очень часто упоминается олень. Злая волшебница карельских сказок — Сюоятар (персонаж карельских сказок, близкий к образу бабы-яги в русских сказках), обладающая даром превращать людей в животных и принимать образ этих людей, зачастую превращает девушку-красавицу в важенку,³⁶ чтобы занять ее место рядом с царевичем.³⁷

Рыболовство и охота. В условиях слабо развитого земледелия и животноводства большим подспорьем в хозяйстве карел были охота и особенно рыболовство. О значительной роли рыболовства и охоты в жизни и хозяйстве древних обитателей края говорят многочисленные археологические находки. Письменные источники более позднего времени (писцовые книги) также содержат данные о рыболовстве и охоте.

Рыболовство имело очень большое значение, так как давало населению здоровую пищу и часто спасало его от голода.³⁸ Об этом говорят исследователи жизни и быта олонечских и архангельских карел до XIX в., а в особенности в XIX—XX вв.

³⁴ Оленеводство в Тихозерской волости Кемского уезда. Архангельские епархиальные ведомости, 1910, № 263.

³⁵ Ср.: Г. М. Василевич, М. Г. Левин. Типы оленеводства и их происхождение, СЭ, 1951, № 1; Н. Н. Харузин. Русские лопари. М., 1890.

³⁶ Важенка — самка северного оленя (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, стр. 160).

³⁷ Карельские народные сказки. М.—Л., 1963.

³⁸ В. Майнов. Поездка в Обонежье... стр. 135—140; Н. Камкин. Архангельские карелы, стр. 302—305; И. В. Оленев. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917, стр. 98—104; Н. Пушкарев. Рыболовство на Онежском озере. СПб., 1900.

«Даже у самого захудалого крестьянина, — сообщает И. В. Оленев, — рыба имеется за столом почти круглый год. . .»³⁹

Рыболовство как раньше, так и теперь распространено по всей Карелии. Оно главным образом речное и озерное и лишь частично морское (по побережью Белого моря). Говоря о развитии рыболовства у карел, необходимо остановиться на методах и орудиях лова в прошлом и настоящем и на специфике лова рыбы.

Ловили рыбу разную, в зависимости от того, где производился лов: в лесных озерах (с. к. lampi; люд. lambine; ливв. lambi) попадались окунь, язь, подъязык, щука, плотва и иная мелкая рыба, «которая простора не любит, а хоть плюнь на зелень — и то заведется».⁴⁰ Эту рыбу карелы прозвали «папастницей», потому что такой рыбой «напасаются» в неурожайный год, когда хлеб очень дорог, а другого улова нет. Эта рыба тем и хороша, что всегда ловилась. В больших проточных озерах и реках водился налим (с. к. matikka; люд. madehine; ливв. matikku), хариус (harjus), судак (с. к. kuha; люд. sudakk; ливв. -u), лосось (lohi), форель (lohen pendu), сиг (с. к. šiika; люд. siiga; ливв. -u), лещ (с. к. lahna; люд. lahn; ливв. lahnu), ряпушка (с. к. mujeh; люд. giäpüz; ливв. giäpöi), ерш (с. к. kiiski; люд. dörs; ливв. kiiškoi, jorši), окунь (ahven), щука (с. к. hauki; люд., ливв. haugi), плотва (с. к. šärki; люд. šärg; ливв. šärgi), язь (с. к. šäünüä).

Самая распространенная рыба в Карелии — ряпушка. Она вылавливалась в огромном количестве почти во всех озерах и составляла у карел одно из главных блюд. Ловили ее в конце лета и осенью неводом и мелкочейными сетями. Икру ряпушки, довольно крупную и вкусную, часто смешивали с сиговой икрой и продавали скушщикам.

Щука ловилась и ловится в Карелии повсеместно, главным образом весной во время нереста. Заготавливали ее впрок: солили, сушили в печи и вялили на солнце. Лещ, плотва, окунь, ерш добывались в больших количествах. Часть улова шла на продажу, а ббльшая часть на питание населения.

Ловили рыбу различными способами.

В этнографической литературе⁴¹ орудия лова классифицируются следующим образом: у д и л ь н ы е — удочки, переметы (продольники), блесны; у д а р н ы е — палки, весла, остроги, багры; ч е р п а л ь н ы е — саки, черпаки; в о л о к о в ы е — невода, бредни, подволоки, котцы, «поезд»; з а с т а в н ы е — невода, сети, мережи, морды.

Карелы пользовались следующими орудиями лова.

³⁹ И. В. Оленев. Карельский край. . ., стр. 98.

⁴⁰ В. Майнов. Поездка в Обонежье. . ., стр. 135.

⁴¹ Г. С. Маслова. Материалы по этнографии карел Калининской области. СЭ, 1936, № 2, стр. 82; А. С. Бежкович и др. Хозяйство и быт. . ., стр. 60.

Острога (с. к. *asrain*; люд. *azrag*; ливв. *azrain*) железная с 3—5 зубьями. Это наиболее древнее орудие лова, известное у карел. Остроги были широко распространены у финнов (в восточной Финляндии — *atrain*), у венгов (*azrag*), у эстонцев (*aning*) и т. д. С остройгой выезжали обычно в темную осеннюю ночь. Выслеживали рыбу, освещая воду горячей лучиной, закрепленной в носу лодки (с. к. *tuolahaskobra*; люд. *kobra*; ливв. -u) и били остройгой.

Удочка (с. к. *onki*; люд. *ong*; ливв. -i) — железный крючок, насаженный на 2,5-метровую нитку с «батожком» (удилищем). На удочку ловили чаще дети с лодок или с плотов. Лодка «ставилась» для ужения с помощью якоря — большого камня, привязанного на веревке (прием весьма древний, известный еще в неолитическую эпоху). Употреблялись и удочки-донки. Это были просто крючки на лесках без поплавок и удилищ.

Дорожка (с. к. *uussin*; люд. *ušt*; ливв. -i) — железный крючок с куском красного сукна вместо наживки. На дорожку ловили в основном щуку, но делать это нужно было обязательно вдвоем: один греб в лодке, а другой тянул дорожку. Стоила она дешево, поэтому она была в хозяйстве почти у каждого крестьянина.

Перемет — «крючковый» снаряд для ловли рыбы (с. к. *pitkäsiima*; люд., ливв. *laskuonget*); он состоял из тонкой бичевы от 40 до 100 саженьей длиной. На расстоянии сажени друг от друга к бичеве прикреплялись на короткой бечевке небольшие крючки, на которые насаживалась наживка. По обеим сторонам перемета ставили колья, забрасывали перемет в воду и оставляли на ночь. Утром приезжали снимать улов. Так ловили обычно судака, налима и др.

Невод (с. к., люд. *puotta*; ливв.-u) считался самым «добычливым», но стоил он очень дорого и доступен был только зажиточным крестьянам. В ряде мест крестьяне приобретали его сообща. В. Майнов описал артельное владение неводом: «Так как невод карелу приобрести одному трудно, то сходятся на эту поделку по большей части по 8 домохозяев, строят невод на общий счет, рыбачат общими силами и делят выручку на 9 частей, из которых 8 делится между участниками, а девятая идет на церковь и на поддержку снастей. Таким неводом артель могла наловить в год до 60 пудов рыбы, а если погода весной была благоприятная для лова, то еще больше». ⁴² Невода подразделялись на речные и озерные, зимние и летние. Речной невод вязали обычно из конопляной или льняной пряжи, причем ссучивали для большей прочности две-три нитки. Кнея (матка или мотня) устраивалась конусообразная, длиной от 3 до 6, а шириной от 4 до 8 саженьей. Раз-

⁴² В. Майнов. Поездка в Обонежье. . . , стр. 282.

ница в длине и ширине кней зависела от величины того водоема, где предполагалось ловить этим снарядом. Кнея расходилась на два крыла (захваты), состоящие из разноячейных сетей, которые тянутся сажень на 40 и более. С каждой стороны хват делается не меньше, чем у кней, в противном случае крылья цеплялись бы за корни и камни. Края невода насаживались на веревки. К нижней тетиве приделывался груз (опорки), состоящий из оплетенных берестой камней с просверленной в середине дырой. На маленький невод требовалось до 150 камней, на большой — до 200. Чтобы верхняя тетива не тонула, а шла по наводью, напротив грузил нашивались берестяные, а то и осиновые поплавки на расстоянии 2.5—3 м друг от друга. Над кней прикреплялись две связанные вместе осиновые дощечки (*lavdaine*), которые указывали, где находится кнея. К концам крыльев невода привязывались веревки, за которые вытягивали невод из воды. Неводом пользовались чаще зимой. На небольшом расстоянии друг от друга на льду делали две проруби и между ними под водой пропускали жердь с прикрепленным к ней неводом. Ловили таким способом преимущественно лососей и сига.

Ч а п (*čiapri*). Этим снарядом ловили на середине озера в глубоком месте. Он представлял собой черпалку из сетей в виде мешка. Предназначался чап для добычи снетка, который ловится в наиболее глубоких местах.

С а к (с. к., ливв. *suakku*; люд. *suakk*) состоит из трех-четырёх сетей, прикрепленных к обручу (диаметр 2—4 м) и сшитых в форме остроконечного мешка, который привязывался к длинному шесту. Саком обычно ловит один человек. Снаряд этот очень дешев и удобен, им ловят корюшку, ерша и окуня.

«П о е з д» — это мешкообразная сеть длиной и шириной в 2 и глубиной около 1.5 сажень. Эту сеть тянули на двух веревках между двумя лодками, идущими параллельно на расстоянии 3—4 сажень одна от другой. «Поезд» окрашивался ольховой корой в коричневый цвет, в тон дна озера. Этим снарядом ловили семгу.

М е р е ж а (с. к. *rūša*; люд. *merež*; ливв. -*u*) и **м о р д а** (с. к. *merta*; люд. *merd*; ливв. -*u*) по форме похожи, но морда делалась целиком из прутьев, а у мережи из прутьев был только каркас, обтянутый сетью (рис. 2). Этими снарядами ловят зимой налима и весной щуку. В морду попадает мелкая рыба, которая идет на сушку (с. к. *maima*; ливв. -*u*).

Почти каждая семья, в зависимости от ее состоятельности, приобретала себе то или иное орудие лова. Кулаки имели невода, середняки — сеть (*verkko*), сак или чап и у всех были удочки. Изредка ловили рыбу артелью. Из семьи рыбачили обычно два-три человека. Большое участие в этом принимали женщины и дети, которые ставили и снимали сети. Вязали сети обычно муж-

чины, так же как у тверских карел,⁴³ в то время как у поморов вязкой сетей занимались женщины. Вязали сети специальной деревянной иглой (с. к. *käri*; люд., ливв. *kävi*) с выступом в середине. Такая же игла для вязания сетей имелась у финнов⁴⁴ и у других народов.

У карел существовало много различных примет и обрядов, связанных с рыболовством. Например, северные карелы, гото-

Рис. 2. Мережа.

вьясь первый раз в сезоне «собирать невод», т. е. готовя его к лову, «ворожили» над хлебом. Хлеб разрезали на столько частей, сколько человек шло на лов (обычно их было четверо), и каждому давали по кусочку «ворожейного» хлеба. Прежде чем закинуть невод, эти куски бросали в воду как жертвы водяному⁴⁵ (с. к. *vetehine*; люд., ливв. *vedehiine*). В некоторых деревнях до забрасывания невода произносили такое заклинание:

Souva, souva, soutajani
Vetele vetelijäni!
Anto Ahti suuren hauvin
Tabi kaksi pienempää.
Annan suolet soutajalla,
Peäm peräm pitelijällä,

Греби, греби, мой гребец,
Поднажми гребущий!
Дай, Ахти, большую щуку
Или две поменьше.
Дам я потроха гребцу,
А голову кормщику,

⁴³ Г. С. Маслова. Материалы по этнографии. . . , стр. 83.

⁴⁴ Ср.: Т. Vuorela. Kansatieteen sanasto, стр. 52.

⁴⁵ Р. Virtaranta. Vienan kansa muistelee, стр. 264.

Hantajouhet joutavilla,
Sappi ilman istujalla,
Maksat moalta kattsojalla.⁴⁶

Хвост отдам бездельникам,
Желчь без дела сидящим,
Печень — с берега смотрящим.

Наданские карелы-рыбаки перед ловлей рыбы бросали в воду серебряные деньги или кусок хлеба, при этом грозили кулаком и, сняв шапку, произносили: «Батюшка Микола, пошли рыбки».⁴⁷

Аналогичные приемы и орудия лова бытовали и бытуют у очень многих народов Севера Европы и Азии, например, у тверских карел, финнов, ижор, води, вепсов, коми-зырян, лопарей, хантов и манси.⁴⁸ Значительна в этом отношении близость с русским населением Архангельской и Вологодской губерний.⁴⁹

Исследователи Северо-Запада России в XIX в. единодушно отмечают, что охота у карел носила хищнический характер. «Зверя пушного карелы убивали нещадно, убивали больше, чем его успевало народиться». Поэтому в XX столетии в Карелии многие звери стали редкостью. Остались для охоты главным образом белка, заяц, лисица, медведь.

Охотники-карелы делились как бы на две категории: одни охотились главным образом на мелкую дичь, другие били «зверя» (медведя). Осенняя охота открывалась с конца августа и продолжалась до середины октября или ноября, затем начиналась зимняя охота.

Способы добычи зверя были различные. Почти каждый охотник имел ружье «малопульное» или «большепульное», часто кремневое. В XVIII и первой половине XIX в. такие ружья изготовлялись карельскими мастерами,⁵⁰ позднее их стали покупать в городах. Кроме ружей, пользовались и другими средствами охоты. Бурый медведь (с. к. kontie; люд., ливв. kopardi) как объект охоты был поставлен в особое положение. Об охоте на него в народе сложено очень много рассказов. Охотники-медвежатники пользовались большим уважением. Во время экспедиционных поездок в северную Карелию нам часто приходилось слышать рассказы о том, что прежде у карел существовал специальный ритуал, связанный с охотой на медведя, который нами подробно описан. Финскому исследователю П. Виртаранта посчастливилось записать этот обряд в стихотворной форме. По всей вероятности, это очень старый обычай, восходящий к древнему медвежьему культу,

⁴⁶ Там же, стр. 264.

⁴⁷ А. М. Л и н е в с к и й. Материалы по этнографии. . . , стр. 209.

⁴⁸ Suomen suku, osa III, стр. 47—72.

⁴⁹ Н. Т р е с к и н. Северный край Европейской России и его промыслы. СПб., 1892; Н. А. В а р з а х о в с к и й. Рыбный промысел в среднем течении р. Печоры. СПб., 1900; П. Л е в и т с к и й. Черты нравов крестьян Тотемского уезда. Этнографический сборник, V, 1862, стр. 54—57 и др.

⁵⁰ П. Ч у б и н с к и й. Статистико-экономический очерк Карелы. Тр. Архангельского губернского статистического комитета за 1865 год, ч. II. Архангельск, 1866.

бытовавшему на севере Европы еще в XI в.;⁵¹ сейчас о нем помнят немногие.

Выследив берлогу медведя и подходя к ней, охотники пели:

Nouse pois, nokiini neiti,
Nokiselta nuot'ivolta
Nokipuita nostamah,
Väkipuita viäntämäh;
Jo on t'ies pilkotettu,
Ahor rannat raivoal'tu.⁵²

Встань, закоптелая девица,
От зюстра дымящего
Поднимать деревья в саже,
Вырывать деревья большие.
Твой путь уже отмечен,
На опушках лес выкорчеван.

Вблизи берлоги, на дереве, устраивали lava (букв. 'помост') — перекладины из досок, на которых охотник с ружьем поджидал медведя. Иногда перед берлогой он устанавливал ружья-самострелы (с. к. rauhua; люд. ruššal'; ливв. piššali) и клал приманку, а когда медведь набрасывался на нее, ружья начинали стрелять. Охотник же, стреляя в медведя из своего ружья, старался попасть между глаз, чтобы не испортить шкуру. Появления медведя иногда приходилось долго выжидать, поэтому карелы говорили:

Konz kondijän tappamai lähdet,
Ota šelgäi postelin!⁵³

Когда медведя убивать пойдешь,
Возьми постель на спину!

Охотились на медведя и с рогатиной. Такой способ охоты требовал большого мужества, ловкости и силы.⁵⁴ Выйти на единоборство с медведем рисковал не всякий. Тушу убитого медведя, привязав за лапы к шесту, вдвоем несли в деревню и пели:

Varokkoa työ naiset, vaimot,
Ohto pert't'ih tuloh,

Бойтесь, вы женщины, жены,
Охто [название медведя] в избу
идет,

Rahakarva kartanolla;
Varokkoa naiset, vaimot,
Jottei karja kaipastuis!

Денежная шерсть во двор;
Бойтесь, женщины, жены,
Чтобы скот не потерялся!

Когда подходили к дому охотника, убившего медведя, пели следующее:

Joko teäl om pinkit pesty.
Joko ol lattijat lakaistu.
Tulovalla vierahalla?

Вымыты ли скамьи уже,
Подметены ли полы,
Прибывающему издалека гостю?

Хозяйка отвечала:

Jopa teäl om penkit pesty,
Jop ol lattijat lakaistu

Уже скамьи помыты.
Уже полы подметены

⁵¹ Н. Н. Воронин. Медвежий культ в верхнем Поволжье. МИА, № 6, Л., 1941; ср.: Калевала. Карело-финский народный эпос. Петрозаводск, 1956, руна 46, стр. 298—302.

⁵² Далее описание обряда дается по работе: Р. V i r t a r a n t a. Vienan kansa muistelee, стр. 310—312.

⁵³ Записано в Кондопожском районе КАССР, дер. Юркостров; ср.: Р. V i r t a r a n t a. Vienan kansa muistelee, стр. 309.

⁵⁴ А. М. Линева. Очерки по истории древней Карелии. Петрозаводск, 1940, стр. 32.

Tulovalla vierahalla,
Souvalla käkiel'övalläl

Для приходящего гостя!

Дальше она спрашивала:

Mistäpä mieheni tulou,
Urohoñi hiihtelöy,
Kun heän lauloan tulou,
Hyroäl'l'en hiihtelöy?

Откуда муженек приходит,
Приезжает муж на лыжах,
Что он с пением приходит,
Приезжает, напевая?

Охотник отвечал:

Tulou mieheši metšästä,
Uros korven kolkutuksesta.

Приходит муженек из леса,
Муж с работы возвращается.

Хозяйка:

Antoko, mettsä mettsöjah,
korpi koppalaisijah?

Дал ли бор глухарей?
Дал ли бор кошпал?

Охотник:

Eipä se mettsä mettsöjah antan,
Eikä, korpi koppalaisijah—
Mešikämminen mettsä anto!

Не дал лес нам глухарей,
И бор не дал кошпал,
А дал нам лес медовую лапу!

Хозяйка:

Oletko sie sitä pyssyim pyytän
Vaiko ampuon ajanun?

Ты его поймал с ружьем
Или же гнался за ним стреляя?

Охотник:

Empä mie sitä pyssyim pyytän
Enkä ampuon ajanun:
Itse hairahiti havolta,
Vieri vempelen selältä.

Не ловил я его с ружьем,
И не гнался и не стрелял:
Сам споткнулся он с коряги,
Сам скатился с дуги.

Убитого зверя в песне никогда не называли медведем, а давали какое-либо другое иносказательное название, ласковое и почтительное.

Карелы охотились и на лисицу, преимущественно рыжую. Чернобурые лисы здесь очень редки. По словам стариков, ей даже цены не знали. На лисиц охотились зимой с ружьем. Кроме того, лис ловили. Для этого карелы делали особое приспособление *kärälälauta* (финск. *kärälys*;⁵⁵ *kärälä* 'лапа', *lauta* 'доска'). На лисьей тропе срубали дерево, оставляя высокий пенёк (от 1 до 1.5 м). Сверху на него клали приманку, а отступя 7 см от края, с двух сторон расщепляли его поверхность. Получались щели, которые книзу суживались (рис. 3). Лиса замечала приманку, прыгала за ней, и лапы ее попадали в щели, при этом шкурка лисицы не портилась. *Kärälälauta* — орудие, характерное для

⁵⁵ Подробнее о *kärälys* см.: Suomen suku, osa III, стр. 45; Т. V о r e l a. Kansatieteen sanasto, стр. 52.

калевальских охотников, по всей вероятности, было им издавна известно и применялось в XIX—начале XX в. У финнов существовала поговорка «Huutaa kuin hero kӓpӓlӓruussa» ('Кричит, как лиса в ловушке'). У Сирелиус, рассматривая орудия охоты финно-угорских народов, отмечает, что аналогичными приспособлениями пользовались, кроме финнов-суоми, арктические народы Евразии: лопари, ненцы и др. О наличии kӓpӓlӓlauta у карел он не говорит.⁵⁶

Очень интересен способ охоты на горностаю (с. к. portimo; люд., ливв. portimo) при помощи орудия под названием «loukku» (букв. 'дыра', 'отверстие'). Для сооружения loukku брали толстую чурку длиной в 90 см, диаметром 50—60 см и раскалывали ее пополам. Посредине в обеих половинках выдалбливали прямоугольное отверстие глубиной 8—10 см, затем одна половина чурки накладывалась на другую, а между ними над выемкой устанавливалась приманка на палочке. Когда горностаю хватался за приманку, верхняя часть ловушки захлопывалась и зверек попадал в выемку. После этого самое трудное заключалось в том, чтобы аккуратно вынуть его из loukku. Юркий и быстрый, «как огонь», зверек в любой момент мог выскочить из отверстия, лишь

Рис. 3. Капкан (kӓpӓlӓlauta).

только приподнималась верхняя половина ловушки. Поэтому охотники на горностаев всегда прибегали к помощи мешка: loukku клали в мешок и только в нем выпускали зверька. Ловушками такого типа широко пользовались финны, коми-зыряне, удмурты.⁵⁷ Карельская ловушка по своему устройству стоит ближе к подобной ловушке у коми-зырян, известной под названием «нальк».⁵⁸

Осенью по первому снегу охотились на куниц с ружьем и собакой — карельской лайкой. Разыскивали их по следу в дуплах. Охотились и без ружья. В таком случае вокруг дерева расставляли сеть в 1 м высотой и ударами топора по стволу сгоняли куницу вниз или ждали, когда она сама спустится и запутается в сети, после чего ее душили рукавицами. Если охотился один человек, он затыкал дупло своей одеждой и срубал дерево. Куниц ловили и самодельными капканами очень простого устройства, типа русских кляпцов. Капканы ставили на след куницы, в дупло упавшего или зависшего дерева.

⁵⁶ Suomen suku, osa III, стр. 45.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ В. Н. Б е л и ц е р. Очерки по этнографии. . . , стр. 78, 79.

На рысь (с. к. *ilveš*; люд., ливв. *ilvez*) также охотились с ружьем и собакой, ставили железные капканы (с. к. *gavvat*; люд., ливв. *kl'äiröü*). Учитывая, что рысь чаще ходит по твердому снегу, их ставили на лыжне или тропе (рис. 4).

В XIX в., когда у карел еще не было железных капканов, применялись разных размеров ловушки из дерева. Обрубок бревна выдалбливали, с одной стороны закрывали наглухо, а с другой делали дверцу с защелкой. Дверка ящика оставалась открытой, к ней привязывали проволоку с приманкой. Когда зверь хватался за приманку, проволока натягивалась и дверь закрывалась. Зверь оставался в ловушке.

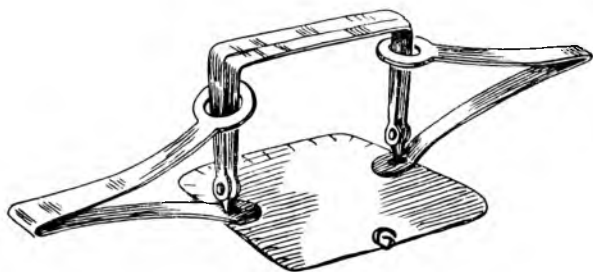

Рис. 4. Капкан (*kl'äiröü*).

За норкой (*vesikko*) охотились в октябре и убивали ее на деревьях из ружья-малопульки. Зайцев били осенью из засады, а зимой ловили кляпцами, которые делались из железных полос, обшитых холстом (чтобы они не отличались от снега). Кроме того, на зайцев ставили силки (*ansa*), сетки (*rita*).

У северных карел бытовала детская байка, в которой отец-заяц учит сына различать ловушки:

Pupu, pupu poikašeni
 Kolme yötä miun kojossa,
 Alkoat kattäuo etehen:
 Kuss on risu — siin on rita,
 kuaa on aita — siin on ansa,
 Kuss oj järvi — siin on jälki! ⁵⁹

Пупу, пупу, мой сыночки,
 За три ночи из норки,
 Начинайте смотреть вперед:
 Где хворост — там и сетка,
 Где изгородь — там силки,
 Где озеро — там след!

На белку (с. к., люд. *otava*; ливв. *-u*) ходили по несколько человек с собаками.

Карелы славились как прекрасные стрелки. По словам Н. Камкина, посетившего Архангельскую Карелию в 1878 г., «тот из них, кто дает один промах из 10 выстрелов, считается уже самым посредственным стрелком. Хорошие карельские стрелки почти не делают промахов даже в том случае, когда они бьют такого маленького вертлявого зверька, как белка. На какую бы высь вековых сосен и елей не взбиралась белка, карел сумеет свалить ее оттуда

⁵⁹ P. V i r t a r a n t a. Vienan kansa muistele, стр. 342.

из своей незатейливой винтовки». ⁶⁰ Из ружья били белку в рот, чтобы не испортить шкурку. Испорченную шкурку скупщик («богач») не принимал.

На боровую дичь охотились почти круглый год. На птицу охотились с ружьем, но большая часть дичи добывалась силками (ansa, rita). «У каждого промышленника в лесу есть своя тропа (путик), по которой он ежегодно, начиная с первых чисел сентября, ставит свои ловушки, и этот „путик“ переходит из рода в род, так что постановка силков на чужой тропе считается посягательством на чужую собственность и ни в коем случае не допускается». ⁶¹

За тетеревами шли в лес за 10—12 км от деревни, уходили так, чтобы попасть к месту токования к 3—4 часам утра. Запасались продуктами и охотились несколько дней (в холодную погоду охота могла продолжаться целую неделю). Глухарей также убивали на току из ружья. Для ловли тетеревов и рябчиков пользовались саком из рыболовной сети, прикрепленной к обручу диаметром до 70 см, который привязывали к длинному шесту. Делали и другие снаряды, очень простые по устройству. В деревне Большие Горы (восточное Приладожье) нам рассказали об охоте на токующих на овсяном поле тетеревов. После уборки овса на поле устраивали особую ловушку (puzu). В землю по кругу втыкалось 6—8 палок высотой в 2—3 м. На верхние концы палок прикрепляли несколько колосков овса в качестве приманки (muainitus). В центре отгороженного участка втыкалась еще одна палка с набитым на нее горизонтально наподобие коромысла шестом. Тетерка (с. к. tetri; люд. меџсакана; ливв. — меџџікана букв. 'лесная курица') прилетала клевать овес и садилась на горизонтально расположенную палку, как на насест. Палка, не выдержав веса птицы, начинала качаться, птица падала вниз и оттуда уже никак не могла вылететь. Подобные ловушки известны не только карельским охотникам, такими приспособлениями (kaһa) пользовались финны. ⁶²

Кроме указанных выше способов охоты, карелами-охотниками употреблялись различные силки, которые делались из конского волоса (для захвата за голову) и льняной нитки (для захвата за лапы). Охотились на тетеревов и с чучелом. Летом охоту начинали с 29 июля. В Олонецкую Карелию в это время приезжали охотники-любители из Петербурга. Они нанимали местных охотников карел в качестве егерей. Охотились на уток с собаками. Осенью охоту возобновляли в сентябре.

⁶⁰ Н. Камкиш. Архангельские карелы, стр. 307.

⁶¹ Н. В. Оленев. Карельский край. . . , стр. 104; ср.: В. Н. Беллицер. Очерки по этнографии. . . , стр. 72.

⁶² См., например: Т. Salevuo. Kansankulttuurin tutkimassa U. J. Sireliuksen kanssa. Kotiseutu, 1960, № 7—8, стр. 145; Suomen suku, osa III, стр. 30; Т. Vuorela. Kansatieteen sanasto, стр. 31.

В дореволюционное время рыболовство и охотничий промысел развивались в условиях жестокой эксплуатации промышленного населения кулаками, скупавшими на кабальных условиях рыбу, икру, пушнину и тушки.

Часть добытой рыбы (преимущественно сига) вывозилась ежегодно зимой в замороженном виде на ярмарку в с. Шуньгу Олонецкой губернии,⁶³ а также в Финляндию и в Петербург (особенно ряпушка и икра). Однако население получало от рыболовства ничтожный доход. Скупщики — местные кулаки или приезжие приказчики — пользовались тем, что крестьянин сам не имел возможности везти рыбу на продажу (плохие пути сообщения, дороговизна транспортировки, потеря дорогого для крестьянина времени) и осенью ездили по деревням, скупая за бесценок для себя или для крупных торговцев крестьянский улов. В Петербурге существовали специальные компании для скупки рыбы у карельских крестьян.

Охотники также подвергались беззастенчивой эксплуатации. Не успевал охотник добраться до дома, как его уже поджидал скупщик-«обдирало», богач из местных кулаков или его приказчик. Часто охотник был вынужден брать у скупщика задаток — 50—70 рублей. Скупщик охотно шел на это, зная, что эти деньги не пропадут. Приказчики или скупщики сами назначали цену на звериные шкуры и зачастую вместо денег давали охотнику порох и пули по высоким ценам.

Скупщик эксплуатировал своих земляков, наживая на этом большие барыши. Скупленный пушной товар он сбывал в Финляндию, на Шунгскую ярмарку или в Петербург целыми подводами, получая большие прибыли.

Отхожие промыслы. Лесное хозяйство. Слабо развитое сельское хозяйство, естественно, не могло обеспечить карельскую семью, поэтому карелы шли на дополнительные заработки.

Основным доходным промыслом у карел был лесной: рубка и сплав леса, заготовка дров на продажу и работа на лесопильных заводах.

Характеризуя развитие лесной промышленности в дореволюционной России, В. И. Ленин писал: «Крестьяне находятся в „вечной кабале“ у лесопромышленников».⁶⁴ «Лесопромышленность оставляет почти в полной неприкосновенности весь старый, патриархальный строй жизни, опутывая заброшенных в лесной глуши рабочих худшими видами кабалы, пользуясь их темнотой, беззащитностью и раздробленностью».⁶⁵

⁶³ Маслозерский приход. Архангельские епархиальные ведомости, 1908, № 1, стр. 14; И. В. О л е н е в. Карельский край, стр. 102.

⁶⁴ В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 528.

⁶⁵ Там же, стр. 529, 530.

Наиболее крупными лесопромышленниками в Карелии были капиталисты Беляевы, Русанов, Савин, Громов, Сурков. Во второй половине XIX в. в лесную промышленность Карелии усилилось проникновение иностранного капитала, что способствовало усилению эксплуатации рабочих.

Работа в лесу производилась сезонно и основывалась на применении ручного труда. Лесничества, отводившие участки под рубку, не контролировали заготовку леса; они не имели даже удовлетворительных планов своих дач, не знали подчас площади и запасов леса, поэтому и лес для рубки отводился на основании самых примитивных расчетов и предположений, а это приводило к хищническому истреблению лесных массивов Карелии.

Рубка и сплав леса были организованы следующим образом. Каждый лесопромышленник имел в волости приказчиков (часто это были местные карелы-кулаки), под началом которых находились десятники, руководившие непосредственно работой в лесу (они обычно были из более зажиточных карел-середняков). Массу лесных рабочих составляли рубщики, возчики и сплавики леса, набравшиеся в основном из крестьян-бедняков, работавших на договорных началах. В лесоразработках принимали участие женщины и дети (10—15 лет).⁶⁶

В северной Карелии и Финляндии в конце XIX—начале XX в. существовала категория лесных рабочих, получивших в народе название «яткя». Зимой они рубили лес, весной сплавливали его. Они имели свой специальный знак — на околыше фуражки с левой стороны носили восьмиконечную звездочку, вырезанную из бересты. «Яткя» составляли передовую часть карельского населения, утратившую связь с сельским хозяйством и входившую в состав рабочего класса. Они часто являлись инициаторами и руководителями выступлений лесных рабочих за свои права.

В. И. Ленин писал о лесных рабочих: «... лесные рабочие представляют из себя одну из крупных составных частей сельского пролетариата, имеющего ничтожные клочки земли и вынужденного продавать свою рабочую силу на самых невыгодных условиях. Занятие это в высшей степени неправильное и непостоянное. Лесорабочие образуют поэтому ту форму резервной армии (или относительного перенаселения в капиталистическом обществе), которую теория назвала *скрытой*: известная (и, как мы видели, немалая) часть сельского населения должна быть постоянно готова взяться за подобную работу, должна постоянно нуждаться в ней».⁶⁷

Заготовка леса велась в зимнее время. Рубили выборочно, чаще всего вблизи селений и ближе к рекам и озерам. Рубщик

⁶⁶ Вестник Олонецкого губернского земства, 1909, № 11, стр. 2.

⁶⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 528.

срубал деревья, а возчик отвозил их на биржу. Иногда возчик договаривался с безлошадными крестьянами о совместной работе в лесу.

Лесозаготовка производилась примитивным способом и проходила в чрезвычайно тяжелых условиях. До начала XX столетия лес рубили топором, который приобретал сам лесоруб, поперечных пил почти не было. Только в начале XX в. при заготовке леса стали чаще пользоваться пилами. В первое время они стоили дорого, поэтому лесорубы пользовались пилами лесопромышленника, а за амортизацию платили из своего заработка.

Бревна вывозили на саях, волоком. В конце XIX в. к саям стали прицеплять подсанки (с. к. takareki; ливв. puhoiregi), что несколько ускорило вывозку. Вывезенный лес сваливали на берегу реки или озера, откуда с наступлением навигации сплавляли к лесопильным заводам. Лесоруб, работая на выделенном ему десятником участке леса, сам срубал дерево, срезал сучья и вершину. При напряженной работе хороший лесоруб срубал до 40 деревьев в день. Никаких мероприятий по технике безопасности не проводилось, поэтому лесорубы часто получали физические увечья, простудные заболевания, теряли трудоспособность. Жили лесорубы в крайне неблагоприятных условиях. Обычно они строили себе в лесу небольшие избушки. Вот описание жилища лесорубов. «Если лес, в котором предстояло работать, находился далеко от деревни, то ставили в нем „стан“, т. е. строили небольшие избушки, углубленные в землю, без печки и трубы, с очагом, на котором варили кашу, с нарами для спанья. Избушки эти обыкновенно около двух саженей в длину и ширину, немногим более сажен в высоту вмещали человек 25—30. Тут работали, спали, сушили свои портянки и мерзлое платье. . . В худшем случае они жили в лесу в шалашах из еловых веток, спали на мерзлой земле, кое-как устланной сеном».⁶⁸ Вставали лесорубы в 2—3 часа, накормив лошадей, наскоро перекусив, в 4 часа отправлялись на работу. Расчет с ними производил возчик, который в свою очередь получал от лесопромышленника расчет за неделю. Недельный заработок возчика обычно составлял 5 рублей, из них 3 рубля он брал себе (учитывалась эксплуатация лошади), а 2 рубля выдавал лесорубу.

Следующим звеном в заготовке леса был сплав, его организацию осуществлял «рядчик». Обычно это был местный кулак. Еще зимой он должен был подготовить артель сплавщиков-гонщиков. Рядчик объезжал деревни, расположенные по берегам рек или вблизи их, и заключал договоры с крестьянами на сплав леса к лесопильным заводам. Весной на сплав, кроме местных лесорубов, приезжали крестьяне, подряженные рядчиками в различных уездах Архангельской и Вологодской губерний.

⁶⁸ Вестник Олонецкого губернского земства, 1909, № 12, стр. 10.

Сплав леса начинался во время появления «форсовой» воды, т. е. половодья, и продолжался до глубокой осени. Лес сплавливали по озерам «в кошелях» ввиду отсутствия течения, а по рекам — «модем» (россыпью). Сплав леса кошелями известен карелам давно, в настоящее время он тоже широко распространен в усовершенствованном виде. Доставка леса кошелем — самая простая и дешевая, но она возможна лишь вблизи берегов. «Кошелем» называется замкнутая цепь из плавающих бревен, концы которых крепко связаны гибкими прутьями или корневищами. Внутри кошеля бревна плавают свободно. В прошлом кошель прикреплялся канатом к плоту. Канат наматывался другим концом на ворот (лебедку), расположенный на плоту, закрепленном якорем, и подтягивал кошель. Плот в свою очередь прикреплялся канатом к лодке, идущей впереди. Ворот на плоту крутили несколько сплавщиков или две лошади.

Впереди кошеля ставился особый плот-головня, на котором располагалась харчевня, состоящая из двух частей — в одной хранился провиант, а в другой жили приказчики и иногда главные гонщики.

Каждый сплавщик, кроме хозяйских харчей, получал от 2.5 до 3 рублей в неделю; на дорогу рядчик выдавал каждому гонщику по 1 рублю. В общей сложности рабочий на сплаве получал не более 40 рублей в сезон, в то время как заводчики за каждую сотню стандартных досок получали в Англии по 15 фунтов стерлингов (приблизительно по 115 рублей на русские деньги). Рядчик тоже зарабатывал большие деньги. Так, за каждого выставленного им работника он получал от хозяина 3.5—4 рубля в неделю, исключая постоянную плату 50—100 рублей в год по договору.⁶⁹ Никакой производственной одежды лесорубы и сплавщики не получали, а все приобретали на свои средства.

Сплавщики в отличие от лесорубов работали артелью. Питались также вместе. Для них лесоприказчик открывал лавочки-харчевни, которые передвигались вместе со сплавливаемым лесом на плотях. Продукты питания очень часто были испорченными.⁷⁰

Сплав леса был сопряжен с большими трудностями, требовал сноровки, силы и ловкости от гонщиков, поэтому на эту работу отбирали самых сильных и ловких крестьян.

Труд в лесу и на сплаве был поистине каторжным.

Гонщики начинали работать часа в четыре, когда еще «черт зорю не бьет», как говорили они сами.⁷¹ Кончали работу часов в 10 вечера и собирались группами в лесу, где разводили костер и,

⁶⁹ В. Майнов. Поездка в Обонежье. . ., стр. 213.

⁷⁰ В. Коняткович. Положение рабочих на лесных промыслах в Олонецкой губернии. Вестн. Олонецкого губ. земства, 1909, № 13; Труды III съезда земских врачей и председателей земских управ Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1908, стр. 142, 143.

⁷¹ Труды III съезда земских врачей. . ., стр. 11.

прижавшись друг к другу, старались обогреться. Иногда на берегу они устраивали себе временные жилища.

М. А. Круковский, путешествовавший по Олонецкой Карелии в начале текущего столетия, так описывал жизнь сплавщиков. «На берегу раскинулся целый лагерь сплавщиков. Ряд землянок, прикрытых рогожами, дерном или хворостом, напоминал маленький городок, в котором люди жили в земле, точно кроты. Я отдернул рогожную дверь одной такой землянки и заглянул внутрь. Там было темно и тесно. По обеим сторонам — постели грязные, воючие; под постелью сундук, над постелью в углу темная икона. В таких землянках сплавщики живут целое лето».⁷²

В весенние светлые ночи, когда приходила пора спускать бревна в воду, сплавщики вообще не знали отдыха и многие, обессилев, тонули. В Дружинин приводит слова одного сплавщика о том, как относился хозяин к рабочим: «Хозяин мало верит в болезнь бурлака, а поверит, когда бурлак ногу сломит или руку вывихнет. А утонет бурлак, хозяин ничуть не пожалеет, а наоборот, прибавит: „бурлаку бурлацкая и смерть“. Ему — уплывшее суковатое бревно дороже бурлака со всей его семьей».⁷³ Особенно опасны были для сплавщиков «заломы» бревен, которые приходилось разбирать с большим риском для жизни. Обратиться за медицинской помощью было некуда. Зачастую заболевший скрывал свою болезнь, чтобы не потерять работу. Медицинское обслуживание в карельских деревнях было поставлено крайне плохо. Достаточно сказать, что на весь Олонецкий уезд перед первой мировой войной имелось 3 врача, 16 фельдшеров и 6 повивальных бабок. На одного врача приходилось 16 497 жителей.⁷⁴ При такой постановке дела большинство крестьян, вполне понятно, лечилось у знахарей и знахарок (с. к. tietoiniekkä; люд. tiedoinik; ливв. tiedoiniekku), которые «врачевали своими способами»; не обходилось, конечно, и без нашептываний. Среди «домашних» способов лечения, однако, были и рациональные, как например широко распространенный в Карелии и в настоящее время массаж (с. к., люд. hieronda; ливв. -u). В северной Карелии массаж делали массажистки, которые пользовались большим уважением у населения. В южной Карелии массаж как метод лечения также широко применялся и делали его преимущественно бабки-профессионалки. «Лечебницей» карела была баня.

Тяжелые условия труда — примитивные орудия производства при отсутствии малейшей механизации, непомерная продолжительность рабочего дня, еще более тяжелые условия быта, беспощадная эксплуатация — вот удел крестьянина карела, ухажившего на заработки в лес.

⁷² М. А. Круковский. Олонецкий край. СПб., 1904, стр. 72.

⁷³ В. Дружинин. Советская Карелия. Петрозаводск, 1951, стр. 14.

⁷⁴ Очерки истории Карелии, т. I, стр. 367.

Один из врачей на XII Всероссийском съезде лесовладельцев в 1911 г. говорил: «Если кто хочет определить значение лесопромышленности для местного населения, пусть приходит к тем бескрайним могилам, которыми усеяны ее районы действия, пусть подсчитает хоть в одной волости всех слепых и ослепевающих, которым лесопромышленный дым глаза выел, тех разбитых ревматизмом, годами неподвижно стоющих на полатах, тех корчащихся в муках желудочных схваток, раковых болезней и прочих внутренних язвлений, которых погубил лесопромышленный сплав, тех с раздробленными ногами, вывороченными руками, с грыжами с натуги, с кровью харкающей, раздробленной грудью, которых дарит лесному населению лесопромышленник, заготовитель леса».⁷⁵

Естественно, что при столь тяжелых условиях труда, постоянном страхе за свою жизнь сплавщики и лесорубы часто выражали недовольство. Проявлялось оно в протестах против плохой пищи, в порче хозяйского инвентаря, в избивании десятников и приказчиков и т. д.

Однако, несмотря на тяжелые условия работы, лесной промысел давал крестьянам возможность заработка, чтобы расплачиваться с палочками и покупать самое необходимое для семьи. С каждым годом росло число крестьян, уходивших на промысел в лес. В начале XX столетия количество лесных рабочих достигало 50 000 человек, а в предвоенные годы равнялось четверти населения Олонецкой губернии.⁷⁶

Торговля в разнос (коробейничество). Этот вид торговли для северных карел в XIX в. имел не менее важное значение, чем лесной промысел. Торговлю с Финляндией карелы вели издавна, особенно она была развита в пограничных с Финляндией волостях бывш. Кемского уезда. Со времени Северной войны (XVIII в.) торговля карельских крестьян во внутренних частях северной Финляндии усилилась и приобрела важное значение для обеих сторон.

По имеющимся данным, в середине XVIII в. из русской Карелии (лопских погостов) в северную Финляндию карельские крестьяне вывозили ткани, кожаные изделия, соль, табак и железо. Все эти товары, кроме железа, не производились в лопских погостах, а покупались на ярмарках или у купцов и промышленников в южной Карелии и в Поморье. Из северной Финляндии в лопские

⁷⁵ Революционные события в Карелии в годы первой русской революции 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1955, стр. 8.

⁷⁶ Очерки истории Карелии, т. I, стр. 354; Е. Д. Рыбак. Условия труда и быта лесозаготовителей дореволюционной Карелии (начало XX в.) (по данным земской печати). Уч. зан. Петрозаводск. унив., т. XI, вып. 1, 1962, стр. 266.

погоды привозилось зерно, масло, мясо и другие товары.⁷⁷ Торговля с карельской стороны носила сезонный характер. Немало карельских крестьян жило за ее счет.

Хотя по существовавшему указу 1730 г. на границе с Финляндией были установлены таможи и торговля карельских крестьян в этой стране рассматривалась шведскими властями как контрабанда,⁷⁸ карелы продолжали ее нелегально. Преследование карел-торговцев шведскими властями приводило порой к задержанию и конфискации их товаров, но это не останавливало торговцев. Лишь в середине XIX в. по договоренности русского правительства с Финляндским сеймом карелы получили право разносной розничной и оптовой торговли в Финляндии; финские власти стали даже поощрять эту торговлю, используя ее в целях пропаганды панфинистских идей среди карел. Но это длилось недолго: законом от 31 марта 1879 г. разносная торговля в Финляндии была запрещена. Это было вызвано усиленным развитием капиталистических отношений в Финляндии и ростом буржуазии, опасавшейся конкуренции со стороны карельских торговцев.

Несмотря на закон о запрещении разносной торговли, искоренить ее финны не смогли. Она продолжала развиваться, о чем свидетельствуют архивные материалы. Так, если в 1865 г. торговлю в Финляндии вели около 650 человек из одного Кемского уезда, то к 1893 г., в Финляндии побывало 1139 коробейников,⁷⁹ а в начале XX столетия разносной торговлей занималось около 1.5 тыс. крестьян из западной части Кемского уезда.⁸⁰

Каждый уходящий в Финляндию карел получал в местном волостном правлении одногодичный паспорт и свидетельство с печатью и подписью архангельского губернатора. Уходящий должен был заплатить местным властям все причитающиеся с него недоимки по податям и сборам.

Условно можно выделить три категории торговцев среди карел: крупные торговцы, торговцы «средней руки», зависимые часто от крупных, и мелкие разносчики — одиночки-коробейники. Крупные торговцы, они же владельцы больших наделов земли, на которых работали батраки, имели в крупных населенных пунктах Карелии и в Финляндии свои магазины. Их оборот по разносной торговле доходил до 8 тыс. рублей в год.⁸¹ Сами они не торговали, а имели у себя под началом приказчиков. От крупных торговцев зависела вторая категория — средние торговцы, которые забирали у крупных торговцев товары в кре-

⁷⁷ А. С e d e r b e r g. Pohjois-Karjalan kauppaolot, vv. 1721—1775. Helsinki, 1911, стр. 145.

⁷⁸ Там же, стр. 107.

⁷⁹ Очерки истории Карелии, т. I, стр. 278.

⁸⁰ Там же, стр. 351.

⁸¹ Н. В. О л е н е в. Карельский край. . . , стр. 45.

дит и, разъезжая на лошадях по деревням, продавали их. В среднем такой торговец продавал в год на 1500—2000 рублей товара и получал чистой прибыли 10—20%. За кредит они платили определенный процент крупному торговцу.

Третья категория торговцев — разносчик-одиночка (коробейник). Нужда заставляла его идти по деревням с товаром, взятым в кредит под проценты у купца-односельчанина. Многие из этих разносчиков имели своих постоянных клиентов среди финнов. Таких торговцев финны иронически называли *gerpurussä* (русские мешочники). Разносчики торговали различным товаром; охотнее всего у них раскупали предметы женского туалета: легкие ткани, ленты, украшения и т. д.

В конце XIX в. среди коробейников-разносчиков очень широко бытовала песня, которую записал Ю. Сурхаско от Андреевой в дер. Колатсельга.

Karjalan mail kulda kägözet
kukuu.
Kirikot ristolat kiillotelöö,
Täljanku illoin täñčiloh kuččuu,

На карельской земле золотые
кукушки кукуют,
Ярко светят на церквах кресты,
Тальянка вечером зовет на
гулянье,

Kannel hembi helizöö.
Kulleksinba kulleksin,
Sumču selgää painaa.
Mierol matkuu mieleni
Omah kodili aina.
Viel on kallis kandajaine,
Mielittiettöne čoma,
Kylän kegri illatčuloil

Кантеле нежно звучит.
Все скитаюсь я, скитаюсь,
Короб плечи давит,
На чужбине всегда
Отчий дом манит.
Еще там родимая мать,
И красавица любимая,
На деревенской вечеринке взятая,

Mučoi otettu oma.

Жена моя дорогая.

Коробейничество было характерно для западной части Кемского и Повенецкого уездов. Оно наложило определенный отпечаток на развитие как материальной, так и духовной культуры карел, проживающих ныне в Кемском районе (Калевала, Кестеньга, Реболы). Этим объяснялось и известное тяготение пограничных карел к финнам, к которым карелы уходили иногда с десятилетнего возраста. Жизнь в Финляндии требовала знания финского языка, поэтому многие в северной Карелии предпочитали отдавать своих детей учиться в финскую школу.

Ремесла и домашние производства. У карел в прошлом были широко распространены добыча руды и кузнечное ремесло. Причем развитию кузнечного дела способствовало наличие так называемой болотной руды, добываемой и обрабатываемой примитивным способом. О наличии металлообрабатывающего производства еще в древности свидетельствует обилие железных поделок местного изготовления, найденных в курганах и могиль-

никах, это же подтверждают и документы более позднего времени. В эпических песнях карел часто упоминается о том, что в болоте лежит железо:

Iće mie tiijan rauvan šynnin,
Mist' on rauta syntynyt,
Syntynyt ja kašvanut.
Etpä silloin šuuri ollut,

Etkä šuuri, etkä pieni,
Etkä ollut kovan korja,
Kuunpa maitona makasit,
Olit šuon šuuren selällä,
Tulen tunturin lähellä.
Olit šuven aškelilla,
Karhun kammeninen sijoilla.

Сам я знаю начало железа,
Откуда произошло железо,
Где родилось и где выросло.
В те времена ты, железо,
было

Не большое и не маленькое,
Не очень ты красивое,
Когда спало, как молоко,
Когда лежало ты в болоте,
Вблизи огня тундры.
Было ты там, где тают следы,
На местах лап медведя.⁸²

Не случайно, что один из основных героев «Калевалы» Илмаринен искусный кузнец. Интересно, что сюжеты эпических песен, связанных с его именем, записаны преимущественно в южных районах КАССР; это объясняется тем, что наибольшего развития кузнечный промысел достиг именно там.⁸³

С. Гадзяцкий справедливо отметил, что «техника в этих промыслах со времен Илмаринена не изменилась вплоть до второй половины XIX в.»⁸⁴ В первой половине прошлого столетия И. Богуслав описал, как крестьяне Масдозерской волости выплавляли железо, бросая руду в плавильный горшок, затем через несколько часов извлекали оттуда массу, из которой выковывали полосовое железо. При работе таким образом один человек в день смог добывать около 10 фунтов железа.⁸⁵ Позднее технологию получения карелами железа описал П. Чубинский.⁸⁶

Карельские кузнецы в XIX в. из добытой и выплавленной руды изготовляли различные предметы, необходимые для хозяйства: одни делали земледельческие орудия (сошники, косы, топоры, заступы), коровьи колокола, подковывали лошадей и т. д.; другие оковывали сани, тарангасы, телеги, кабриолеты и т. п.; третьи, преимущественно в северной Карелии, — различные вещи для мореходных судов и охотничьи ружья (винтовки), которыми снабжали своих земляков и поморов.

Все ремесленники, а особенно кузнецы-судостроители, пользовались большим уважением у местного населения, находясь как бы

⁸² Карельские эпические песни. М.—Л., 1950, стр. 132; ср.: Калевала, руна 9, стр. 47.

⁸³ Карельские эпические песни, стр. 5.

⁸⁴ С. Г а д з я ц к и й. Карелы и Карелия в повгородское время. Петрозаводск, 1941, стр. 26.

⁸⁵ И. Б о г у с л а в. Беломорская Карелия. Тр. Вольного экономич. общ., 1874, ч. 2, стр. 234.

⁸⁶ П. Ч у б и н с к и й. Статистико-экономический очерк Карелы, стр. 87, 88.

на правах деревенских «аристократов». Но кузнечное ремесло развивалось неодинаково в разных районах. Так, в пограничных с Финляндией карельских волостях кузнечное дело развивалось очень слабо, поэтому карелы вынуждены были переплачивать финнам за железные изделия.

В Олонецкой Карелии славились своим ремеслом самбатукские и улванские кузнецы. Выделкой коровьих колоколов занимались в основном карельские кузнецы из Коткозерской, Рынушкальной, Видлицкой и Ведлозерской волостей Олонецкого уезда.⁸⁷

После того как в первом десятилетии XX в. в Карелии была введена пошлина на дрова и выделка железа не стала себя оправдывать, кузнечное мастерство начало падать.

Из других видов ремесел в южной Карелии широкое распространение получил экипажно-колесный промысел. «Телеги и тарантасы лучших фасонов наблюдаются в окрестностях Олонца. . . В Олонецком уезде проглядывает фасон телег, кабриолетов и саней финских».⁸⁸ Готовую продукцию мастера продавали в Олонце, Петрозаводске, Лодейном Поле и на Александро-Свирской ярмарке. В Петрозаводском уезде в Сязозерской волости производились сани и дровни, которые продавались на месте или сбывались в Петрозаводск.

Довольно развит был у карел бондарный промысел. Делали ушаты, лохани (с. к. *luohkana*; люд. *lohan*; ливв. *luohainij*), бочки (с. к., люд. *butš*; ливв. *pučči*) различной величины, подойники (с. к. *lũpsũrenki*; люд. *lũpsviedr*; ливв. *lũpsirengiine*), кадушки (*puini*), столь необходимые для хозяйства крестьянина.

Каждый карел умел плести из бересты кошело, корзины, солонки и т. п. В Богоявленской волости Повенецкого уезда из бересты плели веревки, которые употреблялись для ловли рыбы неводом в летнее время. Такая веревка, по отзывам рыбаков, могла прослужить до 30 лет, так как от сырости она не портилась, а изнашивалась лишь от трения о борт лодки и от наматывания на ворот, которым тянули невод к лодке во время ловли рыбы.

Большое место в домашней промышленности занимала обработка растительного волокна для изготовления одежды. Из технических культур для этой цели сеяли коноплю и главным образом лен. Широко использовали также овечью шерсть. Производительницей всех достаточно сложных и трудоемких работ по выращиванию конопли и льна, а также по их обработке искони была женщина. Мы не будем подробно излагать способы выращивания и обработки этих культур, так как, по существу, они почти ничем не отличаются от аналогичных работ у соседнего русского населения, а также у многих других народов.

⁸⁷ Кустарная промышленность в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1895, стр. 53—55.

⁸⁸ Там же, стр. 59.

Из льняных нитей карелки ткали холст, полотно, скатерти, полотенец. Нитку конопли использовали на вязание неводов, сетей, ткали мешковину, половики. Из конопли же делали пестрядь, при этом брали две белых нитки и две темно-синих. Из полученного материала шили сарафаны (с. к. *saraffana*; люд. *saraffon*; ливв. *šaraffan*), нижние юбки. Полусуконные ткани употребляли для шитья верхней одежды. Из шерсти вязали чулки, рукавицы, шарфы.

Карелки пряли на ручных пряхках (*kuožali*), сделанных из целого куска дерева с расписной лопастью. В северо-западной Карелии в XIX в. получили распространение самопряхки-ленсакки, которые приобретались в Финляндии. В начале текущего столетия такие самопряхки продвинулись на юг, их можно было встретить у олонецких карел, а также в районе Ведлозера. Веретена (*värttinä*) крестьяне делали сами, иногда украшая их скромным резным орнаментом. Женщины ткали на горизонтальном ткацком станке (*stuava*), аналогичном русскому (рис. 5). В некоторых местностях имелись «стационарные» станки, которые были, по всей вероятности, наиболее древними. Такой станок был вделан в стену и его никогда не разбирали.

Тип станка, по-видимому, заимствован у русских, о чем свидетельствуют и названия его отдельных частей: они либо русские, либо точные переводы (кальки) соответствующих русских терминов.

Основные части ткацкого станка следующие:⁸⁹ рама (*kangazbrujad*) с закрепленной на ней колодой (*poalik*) для наматывания основы (*kangaz*); пришва (*šürd*) — круглая колода, на которую наматывалась готовая ткань; притужальник (*läbilaudaiñe*), которым закреплялись колода и пришва; бердо (*bird*), служащее для прибавания утка; бердо, вставлявшееся в набилки (*birdam-piälized*); подножки или лыжи (*suksed*) — деревянные пластинки с веревками, которыми они соединялись с нитями основы.

Художественные ремесла имели в Карелии неравномерное развитие: на юге они представлены широко, на севере гораздо скромнее. Это различие легко заметить на примере распространения вышивок. Если людики и ливвики любили украшать ими свою одежду и другие изделия из тканей (края полотенец, подзоры, низ станушки и т. п.), то у северных карел вышивок почти не встречается. В вышивке наибольшее распространение имел так называемый досюльный (прежний) шов (*kirjutettu paltina*), двусторонний и односторонний. На холсте делались одинакового размера (по счету ниток) небольшие стежки, которые располагались по горизонтали, вертикали и диагонали совершенно одинаково как с лицевой, так и с оборотной стороны. Имел распростране-

⁸⁹ Приводимая карельская терминология дается на людиковском диалекте.

ние шов «по памету» или «по перевити» (nüt kittü paltina.) В этом случае на холсте выдергивались нитки и уже на сетку наносился рисунок белой бумагой. По тому же принципу образуется шов «по вырези» (или «по письму»). Контур рисунка намечается карандашом на холсте и обводится для закрепления тамбурным швом.

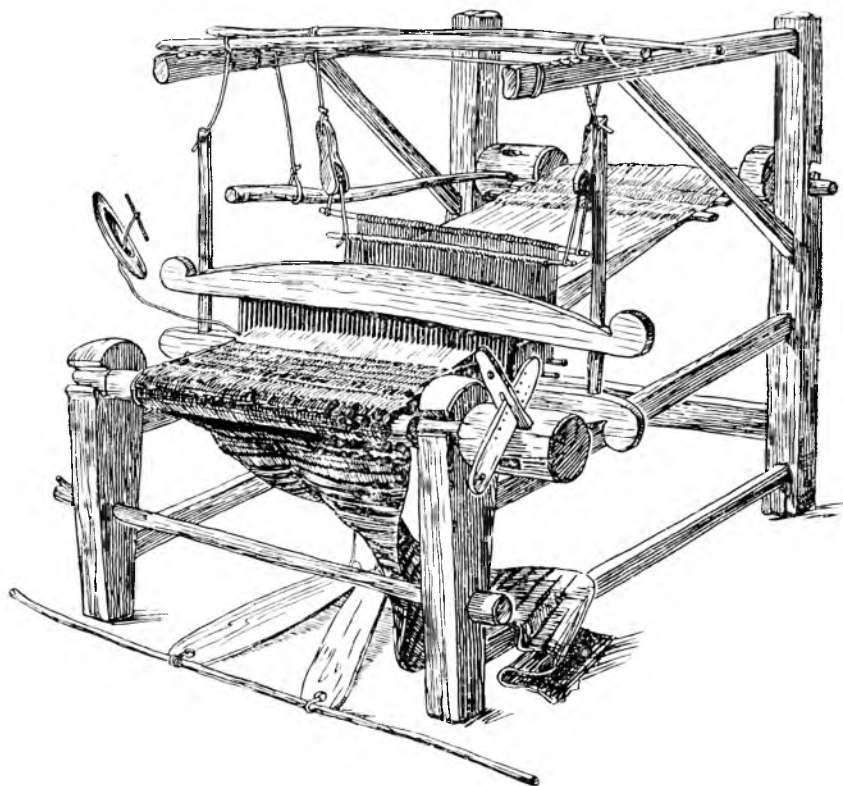

Рис. 5. Ткацкий станок.

Из фондов Института этнографии.

внутри рисунка выдергиваются нитки, затем они подрезаются и снова закрепляются тамбурным швом. Оставшиеся нити фона перевиваются льняной ниткой и образуют сетку, на которой рельефно выступает узор. Довольно широко была распространена вышивка тамбуром — это нечто среднее между шитьем и вязанием; для него пользовались специальной иглой с крючком на конце. Этим швом шили обычно по кумачу белыми нитками. У всех карел паряду с вышивкой очень широко бытовало узорное тканье на краях полотенец, станушек и т. п. красной бумагой на

холсте. В начале XX в. в ряде деревень южной Карелии получило распространение шитье «крестом».

Узоры вышивок были различные. В южной Карелии преобладали животно-растительные, антропоморфные мотивы, а в северной — преимущественно геометрический орнамент. Нередко среди узоров можно было встретить мотивы, уводящие в далекую древность (жепская фигура с поднятыми вверх руками, с птицами, цветами, символами небесных светил и т. д.).

Среди карел-ливвиков (в районе Олонца) в прошлом имело широкое распространение вязание и плетение кружев. Кружева вязали из тонкой льняной нити железным крючком (с. к. *virikko*; люд. *niegl*; ливв. *kovkkuine*), а также плели на коклюшках. Товар продавали на ярмарках, а также в Финляндии.⁹⁰ В некоторых местностях Олонецкого уезда (Мегрега, Юргиллица, Куйтежа, Самбатукса, Обика и др.) в конце XIX в. занимались плетением изделий из соломы (шляп, корзиночек и проч.). Готовую продукцию через скупщиков продавали в Петербург, в Одессу (по почте). Этим ремеслом промышляли преимущественно подростки.⁹¹

Карелы-людики в XVIII—XIX вв. занимались мраморными ломками в районе Тивдии (близ Кондопоги). В XIX в. комиссией по постройке Казанского собора в Петербурге здесь был сооружен мраморный завод, позднее пришедший в упадок, но местные крестьяне, сохранившие производственные навыки, продолжали кустарными способами производить мелкие изделия из мрамора. В последней четверти XIX в. в Тивдии выделывали подоконники, шапечные, столовые и каминные доски, падробные памятники и различные мелкие изделия, а также мраморный щебень для мозаичных полов. Крестьяне-мраморщики Тивдии и Белой Горы работали преимущественно в зимнее время. Специальных помещений для этого не было, работали в сараях, банях или жилых домах.⁹²

В середине XIX в. в северной и средней Карелии на реках Керети, Повенчанке, Кумсе, Остер и др. имел место жемчужный промысел. Жемчуг добывался в небольших количествах, поэтому доставлял жителям незначительный доход. Для промысла жемчужных раковин карелы устраивали специальные плоты. Ловля жемчуга носила хищнический характер, что привело к почти полному исчезновению жемчужных раковин в реках Карелии.

Гончарство у карел почти не развивалось. Как правило, карелы покупали горшки у горшечников венсов или русских,

⁹⁰ Подробнее см.: Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1905; T. V a h t e r. Itä-Karjalan kansanomaisista käsitöistä. In: Muinaista ja vanhaa Itä-Karjalaa. Helsinki, 1944, стр. 212—235.

⁹¹ Кустарная промышленность. . . , стр. 75.

⁹² Там же, стр. 3—27.

которые каждое лето развезжали со своим товаром по деревням и имели постоянных покупателей, или же на ярмарках.

Хозяйство карельских крестьян, в дореволюционное время развивавшееся в условиях все большего проникновения в него капиталистических отношений, оставалось патриархальным и основывалось на применении ручного труда и примитивных архаических орудий производства. Государство, земство, капиталисты-лесопрмышленники не только не заботились о поднятии экономики и культуры карельского народа, но, наоборот, эксплуатировали карел различными способами. Основная масса крестьян (бедняки и середняки) была задавлена нуждой, которую еще более усугубляла власть старых хозяйственных и бытовых традиций.

Жизнь карельского крестьянина подчинялась издавна сложившемуся порядку, почти не претерпевавшему изменений. Этот порядок определялся сезонным характером крестьянского труда и был освящен религией. Последовательное чередование из года в год одних и тех же занятий и работ, неумолимо наступавших в определенное время года, создавало то однообразие и монотонность быта, лишённого широких умственных интересов и новых производственных перспектив, которые К. Маркс назвал «идиотизмом деревенской жизни». Крестьянин-карел твердо знал, что на Егория надо начинать сев, а с Петрова дня — сенокос, что на тропцу полагается водить хороводы, а с покрова идти на лесозаготовки. Годовой распорядок различных работ и занятий карельского крестьянина был примерно следующий.

Весной — вывозка из леса дров для годовой домашней потребности, весенний лов рыбы, вывозка удобрений на поля, пахота и посев яровых, сплав леса по пайму; у охотников — преследование лосей по пасту, охота на дичь на току; у женщин — отбелка холстов.

Летом — устройство подсеки, сбор листа для скота, сенокос, вспашка полей под озимые и посев их, сбор урожая, собиране ягод и грибов.

Осенью — молотьба хлеба, вывозка на поля торфяных кочек для удобрения, зяблевая вспашка полей, осенний лов рыбы неводами и сетками; поздней осенью — у охотников охота на белку и куницу, а у подростков ловля лесной дичи силками; коробейничество; у женщин — прядение и ткачество.

Зимой — подвозка сена для скота с лесных теремов (лесных пожень), извоз, работа в лесу, подледный лов рыбы, охота на крупных зверей, у женщин — прядение и ткачество.

Конечно, особенности природных условий на севере и юге Карелии, своеобразие исторического и социального развития обоих этих районов повлияли на то, что их население выработало и некоторыми специфические формы хозяйственной деятельности и главным образом специфическое соединение тех или иных занятий и промыслов. Поэтому и годичный трудовой цикл северного карела

отличался от такового, сложившегося у карела-людика или ливвика.

Нетрудно заметить, что в пределах Карелии в прошлом выделяется две хозяйственные зоны — севернокарельская и южнокарельская. Для севернокарельской хозяйственной зоны характерны весьма слабое развитие земледелия и молочного животноводства и, напротив, большая роль рыболовства и охоты, приобретающих подчас промысловое значение; наличие заимствованного от саамов оленеводства; своеобразный вид отхожего промысла — коробейничество. Для южнокарельской зоны типичны более интенсивное земледелие и животноводство (не только молочное, но и овцеводство и даже — по отдельным местностям — свиноводство); повсеместное распространение занятий различными ремеслами; значительно меньшее, чем на севере, потребительское значение рыболовства и охоты и т. д.

Мы будем еще иметь возможность убедиться, что различия в культуре населения севера и юга Карелии обусловлены не только этими хозяйственными причинами, но и тем, что культура северных и южных карел складывалась на основе разных этнических традиций. Однако не подлежит сомнению, что особенности экономического развития этих двух, можно теперь сказать, хозяйственно-культурных зон заметно сказались и на выработке важных черт материальной культуры карельского народа.

Г л а в а в т о р а я

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Слабое экономическое развитие края, низкий культурный уровень населения в известной мере объясняются оторванностью от наиболее важных хозяйственных и культурных центров страны, скверным состоянием его путей сообщения, примитивностью и архаизмом местных транспортных средств.

С древнейших времен основными путями сообщения на территории, где жили карелы, были озера и реки. Летом по ним плавали в лодках, а зимой часто прокладывались санные дороги (зимники).

В Карелии издавна известно несколько водных магистралей, которые связывали отдельные ее районы. Одной из таких магистралей на севере являлась, например, р. Кемь, ее притоки и система озер Куйто. В прошлом важный торговый путь, соединяющий Поморье с Приботнией, проходил по р. Кеми и ее притоку Чирка-Кеми, затем через систему мелких рек, озер и волоков соединялся с оз. Низлишярви, отсюда он шел к г. Каянеборгу и далее по р. Улео к Ботническому заливу. Верхние притоки р. Улео служили связующим звеном между Приботнией и Приладожьем.¹ Путь, соединяющий Обонежье с Поморьем, начинался в северной части Онежского озера (близ места, где впоследствии возник г. Повенец) и шел через Маткозеро к р. Выгу.² Важное место

¹ Вопрос о способах и средствах передвижения карел частично освещен в работе: Р. Ф. Т а р о е в а. Средства и способы передвижения у карел в дореволюционное время (конец XIX—начало XX в.). Тр. Карельск. фил. АН СССР, вып. XXII, 1959.

² А ф а н а с и й, архиепископ Холмогорский. Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701 г. Журнал Министерства внутренних дел, ч. 29, 1838, стр. 261, 290, 291; А. А. С а в и ч. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 26; С. Г а д з я ц к и й. Карелы и Карелия в повгородское время. Петрозаводск, 1941, стр. 7.

в судоходстве южных карел занимала р. Свирь, соединяющая два больших озера — Ладожское и Онежское. Кроме упомянутых крупных водных путей, в Карелии имеется большое число мелких рек, но передвижение по многим из них весьма затруднено из-за мелководья, порожистости и проч.

Сколько-нибудь благоустроенных сухопутных (колесных) дорог в Карелии было ничтожно мало — они имелись только в южной части края.³ Особенно мало дорог было в уездах, где жили по преимуществу карелы. Так, в Повенецком уезде из 402 селений только 149 имели дороги; в Петрозаводском уезде — 266 из 636; в Олонецком уезде — 305 из 534.⁴

На севере летние сухопутные дороги почти отсутствовали, поэтому сообщение даже между соседними деревнями было затруднено. Между многими деревнями существовал исключительно пеший путь по тропам. «Вместо езды на карбасах вы можете в летнее время передвигаться здесь только пешком по еле заметным, пролегающим через глухие, бесконечные леса и топкие, трудно проходимые болота, тропам да на утлых маленьких лодках по озерам и рекам. Надо иметь значительную долю закаленности и терпения, чтобы преодолеть все трудности и неудобства таких первобытных способов и путей сообщения», — писал Н. Камкин в 1880 г.⁵

Для перехода через многочисленные речки, ручьи и каналы делались примитивные мостики — перекинутое с берега на берег бревно, иногда несколько бревен или жердей, связанных ивовыми прутьями. Такие же примитивные настилы из жердей прокладывались и на болотах, трудности передвижения по которым описаны Н. Камкиным: «Достаточно сказать, что идете по. . . скользким, затонувшим в болоте жердям. . . причем вам то и дело приходится утопать в болотную грязь по колено и выше, и идете так по 30—40 верст от селения к селению».⁶ Более удобным переходом являлся настил из нескольких плах, положенных на козлы, которые ставились в воду. К таким настилам часто пристраивались примитивные перила. Зимой ходьба пешком была сопряжена с еще большими трудностями. Глубокий снежный покров затруднял передвижение, поэтому у карел, особенно в северных районах, широко практиковалась ходьба на лыжах. Лыжи были необходимой принадлежностью охотника, лесоруба, рыболова, корабейника и др.

Население края научилось пользоваться лыжами еще в эпоху неолита (III тысячелетие до н.э.), подтверждением этого могут слу-

³ Олонецкий сборник, вып. IV. Петрозаводск, 1902, стр. 18—25; Материалы по статистическо-экономическому описанию Олонецкого края. Издание Олонецкого губернского земства. СПб., 1910, стр. 143.

⁴ Материалы по статистическо-экономическому описанию Олонецкого края, стр. 143.

⁵ Н. Камкин. Архангельские карелы. Древняя и новая Россия, 1880, № 2, стр. 296—297.

⁶ Там же, стр. 294.

жить изображения лыжников на петроглифах.⁷ В карельских эпических песнях также неоднократно упоминаются лыжи и даже дается описание их изготовления:

Lusmykko lylyjen šeppä,
Капо kalpojen tekijä,
Šykyšyn lylyja vuoli,
Talven kalvova kavelti.
Šai lylyn lykättäväkše,

Kalvon kannon lyötäväkše,
Lukkäsi lylyn lumella,
Pani kaksi šauvova
Kahen puolen kalvoištahe.

Люсмюкко — лыжный мастер,
Капо, делающий лыжи,
Осенью лыжи строгал,
Зимой лыжи вырезал.
Сделал лыжи, чтобы на них

ходить,
Подбил к ним ремни,
Выбросил он лыжи на снег,
Воткнул в снег две палки,
По обе стороны лыж.⁸

У карел имели распространение зимние и летние лыжи. По конструкции зимние (снеговые) лыжи можно разделить на три типа: дорожные, узкие, для быстрой ходьбы; лесные, охотничьи, широкие (в отдельных местностях, правда очень редко, такие лыжи обивали мехом: например, дер. Нильмозеро Лоухского района); наконец, источник (Г. Р. Державин) указывает на наличие у карел в XVIII в. особого, третьего, рода лыж, которые делались разной длины (одна короткая, а другая длинная): «. . . одна длиною в 4 аршина, шириною же в 3 вершка и всегда бывает березовая, другая же бывает из разного дерева и длиною в 3 аршина, шириною же равна с первой. Березовая шукша (лыжа, — *P. T.*) надевается на левую ногу и низ под оной выстроган, по середине же выдолблен во всю длину лыжи желобок; она употребляется, по свидетельству их, для удобного раската, и гонящиеся за зверьми подбивают весь испод правой лосиными лапами, дабы шерсть при входе на гору, противостоя, скатываться препятствовала. Посредине для ноги делается род колодки, и чтобы она прямо стояла, привязывают сзади из вицы или кожи петлю и застегивают ногу». Палка у этих лыж была одна «с кружком на конце, палка сия препятствует шукшам⁹ погрязать в снегу».¹⁰

Этот тип лыж в основном был распространен у скандинавских народов и у соседнего финского населения.¹¹ Подробное описание

⁷ А. М. Линева и И. Петроглифы Карелии. Петрозаводск, 1939, ч. I, табл. 10, 11; В. И. Равадоникас. Наскальные изображения Белого моря. М.—Л., 1938, табл. 18, 19.

⁸ Карельские эпические песни. М.—Л., 1950, стр. 147.

⁹ По всей вероятности, Г. Р. Державин имел в виду то, что кружок препятствовал погружению в снег не лыжам (шукшам), а палкам.

¹⁰ Г. Р. Державин. Поденная записка. Прилож. к кн.: В. В. Пименов, Е. М. Эпштейн. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958, стр. 178. — В других источниках нет указания на то, что карелы пользовались такого рода лыжами.

¹¹ Теодор Швиндт сообщает, что в Тверской Карелии он обнаружил еще один вид снеговых лыж — плетеные из прутьев ступательные лыжи. (Th. Schwindt. Matkamuiſtoja Tverin Karjalasta. Kansatieteellinen arkisto, 13, Helsinki, 1957, стр. 47).

таких лыж дается во многих работах финских исследователей.¹²

В XIX и начале XX столетия карелы изготавливали лыжи из прямых сосновых, а на юге Карелии иногда и из березовых досок. В ряде деревень нами были найдены лыжи, сделанные в конце XIX или в начале XX в. Длина таких лыж около 2 м, ширина 8—12 см. Носок лыж загнут, но очень слабо, и заострен. В носке просверливалось небольшое отверстие, предназначенное для вдевания бечевки, при помощи которой можно было тянуть уложенный на лыжи груз с охоты, рыбной ловли и т. п. Подножка подби-

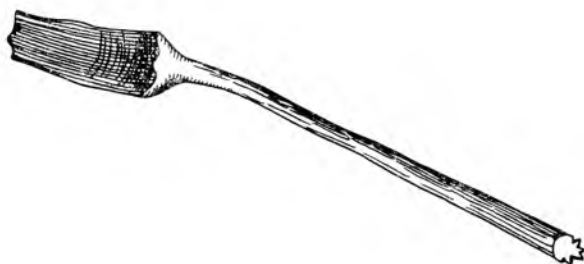

Рис. 6. Охотничья лопатка.

валась берестой (позднее резиной); при ходьбе нога вдевалась в кожаную или проволочную петлю. Пяточный ремень крепления отсутствовал, вероятно потому, что у северных карел вплоть до 20-х годов XX в. имела широкое распространение специальная обувь — сапоги с загнутым носком (nürpikkejäkät, pieksut). Карелы всегда ходили на лыжах с палками из прочного и легкого дерева, преимущественно черемухи. Кольца для палок изготавливали из сухих наростов на березе — грибов (pakkuli). Охотники обычно пользовались одной палкой, вторую им заменяла охотничья лопатка (рис. 6). Аналогичные лопатки употреблялись охотниками-венсами, саамами, финнами, коми-зырянами и др.

Северные карелы украшали лыжи или простым орнаментом или прямыми линиями, для нанесения которых имелся специальный инструмент — *čirtti* (от русск. 'черта'), состоявший из маленького деревянного кружка с вбитым в него гвоздем. Им карелы наносили орнамент и проводили различные линии, подсказанные фантазией.

Летние лыжи — болотные (*šuošukset, kattavat*). Они употреблялись только в северной Карелии для ходьбы или работы на болотах. Их известно два вида: ступательные (*šuošuk-*

¹² U. T. Sirelius. Suomen kansanomaista kulttuuria. Helsinki, 1919; K. Vilkuna. Varsinais-suomalaisten kansanomaisesta taloudesta. In: Varsinais-Suomen historia. Helsinki, 1935; Suomen suku, osa III, Helsinki, 1934.

set) — по форме они напоминают ракетку для тенниса, делали их из тонкого березового ствола, который сгибали по овалу, а затем этот остов переплетался прутьями, посредине находилось крепление такое же, как и на зимних лыжах; с к о л ь з я щ и е (kattavat) — по форме они напоминают зимние лыжи, только вдвое короче их, и в каждой из них у носка и задника проделаны отверстия для пропуска воды. Такие летние лыжи бытовали у карельского населения пограничных с Финляндией деревень.¹³

Болотные лыжи имели и имеют распространение в северной Финляндии и Эстонии; по форме они аналогичны карельским. Причем большее распространение в Финляндии получил второй вид летних лыж. Этому, вероятно, способствовали природные условия — наличие большого числа болот. Часто болотными лыжами пользовались во время сенокоса на затопленных лугах, особенно вблизи лесных озер.

Карельские охотники, рыбаки, сплавщики и коробейники во время своих пеших переходов нуждались в удобных средствах для переноски пищевых продуктов, одежды, товаров для продажи и пр. Следствием этого было появление в быту различных приспособлений для переноски тяжестей. Наибольшее распространение имели берестяные кошеле (с. к., люд. kesseli; ливв. kaššali), сплетенные из узких берестяных лент. Кошеле были различных размеров, носили их за спиной на лямках, сплетенных также из бересты. Широкое распространение подобные кошеле имели у венгов, финнов, а также у коми-зырян и у ряда других народов лесной полосы. Употреблялись также крошени (grošni), хорошо известные многим народам: русским, вепсам, коми-зырянам, хантам, манси, башкирам и др. На севере Карелии были распространены сумки (gerri), сшитые обычно из коровьей или лосиной кожи. Носили их за спиной на лямках. Чаще всего ими пользовались мелкие торговцы-коробейники (финны их называли gerriigi или gerriyussä букв. 'русские котомочники'), озабоченные сохранностью своего товара. Такие же сумки известны финнам под названием kukkarokontti.¹⁴

Важнейшими и древнейшими средствами передвижения в крае рек и озер летом являлись лодки: долбленки (люд. hongoi; ливв. kuitti), шитики (veneh), карбасы (karbas) и плоты (люд. laut; с. к. -а, ливв. -у), появление которых следует отнести к древнейшим периодам заселения Севера. О большой древности применения лодок в Карелии свидетельствуют наскальные изображения, обнаруженные в районе Онежского озера и Белого моря.¹⁵ Неодно-

¹³ U. T. Sirelius. Suomen kansanomaista kulttuuria, стр. 57; T. Vuorela. Kansatieteen sanasto. Helsinki, 1958, стр. 97.

¹⁴ T. Vuorela. Kansatieteen sanasto, стр. 49.

¹⁵ В. И. Равдоникас. Наскальные изображения..., табл. 8, 10, 11, 18; А. М. Липевский. Петроглифы Карелии, ч. I, стр. 165—167, табл. 53.

краткие упоминания о лодке как об одном из главных средств передвижения находим и в карельских эпических песнях.¹⁶

Наиболее древним типом лодки была долбленка-однодеревка. Подтверждением этого может являться обнаруженный на побережье Ладожского озера А. А. Иностранцевым долбленный чели из дуба, бытование которого относится, по всей вероятности, ко времени неолита.¹⁷ Неоднократные упоминания о лодке, сделанной из одного дерева, имеются в карельских эпических песнях.¹⁸ Лодку-долбленку изредка можно встретить и в настоящее время близ Олонца и в районе Ведлозера (дер. Рыпушкалицы, Старая Маньга, Паннила и др.).

Долбленку делали преимущественно из осины. Длина лодки зависела от размеров выбранного ствола и обычно не превышала 3—4 м. Сердцевина дерева выдалбливалась теслом, а днище лодки выскабливалось скобелом. Ширина лодки в средней части равнялась 50—60 см, высота — 40—50 см. По бортам для большей устойчивости к ней прикреплялись два поплавок, которыми служили тонкие жерди диаметром 10—15 см и длиной до 3 м. Гребли одним веслом (аіго) или отталкивались шестом. На лодках-долбленках выезжали ловить рыбу в маленьких речушках и небольших озерах. Такие лодки бытовали у многих народов: финнов (kuutti), вепсов (hongoi), марийцев (тыгана пуш), русских (чели).¹⁹

Более усовершенствованной является лодка-дощанка, или шитик, имеющая самое широкое распространение не только на территории Карелии, но и у всех народов, живущих по берегам морей, озер и рек. Лодки-дощанки бывают морские, озерные и речные, конструктивных различий между ними, однако, немного. Разница заключается лишь в размерах: морские и озерные лодки гораздо больше речных и имеют более выраженный киль.

В южной Карелии, на р. Олонке, иногда встречаются плоскодонные лодки, очень удобные для прохождения любых мелководных мест.

Лодка-дощанка появилась у карел давно. Подтверждение этому находим в рунах «Калевалы»:

Чели с уключинами молвил:
— . . . Я ж построенный прекрасно
Из досок, из целой сотни,

¹⁶ Карельские эпические песни; Калевала. Карело-финский народный эпос. Петрозаводск, 1956.

¹⁷ А. А. Иностранцев. Довторичский человек побережья Ладожского озера. СПб., 1882, стр. 172.

¹⁸ В. И. Евсеев. Исторические основы карело-финского эпоса, кн. I. М.—Л., 1957, стр. 78, 79.

¹⁹ T. Vuorela. Kansatieteen sanasto, стр. 51; В. В. Пименов. К вопросу о карельско-вепских культурных связях. СЭ, 1960, № 5, стр. 34; М. А. Крюкова. Материальная культура марийцев в XIX в. Йошкар-Ола, 1956, стр. 89.

В XVII и XVIII вв. на Белом море шитые лодки и более крупные суда, называемые шитиками, строились повсеместно.²¹

Лодка-дощанка шивается обычно из сосновых досок.²² Для изготовления лодок у карел существовали следующие инструменты: ножовка (с. к. puukkošaha; люд., ливв. požouhku), стамеска (stamesk), молоток (с. к. vasara; люд., ливв. pal'lä), топор (с. к., ливв. kirves; люд. kirvez), клещи для зажима досок (с. к. piihtimet; люд., ливв. piihtimed, žimkat), рубанок (люд. struug; с. к. -a; ливв. sruvgaine) и сверло для соединения кокор (с. к. näveri; люд. pörk).

Устройство карельской лодки-шитика довольно простое. Основанием лодки служит киль, соединенный в единое целое с носовой и кормовой кокорами (с. к. nenäruu, peräruu). Эти части вместе с прибитыми к килю опругами-шпангоутами (kuorad) составляют остов лодки, на который с обеих сторон набивается по 5—6 набоев довольно широких сосновых досок (с. к. laitapuut). Чтобы доски плотно прилегали друг к другу, их стягивают самодельными деревянными клещами. По бортам для прочности прибиваются оборы с утолщениями для уключин (с. к. hanka). Делаются уключины двух типов: 1) обруч из прутьев, очень неудобный, быстро снашиваемый, но дешевый; 2) железный стояк, на который надевается скоба, прикрепленная к веслу (это более поздний, современный тип). В лодке чаще всего две скамейки: для кормщика в корме (с. к. perät/el'lo) и для гребцов в середине (с. к. šouvantat/el'lo). Корма и нос обычно острые, последний сильно приподнят. Готовую лодку смолят и перед спуском на воду просушивают.

Лодки эти очень удобны, вместительны и устойчивы. В северной Карелии они известны под двумя названиями: «поездник» — легкая лодка небольшой вместительности и «карбас», вмещающий до тонны груза. Карбасы имели широкое распространение у поморского населения, занимавшегося морским рыболовством.

В прошлом при передвижении на лодках по крупным водоемам карелы пользовались прямым четырехугольным парусом (с. к. purieh), который шили из домотканного грубого холста. Парус закрепляли на мачте длиной 3—4 м. Управляли парусом при помощи длинной веревки, прикреплявшейся одним концом к мачтовой рее, а другим — к корме лодки. На небольших лодках имелось два гребных весла длиной 2—2.5 м и маленькое кормовое

²⁰ Калевала, руна 39, стр. 257; Карельские эпические песни, стр. 39, 61, 69, 110 и др.

²¹ Очерк русской морской истории, ч. I. СПб., 1875, стр. 16, 17.

²² В XIX в. доски «шивались» ивовыми прутьями, гвоздей не применяли. В советское время, когда доски стали прибывать подковными гвоздями, лодки все же по-прежнему называют в народе «шитиками».

весло длиной 1—1.5 м. На больших лодках пользовались 2—3 парами гребных весел. На реках рулевой, кроме кормового весла, имел еще и шест, которым измерял глубину и отталкивался в более мелких местах. В северной Карелии (район Калевалы) в лодке имелось всегда две пары весел (вторая пара в корме). Иногда рулевой (кормщик) помогал грести. Если же в лодке плыл один человек на небольшое расстояние, то он, сидя лицом по движению лодки, греб от себя так, что лодка шла кормой вперед (с. к. müössüttää; лют. müöstüda; ливв. müöstüö).

Рис. 7. Носовая часть лодки на женской могиле в дер. Лежево Кемского района.

Кормщиками чаще всего были мужчины, а женщины гребли. Не случайным поэтому является обычай у северных карел, известный еще в XIX в., класть на могилу мужчины отрубленную от старой лодки корму, а на могилу женщины — носовую часть лодки (рис. 7).

Продвижение на лодках по порожистым рекам Карелии требовало большой силы и мастерства. Наиболее трудным и опасным был спуск по течению реки, когда малейшая оплошность могла привести к гибели людей и потере груза. Поэтому искусство вождения лодок по стремительным порожистым рекам приобретало большое значение, им хорошо владели так называемые коршики — лодочники из местных жителей. Многие коршики с большим умением проводили лодки по извилистому руслу реки среди бесчисленных подводных и надводных камней. На спокойных участках реки гребли веслами, а там, где встречались быстрины, прибегали к помощи длинного деревянного шеста, которым опи-

рались о дно реки, плывя вблизи берега. Через пороги лодочник проводил лодку с грузом один, а пассажиры обходили опасное место по берегу.²³

Мастера из многих карельских деревень строили не только лодки, но и морские суда. В прошлом столетии на весь Архангельский край мастерством по сооружению крупных морских судов славились жители старого большого карельского села Подужемья, расположенного в 17 км от г. Кеми. «Дело судостроения ведется карелами чрезвычайно просто, бесхитростно, они не знают ни чертежей, ни планов, ни каких бы то ни было приемов усовершенствования технического судостроения, они руководствуются только навыком и каким-то архитектурным чутьем. Только при сооружении шхун и кораблей ими употребляются кое-как аляповато, неуклюже сделанные чертежи».²⁴ В г. Олонце и в Петровское время делались «высокие суда с сильно поднятым носом и кормой».²⁵

В прошлом, когда в крае почти не было колесных дорог, лодка как средство передвижения имела особенно большое значение. Немалую роль она играла и в хозяйстве: на ней возили сено с покосов, ловили рыбу; значительную роль лодка играла и в свадебном обряде, если сватовство происходило летом. Очень хорошее описание свадебного поезда на лодках в северной Карелии дано И. В. Оленевым: «Впереди (свадебного поезда, — *Р. Т.*) едут новобрачные, и каждая встречная лодка сначала описывает круг около лодки виновников торжества и затем присоединяется к поезду. . . По приезде на пристань новобрачные не выходят из лодки. В знак особого почета их тащат в лодке до крыльца дома жениха. . .»²⁶

Для рыбной ловли в лесных озерах и маленьких речках, а также для переправы через реки строились плоты. Плот делался из 3—5 бревен, длиной около 2—3 м каждое, скрепленных ивовыми прутьями или шпонками. У места переправы через реку натягивался канат, держась за который перетягивали и самый плот, но чаще при переезде на плотках отталкивались шестом.

Карелы строили также и специальные промысловые плоты, например для промысла жемчужных раковин. Такой плот делали из 4—5 сухостойных еловых бревен, каждое длиной около 2 м и толщиной 25—30 см. По краям плота прибавляли две, а иногда и четыре доски, чтобы поднятые раковины не свалились обратно в воду.

²³ И. В. Оленев. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917, стр. 140, 141; Д. А. Золотарев. В северо-западной Карелии. Карельский сборник, Л., 1929, стр. 5.

²⁴ Архангельская Карелия. Архангельск, 1908, стр. 38.

²⁵ Н. Минорский. Олонецкие карелы и Ильинский приход. Олонецкий сборник, вып. 2. Петрозаводск, 1886, стр. 198.

²⁶ И. В. Оленев. Карельский край. . ., стр. 135, 136. — Аналогичный обычай бытовал и у карел Кондопожского района.

К одному углу плота привязывали тонкую бечевку, достигавшую иногда 125 м в длину, к концу которой привязывали небольшой якорь или заменявший его камень. С помощью этой бечевки спускались вниз по течению или поднимались потом вверх по реке. В одном конце плота между бревнами проделывали отверстие диаметром в 17—18 см, в него вставлялась берестяная трубка, которая должна была выдаваться над поверхностью плота на 4—5 см. На верхний край трубки клали подушечку из холста, набитую мохом или травой, чтобы предохранить от повреждения глаз промысловика при наблюдении за дном реки.

В качестве тяглого упряжного животного карелами с конца прошлого тысячелетия широко использовалась лошадь (*hebo*), которая уже тогда, по-видимому, служила как ездовое животное.²⁷

Запряжку лошади карелы производили русским способом. В упряжную сбрую входили: уздечка (*päičet*), хомут (с. к. *länket*; люд., ливв. *länged*) со шлеей (с. к. *sleja*; люд. *šlejad*; ливв. *potozat*), дуга (с. к. *vemmel*; люд. *bembel'*; ливв. *bemmel*), пристегиваемая гужами (с. к., ливв. *rahkis*; люд. *rahkiž*) к оглоблям (с. к. *aisa*; люд. *aiž*; ливв. -u) и к хомуту, который стягивался супонью (с. к., ливв. *ginnus*; люд. *ginduz*), затем седелка (люд. *sed'olk*; с. к. -a; ливв. -ku) с чересседельником для подъема оглобель и вожжи (с. к., ливв. *ohjas*; люд. *ohd'az*).

В дореволюционной Карелии простейшим из упряжных средств передвижения была волокуша (*volokku*), которая довольно широко применялась в лесных бездорожных районах северной и восточной Европы. Зачастую только на волокуше и можно было проехать летом по узким, холмистым или болотистым проселочным дорогам Карелии. Волокуша как одна из первичных, возможно, исходных форм полозного транспорта, состояла из двух жердей-оглобель длиной около 3—3,5 м, тонкие концы которых гужами прикреплялись к хомуту. Толстые их концы волочились по земле. Чтобы удобнее было уложить на волокушу груз, оглобли перевязывались прутьями или сколачивались одной-двумя досками.²⁸ Иногда к доске привязывали небольшой плетенный из узких берестяных лент кузовок для перевозки клади. Возчик садился обычно верхом на лошадь или шел рядом с ней по дороге.

Особым видом транспорта являлась так называемая олонецкая люлька — конные носилки (рис. 8). Она состояла из двух длинных шестов, чуть потолще, чем обычные оглобли. Шесты

²⁷ А. М. Линецкий. Карелы. СЭ, V, 1941, стр. 95.

²⁸ М. А. Круковский. Олонецкий край. Путевые очерки. СПб., 1904, стр. 102.

прикреплялись гужами к хомутам и седлам двух лошадей, шедших в упряжке одна за другой. Расстояние между крупом передней лошади и головой задней равнялась примерно 2 м. Здесь кренилась сама люлька, представлявшая собою четырехугольную корзину из ивовых прутьев. По форме люлька напоминала кресло со спинкой, которое прикреплялось к оглоблям вицами или веревками. Для пог привязывалась специальная подножка. Способ передвижения в люлке имел распространение в бездорожных, тонких местах, доступных только для волокуш, особенно в Оло-

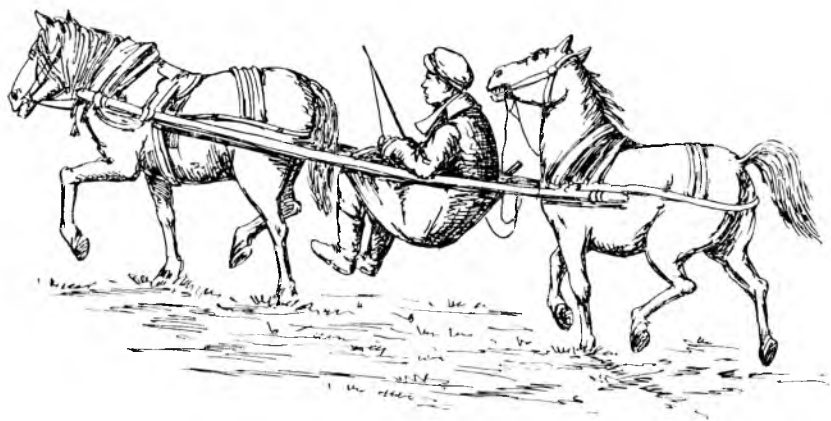

Рис. 8. Олопецкая люлька.

пецкой и Архангельской губерниях. Такое же средство перевозки людей существовало еще в Киевской Руси.²⁹ Аналогичная люлька была известна коми-зырянам.³⁰

Наиболее распространенным видом упряжного транспорта у карел были сани. Они появились задолго до того, как карелы научились использовать в качестве тягловой силы лошадь. Это были небольшие санки (ручная парта), предназначенные для перевозки грузов усилиями самого человека. Они сохранились в быту у северных карел до недавнего времени и назывались *ahkivo* (рис. 9). В финской этнографической литературе они известны под названием лопарских саней³¹ или лодки-волокуши.

²⁹ А. С. Бежкович, С. К. Жегалова, А. А. Лебедева, С. К. Просвиркина. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. М., 1959, стр. 203.

³⁰ Suomen suku, osa III, стр. 231.

³¹ Карельские *ahkivo* типологически очень близки к лопарским традиционным однополосным оленьим саням — кережке, но отличаются от них меньшими размерами.

Ahkivo напоминали по форме лодочку. Основанием их служила толстая березовая доска, один конец которой загибался как полоз в санях. К этой доске привязывались веревками или прутьями узкие доски-борта, веревки или прут пропускали через щели, специально выдолбленные в бортовых досках, каждый прут кончался петлей. Таким образом на каждом борту устраивалось по четыре петли, через которые пропускали веревку. Борта саней оставались обычно подвижными, и когда клали в ahkivo груз, то стягивали их веревкой вокруг него. В более совершенных санках борта «пришивались» вицей или деревянными гвоздями, они уже не были подвижными и их нельзя было стягивать. Такие

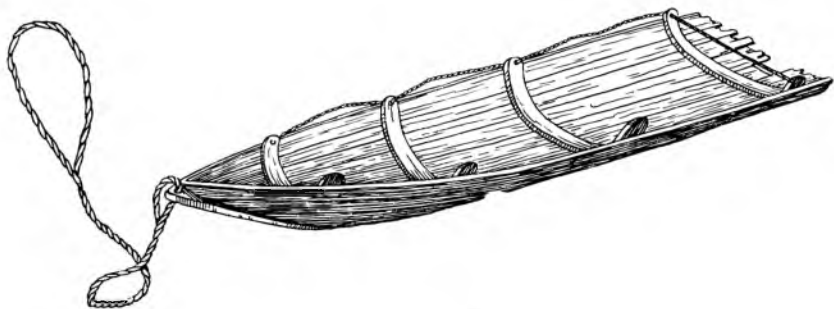

Рис. 9. Санки (ahkivo).

Из фондов Института этнографии.

санки с грузом брали на охоту или рыбную ловлю, и мужчина, идя на лыжах, вез их за собой. Финский этнограф И. Маннинен сообщает, что в середине XIX в. в Олонце иногда в ahkivo перевозили чиновников.³² Ahkivo интересны в двух отношениях. С одной стороны, их форма, напоминающая лодку, возможно, свидетельствует о том, что в этом северном крае наиболее ранним транспортным средством была именно лодка, которую позднее стали приспособлять и для перетаскивания тяжестей по снегу; таким образом, первоначально ручная нарта, а затем и оленья (у лопарей) сохранила, так сказать, родимое пятно, которым отмечено ее происхождение. С другой стороны, сходство ahkivo с лопарской керезжкой несомненно указывает и источник заимствования, и одно из направлений культурных связей карел.

Настоящие сани тоже издавна распространены у карел. Об этом говорит название саней (regi), которое является общим для всех прибалтийско-финских языков и, как отмечает Я. Калима, заимствовано, вероятнее всего, из балтийских языков. Этого же

³² Suomen suku, osa III, стр. 222.

мнения придерживается и эстонский этнограф А. О. Вийрес.³³ Об этом же свидетельствует и архаичный обычай возить покойников на кладбище на санях, который еще в 20-х годах текущего столетия существовал у карел, живущих в районе Олонца и Пряжи, у русских Заонежья, и у ряда других народов (вепсов, коми-пермяков, марийцев).³⁴

Рабочие сани (дровни) крестьяне изготовляли сами. Для наиболее важной части саней — полоза — употребляли ствол нетолстой березы. Его обтесывали, парили в русской печке и ставили гнуться в специальный станок (raihinruu), который обычно находился в сарае. Затем сушили в избе, где у многих карел были вделаны в стену обтесанные жерди, специально предназначенные для сушки полозьев. Иногда материал для полозьев сушили у дома на улице. После просушки в полозьях делали гнезда, в которые вставлялись копылья, связываемые поперек еловыми или черемуховыми вязами.

Сани крестьяне делали для нужд собственного хозяйства. По своему виду сани были, конечно, весьма разнообразны. Ими пользовались для перевозки грузов не только зимой, но нередко и летом.

Зимние дровни делали из березы. Они состояли из двух полозьев (с. к., ливв. jalas; люд. d'allas) с вязом из черемухи (с. к., люд. роikkiruol'iñe; ливв. paiju), которым связывали верхние концы копыльев (с. к. kaplaš; люд. kablaz; ливв. kablas), вделанных внизу в полозья, а сверху в грядки (люд. kaust; с. к. -а; ливв. -u). Копыльев было 3—4 пары. Полозья обычно подбивались подрезами,³⁵ способствовавшими меньшему раскатыванию и более продолжительной сохранности дровен. В отличие от саней дровни делались без короба или кузова, на них перевозили дрова из лесу, сено или тяжести.

Летние дровни (kezäregi) всегда делались короче зимних, обычно с тремя копыльями и всегда без подрезов. На них перевозили дрова, сено, снопы, солому, навоз. О перевозке в летнее время грузов в санях упоминает Н. Камкин. Он пишет: «Из Подужемья до Маслозера следуют или верхом на лошадях, или пешком. Грузы же перевозятся на санях и летом, ввиду скалистого и вообще каменистого грунта».³⁶

Описанный тип саней известен в этнографической литературе как восточноевропейский, бытовавший на довольно широкой территории, охватывающей северную половину европейской части

³³ I. K a l i m a. Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat. Helsinki, 1936, стр. 153; А. О. В и й р е с. Саный транспорт у эстонцев. В сб.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, стр. 438.

³⁴ А. М. Л и н е в с к и й. Карелы, стр. 96.

³⁵ Подрез или тормаз — железная полоса, набивавшаяся под полозом (В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV М., 1955, стр. 420).

³⁶ Н. К а м к и н. Архангельские карелы, стр. 48.

СССР, Белоруссию, частично Украину, северо-восточную Эстонию, восточную половину Литвы и всю Латвию. За пределами Советского Союза сани такого типа распространены в восточной Финляндии и северной Швеции.³⁷

О древности этого типа саней у карел свидетельствуют названия их основных частей, общие для всех прибалтийско-финских народов: полоз — *jalas* (с. к.), *dāugas* (венск.), *jalas* (финск. и эст.), *jalgas* (водьск.); грядка — *kausta* (с. к., водьск., финск., эстон.); *kaustas* (венск.); вяз — *poikkiuol'ine* (с. к.), *poikrol'ne*

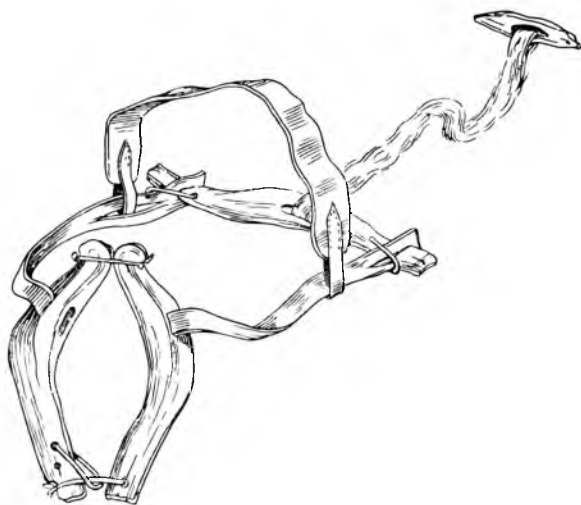

Рис. 10. Оленья упряжь (urov'änget).

Из фондов Института этнографии.

(венск.), *poikrol* (южи.-эст.). Головка саней во всех прибалтийских языках называется *sevä*.

В северной Карелии в прошлом столетии в качестве тягловой силы использовали оленей, запряженных в особые сани. Появление оленьего транспорта датировать трудно. Упряжь оленей (рис. 10) состояла из намордника (*räiset*), хомута (*länket*) и седелки (*sed'olka*). Последняя делалась из толстой мягкой ткани и оноесявалась туловище оленя ближе к передним ногам, по бокам кожаными ремнями (*vetoremmit*) седелка скреплялась с хомутом, чтобы при спуске с горы он не съезжал с шеи на голову оленя.³⁸ Хомут стегивался сверху, а снизу к нему подвязывался длинный толстый ремень — тягач (*hiihna*), который проходил под оленем. К раздвоенным концам ремня привязывались легкие санки на-

³⁷ А. О. В и й р е с. Санный транспорт. . . , стр. 440.

³⁸ Краткие заметки об упряжке оленей есть в работах Г. Р. Державина и Н. Камкина. Более подробные сведения автор получил из рассказов стариков.

подобие дровен (kelka, čina) с широкими полозьями и 3—4 парами высоких копыльев (рис. 14). Намордник не соединялся с другими частями упряжки. Снизу к нему приделывалось кольцо, к которому подвязывалась одна кожаная или веревочная вожжа (ohjas). При помощи нее и управляли упряжкой. Вожжа, совершенно ослабленная, обычно находилась с правого бока оленя.

Олений обоз в 30—50 голов выстраивали гуськом — «райдой» (в ряд), в райде каждый олень подвязывался к задней части саней предыдущего. На оленя в райде полагался груз не более 5 пудов. Упряжь у оленей в райде была одинаковой, но вожжа подвязывалась только к переднему оленю. Райду сопровождали три—четыре человека на лыжах. Один из них шел впереди и вел за узду переднего оленя, а другие шли сбоку, понукая остальных. Если снега было мало, то шли прямо по целине, в стороне от дороги; без груза обычно также ездили по целине, делая в день 40—50 км (Г. Р. Державин писал, что проезжали «даже по 60 верст в день»³⁹).

По мере надобности в сани иногда впрягалась пара или тройка оленей. Упряжь оставалась такой же, но вожжа при езде на паре оленей находилась у правого оленя, а при езде на тройке — у среднего. Ремни-тягачи без раздвоенных концов подвязывались к передней связи загнутой части полозьев, и погонщик вооружался хлыстом с привязанной на конце пластинкой из дерева или кости.

Для одиночного седока олень впрягался в керезку, которая, по словам Г. Р. Державина, «представляет совершенно вид поперек перерубленного челнока, длина его до трех аршин, шири-

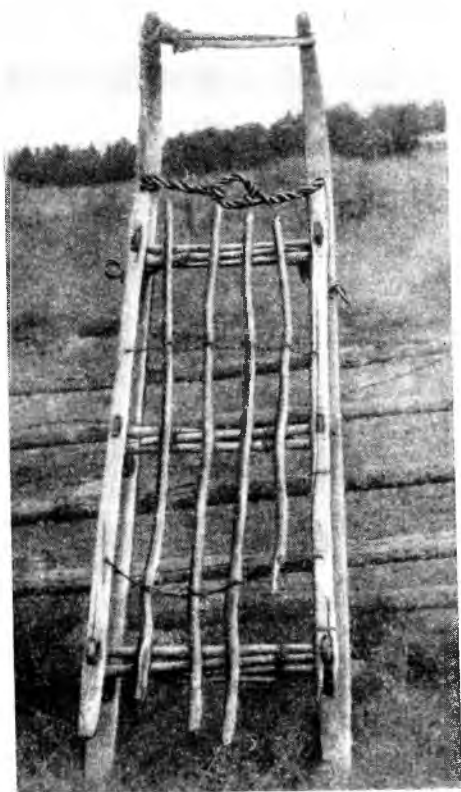

Рис. 14. Сани (kelka).

³⁹ Г. Р. Державин. Поденная записка, стр. 157—191.

ною же до 12 вершков».⁴⁰ Наличие подобной кережки у саамов (лопарей) и аналогичный лопарскому тип оленьей упряжки позволяют утверждать, что олений транспорт был заимствован карелами от саамов, которые в XIX в. часто бывали на севере Карелии, а в прошлом занимали эту территорию.

В настоящее время способ передвижения на оленях утратил свое значение, и лишь в некоторых местах на крайнем севере Карелии олени иногда используются в качестве тягловой силы.

В XIX в. у карел имелись ручные санки (салазки и подсанки), которые имеют распространение в деревнях и сейчас. На них возили воду в бочках из озера или реки, использовали для перевозки мелкой клади, на них же дети катались с гор.

Для езды (а не для перевозки грузов) у карел, кулаков и середняков, имелись сани с «креслом», т. е. с достаточно высоким задком, в которых можно было сидеть лицом к лошади. В дальнейшем (в конце XIX в.) сани были усовершенствованы: на месте «кресла» появились козлы для кучера и кузов с высокой спинкой и боками для седоков (такие сани назывались с. к. korja, люд. kord, ливв. korju). В них зимой ездили в город, в праздничные дни катались по близлежащим деревням, иногда возили в город рыбу или дичь для продажи, а оттуда привозили муку и другие товары. Эти сани обычно покупали у мастеров-ремесленников.

Колесные средства передвижения к началу XX в. имели некоторое распространение только в южной Карелии, а в северных волостях телег не знали очень долго.⁴¹ Однако и в южной Карелии телеги (люд. teleg; ливв. -ti) были весьма примитивными и их обычно делали в каждом хозяйстве. У них были деревянные сплошные колеса, сколоченные из толстых досок.⁴² Образец такой телеги хранится в коллекции Музея этнографии народов СССР. Житель дер. Ёвхоя (близ г. Кондопога) Н. В. Абакумов рассказал нам, что еще 40 лет тому назад в их деревне имелись две телеги на сплошных деревянных колесах: «Правда, телеги эти были старые и таких уже давно не делали. Грохот таратайки на деревянном ходу был слышен издалека. На дальние расстояния в ней не ездили, так как боялись как бы не развалилась по дороге».

Телеги-двуколки на железной оси появились на территории южной Карелии во второй половине XIX в. Здесь были мастера, делавшие телеги, повозки, кабриолеты, раскрашенные в различные цвета.⁴³

⁴⁰ Там же, стр. 177.

⁴¹ См., например: О. Ладвинский. Особенности общественного быта жителей Падапского погоста и о Ребольском приходе Повенецкого уезда Олонецкой губернии. Архив РГО, р. 25, оп. I, д. 5.

⁴² Памятная книжка Олонецкой губернии на 1897 г. Петрозаводск.

⁴³ П. Минорский. Олонецкие карелы. . . , стр. 199.

Четырехколесный тарантас (люд. teleg nel'kruugaiine) появился позже, в начале XX столетия, и был, как и вообще колесный транспорт, заимствован у русских. Об этом говорит и приводимая ниже терминология основных частей телеги: колесо — люд. kruug, ливв. ratas; передние колеса — люд. edine kruug, ливв. edine ratas; задние колеса — люд. taga kruug, ливв. taga ratas; передняя и задняя ось — люд. edine osä, ливв. ezi oššu, люд. taga osä, ливв. taga oššu; лежащая над осью подушка — люд. podušk, ливв. -u; дышло — люд. dišlan vilku, ливв. vilkku; короб для телеги — люд. t'el'egan koroba, ливв. korobu, juaseikku; оглобли с тяжами — люд., ливв. aizat pravilanker; спицы в колесе — люд. spitč, ливв. spiičču; шины — люд., ливв. šina.

Подводя итог изложенному выше, следует отметить, что развитие способов и средств передвижения у карел напоминает процесс развития транспорта у ряда северных народов. Здесь прежде всего сказывается влияние уровня развития хозяйства: например, охотничий тип хозяйства способствовал появлению лодок, ступательных лыж, ahkivo, кошелей. С развитием земледелия появляются волокуши, сани и т. п.

Новый этап в развитии транспорта у карел — появление колесного транспорта — связан с ростом экономических связей, развитием экономики, взаимным культурным обменом народов. Например, лодка-волокуша ahkivo связывает карел с лопарями, с народами северной Сибири. Форма лодок напоминает вепскую, финскую, коми-зырянскую и т. п. Очень сильное влияние на развитие транспорта у карел оказало соседнее русское население (колесный транспорт был полностью заимствован у русских).

Г л а в а т р е т ь я

П О С Е Л Е Н И Я И П О С Т Р О Й К И

Поселения и постройки карел представляют большой интерес для характеристики их материальной культуры.¹ Факты, относящиеся к этим сторонам народной жизни, дают важный материал для решения актуальных историко-культурных, историко-этнографических и историко-социальных вопросов. Вполне удовлетворительное состояние разработки методической стороны дела создает благоприятные условия для изучения всего комплекса вопросов, относящихся к области поселений народа и его традиционного зодчества, для более выпуклой обрисовки их состояния у карел в прошлом и выявления динамики их развития.

Обратимся прежде всего к характеристике карельских поселений.²

Типы заселения у карел относительно устойчивы. Как правило, карелы заселяли берега рек и озер. Этому способствовал ряд причин: 1) здесь легче было заниматься рыболовством, без ко-

¹ Поселения и постройки Карелии исследованы несколько лучше, чем другие элементы материальной культуры. Вопросам их специального изучения посвящен ряд публикаций (М. В. В и т о в. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. М., 1962; В. В. П и м е н о в. К истории сложения типов поселений в Карелии. СЭ, 1964, № 2; Р. М. Г а б е. Карельское деревянное зодчество. М., 1941; Y. B l o m s t e d t j a V. S u k s d o r f f. Karjalaisia rakennuksia ja koristemuotoja. Helsinki, 1901, и др.). Описания отдельных деревень, характеристика составляющих их жилых и хозяйственных построек в литературе весьма обильны. Перечислять их нет ни возможности, ни надобности.

² Мы будем придерживаться классификации поселений, предложенной М. В. Витовым (М. В. В и т о в. О классификации поселений. СЭ, 1953, № 3, стр. 27—37), так как классификация М. В. Витова дает не только четкие и принципиально верные рубрики для группировки фактических данных, но и в значительной мере разработана на карельском материале.

того, даже с развитием земледелия, карелы жить не могли; 2) наиболее удобные для распашки земли обычно лежат вблизи водоемов; 3) развитие скотоводства заставляло искать хорошие сенокосные угодья, а естественные покосы и пастбища имелись чаще всего в поймах рек и озер; 4) водоемы были и основными путями сообщения.

Такая картина заселения территории Карелии вырисовывается уже на самых ранних этапах истории края, о чем свидетельствуют данные письменных источников.³

Но хотя поселения «на озере» и «на реке» (ср. современные топонимы: *Суоярви*, *Арзиярви*, *Толлойоки* и т. п.) в средневековых источниках (например, в писцовых книгах) преобладают, нельзя пройти мимо того факта, что все же заметную часть (3—4%)⁴ составляют водораздельные (придорожные, селеские — от *sel'ga* 'хребет', 'возвышенность') поселения (ср. современные топонимы: *Maasel'ga*, *Suurimägi*, *Saarimägi*, и т. п.). В дальнейшем процент поселений селеско-водораздельного типа обнаруживал постоянную тенденцию к увеличению, в особенности со второй половины XIX в.: списки населенных мест 1868 и 1879 гг. сплошь и рядом говорят о поселениях «при колодцах».

Последовательность формирования и исторического развития типов поселений, к сожалению, прослеживается с трудом.⁵ Можно думать, что известные нам по позднейшим этнографическим описаниям типы поселений складывались в процессе длительной эволюции. В XV—XVIII вв. среди сельских поселений легко различаются два основных типа: деревня (с. к. *külä*; ливв. *hieru*) и погост (с. к. *pogosta*; ливв. -u; люд. *pagasta*). В XIX в. к ним прибавляется (особенно в северо-западной Карелии) третий тип — хутор (с. к. *huutor*; люд., ливв. -i).

Деревня была, вероятно, наиболее ранним и более распространенным типом поселения. Она довольно часто упоминается в рунах.⁶ В деревне жила основная масса крестьян. Первоначально это было небольшое поселение, состоявшее из 1—5 дворов, редко больше.

Слово *külä* в значении «деревня» встречается в финском и вепсском языках. В финских диалектах и дальних родственниках языках оно обозначает также и «дом».⁷ По всей вероятности, оба значения термина исторически должны были обозначать однодворную деревню. Слово *hieru* не этимологизируется.

³ См., например, Писцовые книги Оболенской пятины. Л., 1930.

⁴ Подсчет М. В. Витова. (М. В. Витов. Приемы составления карт поселений. Вопросы источниковедения, т. V, 1956, стр. 259 и сл.).

⁵ В. В. Пименов. К истории сложения типов. . . , стр. 4—6.

⁶ Карельские эпические песни. М.—Л., 1950, стр. 41, 91, 121, 371.

⁷ Л. Хаккулинен. Развитие и структура финского языка, ч. II. М., 1955, стр. 24; ср.: В. В. Пименов. К истории сложения типов. . . , стр. 5.

Другой тип поселения — погост, характерный для обширных пространств русского Севера, несомненно сложился в Карелии под русским влиянием, о чем говорит и сам термин. Погост, границы которого первоначально, видимо, совпадали с границами сельской общины, в XIX в. представлял собой административный и религиозный центр, объединявший группу деревень и хуторов; в рамках погоста могло функционировать уже несколько общин.

Расстояния между входившими в погост деревнями, в особенности на севере, были довольно значительными (20—30 км и более).

На погосте находилась церковь и кладбище, торговый, а иногда и административный центр (волостное управление). Первоначально на погостах жили лишь служители церкви, но в XVIII—XIX вв. здесь начинают селиться вследствие земельной тесноты и рядовые крестьяне. В карельских эпических рунах имеется интересное упоминание «погостов без попов» (papittomih pogostazih).⁸

На территории Карелии представлены два типа расселения — гнездовой⁹ и разбросанно-хуторской.¹⁰ Они возникли в разное время и в различных социально-экономических условиях. Преобладает гнездовой тип. Он сложился на относительно ранних этапах истории края, по всей вероятности, на рубеже I и II тысячелетий н. э. В средние века, судя по данным писцовых книг, этот тип расселения стал характерен почти для всей области расселения карел, вепсов, северных групп русских и коми-зырян.

Гнездо объединяло группу деревень, расположенных поблизости друг от друга, и имело одно общее название, в то время как каждая деревня, входившая в это гнездо, имела свое собственное. Например, Мунозеро, заселенное людиками, объединяло в гнезде 7 деревень под общим названием (Mund'ärv). Сюда входили деревни: Мунозерский погост (Pagast), Тервовеская (Ul'koipe), Пестряковская (Treskänkylä), Новоселовская (Bošinkylä), Заболотская (Suontagaine), Кашнаволоок (Lumbine), Мельница (Mellič).

Наименование гнезда, как правило, совпадало с названием озера, реки, горы или иного географического объекта, вокруг которого располагались деревни. Общее название гнезда почти всегда финно-угорское, имеющее часто патронимическое окончание -la (Reboila, Klešeila, Sisoila, Pažala, Garoila).

Разбросанно-хуторской тип расселения имел распространение в северной Карелии, преимущественно в западной ее части (Калевала, Кестеньга). Возникновение этого типа, без сомнения, падает на более позднее время — начало XIX столетия. Его

⁸ Карельские эпические песни, стр. 376.

⁹ М. В. Витов. Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение. СЭ, 1955, № 2.

¹⁰ В. В. Пименов. К истории сложения типов. . . , стр. 7.

формирование теснейшим образом связано с развитием капиталистических отношений в своеобразных природных и социальных условиях северной Карелии с ее скудными землями и слабым развитием сельской общины. Все же в Карелии хуторов было мало. Хуторской тип расселения был более развит в соседней Финляндии, преимущественно в ее восточной части,¹¹ а также в Эстонии.¹²

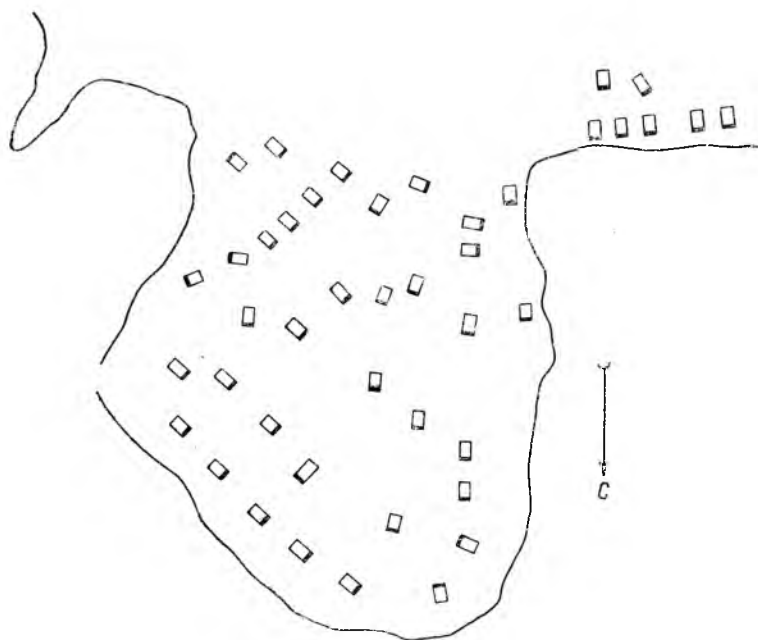

Рис. 12. Схематический план деревни с беспорядочной застройкой.

Формы карельских поселений разнообразны. Впрочем, собственно о формах селений можно говорить лишь приблизительно с XVI в., когда в Вотской и Обонежской пятинах появляются многодворные деревни.

В источниках содержатся данные, говорящие о беспорядочности планировки поселений карел (рис. 12). И. В. Оленев, описывая формы поселений в северной Карелии, отмечал: «Только в больших селах (деревнях, — *P. T.*) вы встретите некоторую

¹¹ К. Вилкун. Этнографические области. В кн.: Финляндия. М., 1953, стр. 290; Я. Грано. Заселение. Там же, стр. 339.

¹² А. Х. Мора. Об историко-этнографических областях Эстонии. В сб.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 272, 273.

претензию на правильное расположение домов по сторонам улиц, а в небольших деревнях, каких в Карелии большинство, дома построены в разброс, на значительном расстоянии один от другого. Кто где облюбовал место, там и построил свое жилище. Тут же при доме устраивается огород для посадки овощей, а часто целое поле, так что иная деревушка, в 15—20 дворов, разбросана по берегам и островам озера на протяжении 2—3 верст в окружности».¹³ Во многих деревнях и позднее можно было заметить беспорядочность в планировке. Беспорядочная планировка деревень была характерна для ряда финно-угорских народов — вепсов, финнов, води, коми, а также для части северных великорусов.¹⁴

Наряду с деревнями, отличавшимися беспорядочной или разбросанной планировкой, складывались деревни рядовых форм. Они возникали по берегам рек и озер как первичнорядовые береговые поселения, линейность которых обуславливалась ландшафтом, а не заранее задуманным планом (рис. 13). Рядовая, как и беспорядочная, форма деревни появилась, видимо, в то же время — в XVI в. Различные правительственные меры в XVIII и первой половине XIX в., направленные на внедрение линейно-уличной планировки деревень, практического значения в условиях Карелии почти не имели. Лишь со второй половины XIX и в начале XX в. в связи с повышением значения колесных дорог в южной Карелии становятся заметны перепланировки деревень. Стали возникать уличные формы (рис. 14), первоначально двухсторонние (дома фасадом обращены на улицу, дорогу), а потом, хотя и изредка, более сложные. Часто после пожаров на местах старых деревень с беспорядочной или рядовой планировкой строили новые деревни уже с уличной планировкой.

Сочетание классификационных признаков различается по отдельным местностям. Пользуясь этим, В. В. Пименов, изучивший поселения на всей территории Карелии (включая и районы,

¹³ И. В. О л е н е в. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917, стр. 58, 59; Ср.: Н. Н. Х а р у з и н. Очерки истории развития жилища у финнов. Этнографич. обзор., М., 1895, стр. 86; Д. А. З о л о т а р е в. В северо-западной Карелии. Западнофинский сборник, Л., 1930, стр. 10; Л. Л. К а н и ц а. Материалы для этнографической характеристики Кондопожского и Вокнаволоцкого района северо-западной Карелии. Там же, стр. 22—35.

¹⁴ В. В. П и м е н о в. К истории сложения типов. . . , стр. 14; E. N. S e t ä l ä ja A. O. V ä i s ä n e n. Vepsäläiset. In: Suomen suku, osa II, Helsinki, 1928, стр. 109; Gustav R ä n k, Valtalaiset. Suomalaisen kirjallisuuden senran toimituksia, 267. Helsinki, 1960, стр. 44; В. Н. Б е л и ц е р. Очерки по этнографии народов коми XIX—начала XX в. М., 1958, стр. 154 и сл.; Л. Н. Ж е р е б ц о в. Опыт изучения крестьянского жилища народов коми. Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР, вып. 3, Сыктывкар, 1956, стр. 32; Н. Н. Х а р у з и н. Очерки. . . , стр. 36; Е. Э. Б л о м к в и с т. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. Восточнославянский сборник, М., 1957, стр. 43.

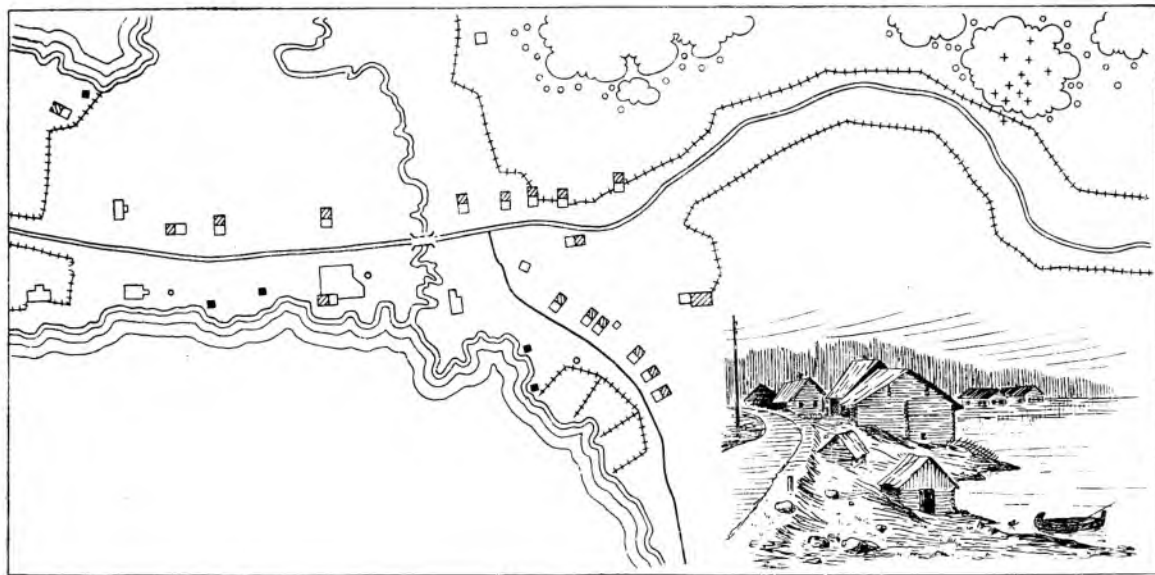

Рис. 13. Схематический план деревни с первичнорядовой планировкой.

Из фондов Института этнографии.

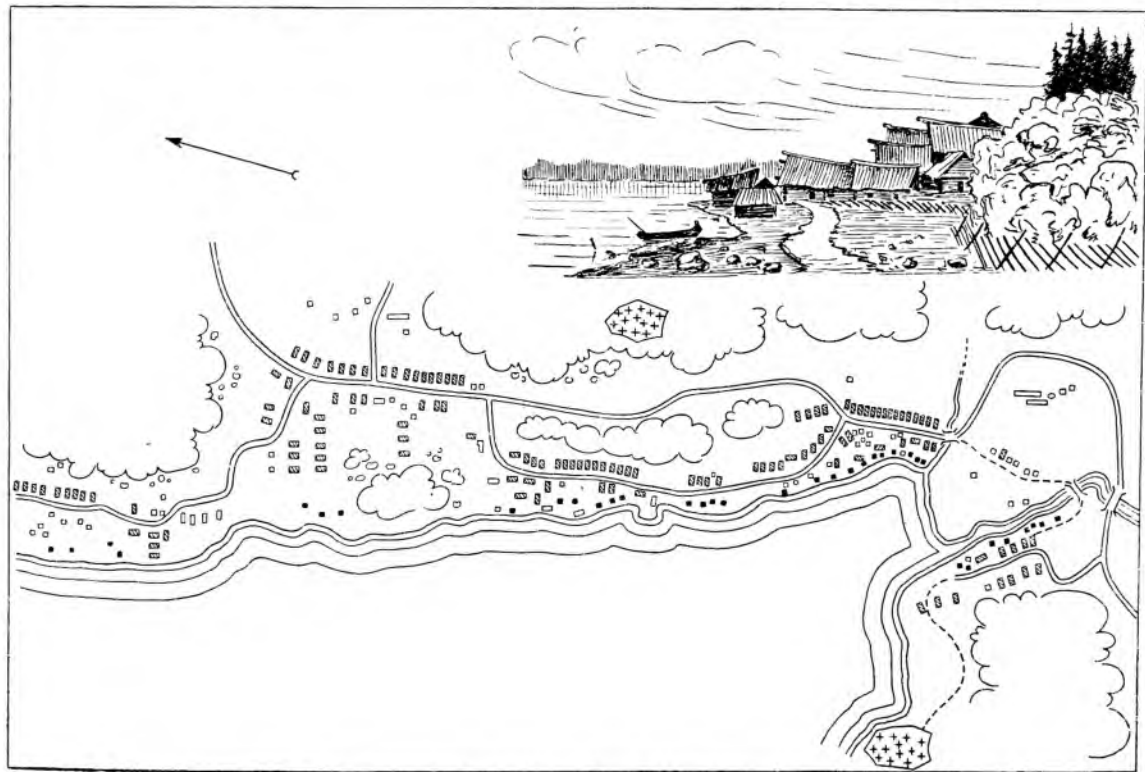

Рис. 14. Схематический план деревни с уличной планировкой.

Из фондов Института этнографии.

заселенные русскими), установил несколько ареалов, которые в некоторых отношениях рознятся друг от друга. Он выделяет

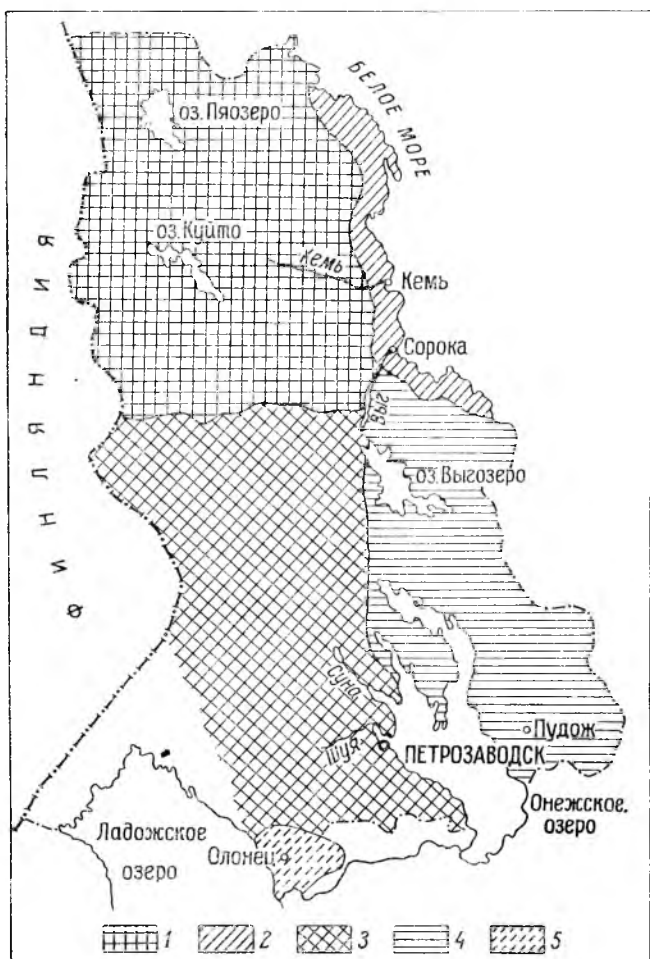

Рис. 15. Схема зон сельских поселений Карелии.

1 — севернокарельская зона; 2 — поморская зона; 3 — южнокарельская зона; 4 — заонежская зона; 5 — равнинно-олонецкая подзона.

4 зоны (рис. 15): севернокарельскую, поморскую, южнокарельскую (с равнинно-олонецкой подзоной) и заонежскую.¹⁵ Две из них, наиболее для нас интересные, — севернокарельская и южно-

¹⁵ В. В. Пименов. К истории сложения типов..., стр. 8—10.

карельская — заселены карелами. На наш взгляд, это разделение на зоны вполне убедительно.

Для севернокарельской зоны характерны следующие признаки: типы поселений — деревня и хутор, тип заселения — озерный, тип расселения по преимуществу гнездовой, но выражен не столь четко, как в южной Карелии, так как в северо-западной части он перемежается с разбросанным (хуторским); по форме застройки поселения отличаются беспорядочностью, разбросанностью. Для южнокарельской зоны (южнее приблизительно 63° с. ш.) наиболее распространены: типы поселений — деревня и погост, типы заселения — речной, озерный и сележский, но преобладает, видимо, речной, тип расселения — четко выраженный гнездовой, формы поселения три — беспорядочная, прибрежно-рядовая и уличная.

В южнокарельской зоне выделяется равнино-олонецкая подзона (в восточном Приладожье). Для этой подзоны, помимо всех признаков, характерных в целом для южнокарельской зоны, следует указать на скученность поселений, их сращение чуть ли не в единое огромное поселение, вытянутое вдоль рек Мегреги и Олонки. Здесь очень четко выделяется гнездовой тип расселения. Деревни имеют строго выдержанную рядовую форму.

Тот факт, что в пределах расселения карел на территории КАССР выявлены две такие в ряде отношений противостоящие друг другу зоны, не может не вызвать интереса. Хотя различия между ними не слишком велики и граница расплывчатая, они все же достаточно ощутимы и определены и, естественно, наводят на мысль, что указанное разделение находится в связи с другим фактом — разделением карел по диалектам. Если севернокарельская зона целиком совпадает с областью расселения групп, говорящих на собственно карельском диалекте, то южнокарельская лишь отчасти (на севере) выходит за пределы обитания людиков и ливвиков. Как будет видно из дальнейшего, та же закономерность наблюдается и при изучении карельских построек.

Жилище карел в конце XIX—начале XX в. представляло собой дом срубного типа с избой (с. к. *pirtti*; люд. *perit'*; ливв. *-ti*) на высоком подклете, с крытым двором. Большая постройка, где под одной крышей собирались жилые и хозяйственные помещения, типична почти для всего русского Севера и теснейшим образом связана с северовеликорусской архитектурой.

Основным строительным материалом для построек у карел была сосна, «хотя не брезгают сунуть и елочку».¹⁶ Главными

¹⁶ М. Д. Георгиевский. Карелы. Вестник Олонецкого губернского земства, 1908, № 6, стр. 7.

орудиями производства при выполнении разнообразных работ по дереву служили топор (kirves), молоток (с. к. vasara; люд., ливв. pal'la), тесло (t'oslo), скобель (kabl'i) и долото (taltt). Пила появилась в строительной технике довольно поздно — во второй половине XIX столетия.

Крестьяне сами строили свои жилища. Если была возможность, то нанимали плотников из числа жителей своей деревни. В южной Карелии большое влияние на строительное дело (технику, манеру и проч.) оказали русские мастера — плотники из соседних с Карелией районов. В северо-западной Карелии прибегали к услугам финских мастеров, которые ходили по деревням целыми артелями. Поэтому не случайно, что многие детали карельских построек на указанных территориях повторяют строительные приемы, характерные то для русских, то для финских построек.

Издавна карелы ставили свои дома прямо на землю, не делая никакого фундамента. Лишь под углы клали валуны или просто под первый венец подсыпали мелкие камни.¹⁷

В южной Карелии (близ г. Кондопоги) встречаются срубы «на стульях»: под углы, а иногда и посередине дома врывали в землю толстые короткие бревна, верхняя часть которых сантиметров на 50 выступала из-под земли. Чтобы предохранить «стулья» от гниения, ту часть, которую зарывали в землю, обугливали. Подобный способ устройства фундамента известен был восточным славянам с XI—XII вв.¹⁸ и широко применялся в последующие века северными великорусами и русскими Сибири.¹⁹ У карел дома «на стульях» встречаются очень редко, в большинстве случаев эти постройки были выполнены русскими плотниками.

В южной и частично в центральной Карелии у большей части домов делали завалинки (с. к. penker; люд., ливв. zavualip). Они хорошо видны на планах домов, представленных в работе У. Бломстедта и В. Суксдорффа.²⁰ Завалинка сохраняла тепло в избе.

Приемы рубки углов у карел разнообразны. На основании наших наблюдений мы можем выделить пять основных способов связывания углов в жилых и хозяйственных постройках.

1. Рубка «в обло», «в чашку» или «в угол» (с. к. venälän salmo; люд. venälän salamo; ливв. venälän salbamo букв. «русский угол»). Наиболее древний способ, в прошлом имел широкое распростра-

¹⁷ Ср.: Р. М. Габее. 1) Карельское деревянное зодчество, стр. 201; 2) Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа. Запднофинский сборник, стр. 119.

¹⁸ Б. А. Рыбаков. Стольный город Чершигов и удельный город Вщиж. В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, стр. 118.

¹⁹ Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки. . . , стр. 68.

²⁰ Y. Blomstedt ja V. Suksdorff. Karjalaisia. . . , табл. 7—9, 13.

нение на всей территории Карелии, в Архангельской и Вологодской губерниях.²¹

2. Рубка «в охрянку» (с. к. *koigan kakla*; люд. *koigan kagl*; ливв. *koigan kaglu* букв. 'собачья шея'). Использовался при сооружении жилых строений и хозяйственных построек. Встречается преимущественно у северных карел, но также и у олонцевских ливвиков и кондопожских людигов.

3. Рубка «в лапу» или «чистый угол» (с. к. *suomen šalmo*; люд. *s. salamo*; ливв. *s. salbamo* букв. 'финский угол'). Этот способ используется широко в северо-западной Карелии, преимущественно в деревнях, граничащих с Финляндией.

Рис. 16. Амбар для сушки сена в северной Карелии.

Из фондов Института этнографии.

Рубка «в лапу» стала широко применяться в советское время при строительстве больших общественных зданий. В индивидуальном строительстве указанный способ не получил распространения.

4. Рубка «в иглу» (с. к. *niegläeniella salmo*) наблюдается в северо-западной Карелии (в окрестностях Лоухи, Калевалы, Кестеньги). Этот способ практикуется только при постройке хозяйственных зданий

— сараев для хранения сена на пожие (с. к., ливв. *heinüsarai*; люд. *peldaitt*), помещений для сушки подстилочного торфа (рис. 16). При рубке углов «в иглу» венцы сруба не плотно прилегают друг к другу, между ними сохраняется пространство в 10—15 см, через которое свободно проходит воздух. Сено в таком сарае не только хорошо просыхает за лето, но и не портится при длительном лежании.

5. Рубка «в замок» (с. к. *lukku šalmo*; люд. *l. salamo*; ливв. *l. salbamo*) применяется при постройке небольших срубов: колодез, онечников в избах и ригах, голбцов и т. д.

Каждый из описанных способов рубки углов имеет свои положительные и отрицательные стороны: например, рубка «в чашку» не требует большой затраты времени, она очень проста, а следовательно, дешево обходится хозяину, но углы венцов быстро гниют. Рубка «в лапу» сложна, требует стесывания венцов с внутренней и внешней стороны дома, но зато такие стены очень удобны для

²¹ Подробнее описание этого способа рубки углов см. в кн.: Е. Э. Б л о м к в и с т. Крестьянские постройки. . . , стр. 68, 69; Ср.: А. И. Н е к р а с о в. Русское народное искусство. М., 1924, стр. 36.

внутренней и внешней облицовки зданий, к тому же изба, рубленая «в лану», несколько просторнее рубленной «в чашку», несмотря на одинаковую длину венцов.²² Однако все же карелы предпочитали давно испытанный способ рубки углов «в чашку», тем более, что лишние 1—1.5 м² площади для них не играли большой роли.

Размеры сруба зависели от строительного материала. Внутренняя площадь определялась длиной бревен. Высота сруба зависела от числа уложенных в него венцов. На территории Карелии высота срубов колеблется от 14 до 16 венцов в северной Карелии и от 18 до 21 в южной.²³

Строительство дома начинали с закладки мшного сруба, в процессе или после подъема которого настилали пол. Пол делали обычно на 8—9-м венце, а иногда и выше. Карельские избы, как и вообще северные хоромы, отличались высокими подклетами. У карел довольно часто встречаются двухэтажные постройки. Следует заметить, что второй этаж, как правило, являлся утилизацией высокого подклета.²⁴ В плане первый и второй этаж повторяли друг друга. Двухэтажные постройки имели большее распространение у ливвиков и людигов, а на севере они встречаются очень редко. Опорой для пола служили 3—4 толстых бревна (с. к. *lateparret*; люд. *lat't'ijan parž*; ливв. *lat't'ijan parzi*), которые врубались в стены сруба. Пол в избе всегда настилали одинарный, чтобы в зимнее время тепло могло проникать в подполье, расположенное под избой, в котором хранили картофель и другие продукты, а в горнице пол делали двойной, так как под ней находился холодный подвал, вход в который иногда делался прямо с улицы в лицевой стене дома. Пол настилали толстыми (8—10 см) гладко выстроганными рубанком досками, которые и скрепляли шипами (*širat* — нечто вроде деревянных гвоздей). В начале XX в. у зажиточных карел получил распространение способ покрытия пола «в закрой» (когда по краю половиц вырубались прямоугольные выемки, чтобы каждая половица своим краем прикрывала край соседней с ней половицы). По всей вероятности, этот способ был воспринят от соседней русской.

На том месте, где предполагали поставить печь, вкапывали подпечные столбы (с. к. *kiukuan prujat*; люд., ливв. *pätč'in brujat*). При доведении сруба до нужной высоты настилали потолок. В последний венец врубались два толстых бруса, обтесанных с четырех сторон — матицы (с. к. *muatičča*; люд. *muatič*; ливв. *muatičču*), служившие опорой для потолка,²⁵ который настилали из

²² Ср.: Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки. . . , стр. 68.

²³ Для сруба подбирались бревна примерно одинаковой толщины (35—40 см в диаметре).

²⁴ Впрочем, высота подклета (как и всего дома) в Карелии по отдельным местностям неодинакова: по нашим наблюдениям, севернокарельские избы имеют более низкие подклеты, чем южнокарельские.

²⁵ Число матиц в карельской избе может доходить до трех.

расколотых пополам бревен. Сверху его утепляли слоем сушеных березовых листьев, отходами от обработки конопли (куши) или слоем земли (20—30 см). В некоторых деревнях пазы промазывали глиной, присыпали землей, а сверху — хвоей, взятой из муравейников.

Обычно потолки настилались строго горизонтально. Но в центральной и северной Карелии в прошлом имели распространение потолки со скатами от средней горизонтальной части. Такой потолок сохранился в доме Константинова в дер. Лижме. Конструкция его следующая: две матицы, параллельные главному фасаду, опираются на два бревна, врубленные в верхние венцы. Матицы расчленяют потолок избы на три части: среднюю — горизонтальную и боковые — наклонные. Разница в уровнях между горизонтальной частью потолка и его краями равна 30 см. Дома с подобным потолком были встречены нами также и в районе Лоухи (например, в дер. Сонострв). Р. М. Габе и Е. Э. Бломквист отмечают, что такие потолки были известны русским Архангельской области.²⁶

Крыши домов на территории Карелии преимущественно двускатные. Правда, есть данные, что в прошлом кое-где возводили жилые (преимущественно промысловые) строения с крышами в один скат. Односкатные крыши наиболее простые и, по всей вероятности, наиболее древние; они встречаются теперь только на хозяйственных постройках: банях, ригах, амбарах.

Двускатная крыша «на самцах» является наиболее распространенной и типичной для построек карел XIX и начала XX столетия.

Основную роль в этой конструкции крыши играют «самцы» (с. к. šoma; люд. soma; ливв. šoma), т. е. бревна переднего и заднего фронтонов, на которых покоится все перекрытие. Во фронтоны врублены через один-два самца продольные слегги, располагающиеся симметрично по обе стороны крыши. Кроме слегг, в конструкции крыши на самцах принимают участие «потoki» (с. к., люд. potokk; ливв. potokku) и «курицы» (kuuri'at, kuokk). Поток — расколотое пополам бревно с выдолбленной серединой, где закрепляются концы досок, покрывающих скаты крыши. Поток поддерживается «курицами», в качестве которых использовались естественно изогнутые под прямым углом корневища ели. Двускатная крыша на самцах была относительно ранней формой покрытия не только у карел, но и у северных великорусов, белорусов и частично украинцев.²⁷

Крыша на стропилах — другой тип покрытия — получила у карел распространение только в текущем столетии, так как ее устройство связано с применением гвоздей и не требует особенно

²⁶ Р. М. Габе. Карельское деревянное зодчество, стр. 44; Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки. . ., стр. 80.

²⁷ Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки. . ., стр. 97.

хорошего толстого леса, который столь необходим для самцового перекрытия.

Стропильные конструкции крыши в карельском доме почти не отличаются от таковых в любом жилище по всему Северу, но, как верно отмечает Р. М. Габе, в карельских избах стропила не врубаются в князевую слегу, а образуют пересечения попарно скрепленных стропильных «ног», торчащих небольшими концами в виде перекреста, на котором и лежит князевая слега.²⁸ Сверху к стропилам вдоль всей кровли параллельно князевой слеге приколачиваются «обрешетины» — более тонкие бревна, на которые кладется сама кровля.

В пределах Карелии отмечены также постройки с трех- и четырехскатными крышами. Трехскатные крыши встречаются в южной Карелии (район Кондопоги). Появление здесь трехскатных покрытий связано, по всей вероятности, с постройкой Кончезерского завода в первом десятилетии XVIII в. и появлением здесь русских рабочих. Четырехскатных крыш относительно много на севере Карелии, в районе Кемь и частично Сегежи (в карельских деревнях).

До начала текущего столетия преобладающим материалом для крыши был тес; дранка имела незначительное распространение. Увлечение дранкой началось лишь с начала XX в., но не повсеместно, а лишь в южной части Карелии, однако хозяйственные постройки, как правило, продолжали крыть тесом. Прежде тес заготавливали прямо в лесу, где рубили деревья. После появления продольных пил тес стали пилить в деревне, вблизи места постройки, и пиленным тесом стали крыть крыши. Оба ската крыши накрывались сверху «охлупнем» (šomk), который в свою очередь скреплялся с князевым бревном длинными деревянными шпонками — «стамиками» (люд., ливв. *hatakaine* уменьшит. от слова 'сорока').

Окна в домах делались небольшие, чаще всего одностворчатые. Для закрепления оконных проемов употребляли шпунты. Чтобы подоконные венцы не гнили, под раму, если окна выходили на север, в прошлом подкладывали бересту. Лет 50 тому назад в некоторых домах делались маленькие окошки на желобах со створками, поднимающимися кверху. Иногда делали задвигающиеся (волоковые) створки.

Постепенно высота и ширина окон в избах увеличивалась. Иза получила лучшую освещенность. По лицевой стороне дома имелось по 3—5 окон (четное число окон по фасаду у карел встречается очень редко).

В окна вставлялись одинарные рамы. Вторых рам раньше, по словам информаторов, «не было моды держать даже зимой». Они появились лишь в начале XX столетия в домах наиболее зажиточ-

²⁸ Р. М. Габе. Карельское деревянное зодчество, стр. 66.

ных карел. Форточек карелы не делали; и в настоящее время они есть не в каждом доме.

Дверные проемы заделывались с помощью пунтов. Входная дверь, ведущая из сеней в избу, делалась очень низкой (120—130×100 см), поэтому при входе пужно было нагибаться. Архаичные, приземистые двери старинных изб имели мощные косяки, порог и верхний брус; они сколачивались из необыкновенно широких и толстых досок. Позднее в избах все конструк-

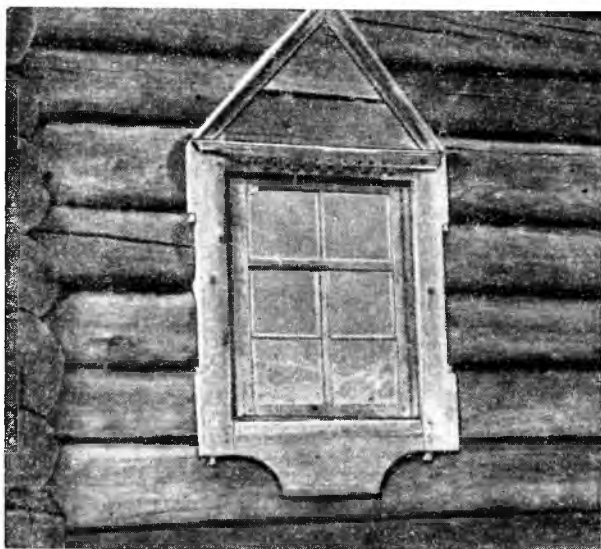

Рис. 17. Наличники (дом Н. П. Прокофьева).

тивные части стали делаться меньше, из тонких, узких досок, но дверь получила большую высоту — выше среднего человеческого роста.

В некоторых местностях (районы Кондопоги, Кемь) чердачное помещение летом использовалось для жилья и хозяйственных надобностей. Встречаются здесь и дома с мезонинами. Мезонин, или светелка (с. к. *šerdakka*, *vintti*; люд. *vuisk*, *vuisku*), — небольшая комната, чаще всего без печи. В большинстве случаев такие дома принадлежали кулацкой части деревни.

Внешнее оформление построек на территории Карелии по отдельным местностям не одинаково. Если северные карелы украшали свои жилища очень скромно, лишь обшивая дома тесом (кстати, это способствовало лучшей сохранности дома, а также утеплению его) и окрашивая их большей частью в бордовый

цвет, то южные карелы придавали большое значение резьбе и росписи. У ливвиков и людиков постройки богато украшались резными причелинами (liemut), наличниками (nal'ičnikku), повалами, ажурными ветрепицами (tuul'ilauda) и полотенцами, декоративными балкончиками. Насколько можно судить по имеющимся немногочисленным фактам, в XVIII и первой половине XIX в. в южной Карелии некоторое распространение получила «глухая» (рельефная) резьба («корабельная резьба»). Однако она не получила дальнейшего развития и не привилась. Позднее ее сменила прошивочная резьба.

Большой интерес представляют наличники. Любопытно, что наиболее старые из них оформлены очень скромно и лишь поздние получают усложненный и даже изысканный вид. В качестве примера ранней формы наличника можно назвать наличник на доме Н. П. Прокопьева в дер. Красная Речка в районе Кондопоги, построенном в первой половине XIX в. (рис. 17). Он представляет собой несложную в архитектурном отношении форму: верхняя часть — треугольник, сколоченный из трех досок и обрамленный широкой рамкой, нижняя часть состоит из двух капельников, соединенных доской с глубокими вырезами. Подобный тип наличника является традиционной древнерусской формой оконного обрамления и в прошлом широко использовался в церковной архитектуре.²⁹

Широко бытовали наличники, выполненные в стиле барокко. Р. М. Габе отмечает, что для Карелии это наиболее характерный мотив обрамления оконного отверстия.³⁰ Аналогичного вида наличники имели распространение в южной и частично в центральной Карелии (деревни близ Ругозера, Пряжи, Кондопоги и др.) и отсутствовали на севере Карелии.³¹

Интересная резьба встречается на причелинах. Очень часто она напоминает вышивку на полотенцах. Ажурная и тонкая, она делает дом нарядным. «Ветрепица», тонкая доска, спускающаяся с коневого бревна, украшалась прошивочным орнаментом из кружков и ромбовидных отверстий. Нижняя часть ветрепицы заканчивается или кругом с 4—5 прорезными кружочками или капельниками, напоминающими кисти шарфа. Иногда на ветрепице указывается дата постройки дома.

Реже встречаются «полотенца» — доски, прикрывающие повальные бревна (рис. 18). Они также оформлялись прошивочной резьбой, сходной с мотивами орнаментики причелин и ветрепиц.

²⁹ Такой же наличник сохранился на Кондопожской церкви, построенной в 1774 г.

³⁰ Р. М. Габе. Карельское деревянное зодчество, стр. 130.

³¹ Подробнее о наличниках, выполненных в стиле барокко, см. там же, стр. 134, 135.

Одной из характерных особенностей карельских домов являются декоративные балкончики на фронтонах. Обычно их выполняли в стиле рококо с 2—4 витыми колонками. Балясины балкончиков делались шириной в 20—22 см (ширина доски) с причудливо вырезанными боками и с выпиленными кружками посредине.

Интересны «помочи» или «повалы», т. е. кронштейны из пропусков верхних бревен боковых стен, которые удерживают боль-

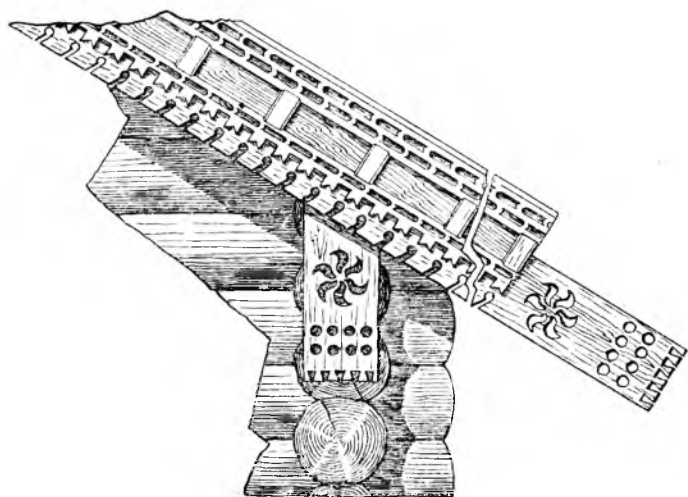

Рис. 18. Фрагмент причелины с «полотенцем».

Из фондов Института этнографии.

шой свес крыши на лицевом фасаде дома, столь необходимый на Севере для защиты лицевой стороны строения от снега и дождя. Они часто имеют богатое орнаментальное оформление. Чаще всего встречается орнамент «зигзагом» — пилообразная резьба с двусторонними квадратами или треугольными зубцами, а также рядом валиков в том или ином чередовании. Как правило, такая резьба наносилась топором.

Помимо резьбы, избы карел-ливвиков и людиков часто украшались полихромной росписью. Расписывали нижние обшитые тесом стороны балкончиков. Мотивы росписи — вазоны, причудливые вьющиеся растения, кони и пр. Они близко напоминают сюжеты, встречающиеся на расписных северных прялках, рубелях, трепалах и т. д. Росписью занимались в большинстве случаев сами карелы-плотники.

Закапчивая описание строительной техники и приемов декоративного оформления жилища, необходимо сказать несколько

слов о тех обрядах, обычаях и приметах, которые имели место при постройке домов карелами в конце XIX—начале XX в.

Прежде всего много примет у карел было связано с рубкой дерева. Примечали, как упадет первое срубленное дерево: если оно падает прямо, не задевая других деревьев, значит строительство дома пойдет хорошо и быстро. Будущий хозяин дома придавал большое значение тому, как упадет первая щепка в начале рубки дома: если расколотой частью вверх, жизнь в доме будет хорошей, если горбылем — плохой.

Как и у северных великорусов, широко бытовал обычай при закладке дома «на счастье» класть под правый угол избы капельку ртуты, вложенной в ствол пера глухаря; последнее затыкалось зернышком ячменя (ячмень по-карельски *ozga*, а счастье по-карельски *oza* — здесь созвучие приобретает символическое значение). Иногда сюда же клали кусочки нового холста — чтобы в доме всегда водилась хорошая, добротная одежда. Чтобы в доме не было клопов и тараканов, в бутылку засовывали кожу убитой змеи и зарывали ее под печью.

Ответственным моментом в строительстве дома была поставка коневого бревна (с. к. *koñaragzi*; люд. *koñaragz*; ливв. -i). С этим связан обычай, встречаемый у карел в различных вариантах. Например, у кондопожских людиков он заключался в том, что это бревно нельзя было ударить топором, иначе в доме не будут жить мужчины. Поэтому хозяин внимательно следил за процессом укладки, наблюдая за тем, чтобы кто-либо не стукнул по бревну топором. Если же это случалось, делали новое коневое бревно и его поднимали заново. В некоторых деревнях близ Петрозаводска (Красная Речка, Ёвхоя) на коневое бревно привязывали отрез коленкора на рубаху тому, кто ставил это бревно. После установления коневого бревна поставивший его отвязывал этот материал и брал себе в качестве подарка.

Были суеверия, связанные с подпольем. Обычно считали, что в подполье живут домовая и его жена (с. к. *isäntä, emäntä*; люд. *ižand, emänd*; ливв. -ü). Вселяясь во вновь отстроенный дом, хозяйка обращалась к ним трижды со следующими словами (люд. диалект):

*Ižändäd, emändäd,
Kaunahad kasad neized,
Kuld kudrid brihad,
Priimigat, prisvoikat,
Meid elämäi.*

Хозяева и хозяйки,
Девушек с красивыми косами,
Парней золотокудых,
Примите, признайте,
Нас на житье.

При рождении мальчика его пуповину закапывали в подполье, в том месте, где кончались «рельсы» лестницы; пуповину новорожденной девочки высушивали и клали на коневое бревно или за косяк (лишину) двери (с. к. *katua*; люд. *kata*; ливв. -i). Это делалось для того, чтобы девушка выросла «славутной, чтобы

она пользовалась успехом у парней и чтобы о ней ходила добрая слава. А парню такой славы не нужно, девушек в деревне много, и он всегда сможет найти себе невесту», — так считали карелы.

Были поверья, связанные также с печью. При переходе в новый дом первую ночь на печи спал кто-либо из стариков, а если их не было, то ребенок. Спящего укрывали одеялом, спитым из 8—9 овечьих шкур (люд. *katerövy*; ливв. *katuhu*³²), и считали, что он должен увидеть сон (который потом разгадывали) о том, какая жизнь будет у жильцов этого дома. Для защиты от злого духа («хозяина») под одеяло клали нож.

В новый дом старались перебраться ночью или на рассвете, чтобы этого никто не видел. В первую очередь переносили икону, квашню, каравай хлеба с солью, а хозяйка в подоле несла петуха. При входе в дом хозяйка становилась лицом к двери и бросала петуха через воронец; если петух в воздухе кукарекает, то в новом доме жизнь будет хорошая, молчание являлось дурным признаком. Кроме того, смотрели, куда в первую очередь петух сядет: если на печь, значит хорошее житье будет в доме, если на окно, то «все добро унесет ветром».

В средней Карелии (Паданы) в первую ночь в избе никто не ночевал, туда пускали лишь петуха и кошку. Если кошка сразу же шла в большой угол, значит в доме будет больше мужчин, а если прыгала на печь — женщин. У кондопожских карел-людиков вместе с петухом в новый дом отправлялись девушки, веря, что эта миссия будет способствовать их скорейшему замужеству.

В некоторых деревнях на новоселье приходили с березовым поленом и говорили (люд.): «*Priimigat mindai tāmäi kodii*. Примите меня в этот дом». В быту карел-стариков сохранился еще древний обычай оберегать избы от сглаза. Еще и сейчас иной раз можно видеть при входе в избу воткнутую над дверью, высушенную челюсть щуки, оберегающую от «дурного глаза». Подобные обычаи известны и коми-зырянам.³³ Карелы верили, что все эти обряды и обычаи способствуют их благополучной жизни и осуществлению заветных желаний. Аналогичные обычаи встречались и у соседнего русского населения, а также у ряда других народов.

Типологическая классификация карельских жилищ представляет собой одну из наиболее трудных задач, так как на территории Карелии в XIX столетии имели распространение разнообразные типы жилых строений. Особенно сложные, с трудом поддающиеся классификации постройки встречаются на севере,

³² *Katerövy*, *katuhu* букв. 'покрывальная шуба'.

³³ В. П. Б е л и ц е р. Очерки по этнографии. . . , стр. 323.

в то время как в южной части их типы являются более четкими и устоявшимися. Поэтому предлагаемая здесь типологическая классификация строений в известной мере является условной и не претендует на то, чтобы отразить все особенности карельского домостроительства.

Мы выделяем пять основных типов жилых построек, включая сюда также и строения временного характера, имевшие большое распространение на территории Карелии.

1. Промысловая избушка (с. к. *mečča pirtti*; ливв. *kel'ŋu*; люд. *metčpertine* букв. 'лесная избушка'). В прошлом такие избушки довольно широко бытовали в Карелии.³⁴ Избушка или полуземлянка состояла из четырехугольного сруба, близкого в плане к квадрату, с небольшим волоковым окошечком, дымовым отверстием в односкатной или двухскатной крыше, часто без потолка, с печью-каменкой в одном из углов или же очагом посредине, с нарами по стенам. Хозяйственные постройки при такой избушке чаще всего отсутствовали. Если же они были (амбарчик для хранения охотничьей добычи, навес из хвои для лошадей — на лесозаготовках), то строились отдельно. Временно живущие в пей рыбаки или охотники перед уходом домой всегда оставляли в избушке вязанку сухих дров, соль и спички. Прежде чем зайти в такую избушку, пришелец должен был стукнуть кулаком или палкой в дверь и сказать: «*Vanhat eläjät pois, uvvet siäh tullah!* 'Старые жители вон, новые на место приходят'», и лишь после этого входил в избушку.

На одном из многочисленных островов Лендерского озера (центральная Карелия) нами была обнаружена промысловорыболовецкая избушка, построенная в 1927 г. Эта избушка по сравнению, так сказать, с классическими образцами подобных строений уже несколько изменена и состоит из небольшого сруба размером 3.5×3.5 м и высотой 1.6 м. Потолок из бревенчатого накатника, двускатная тесовая крыша. Пола нет. Печь покоится на деревянном опечье; она расположена справа от входа и топится по-черному: дым выходит в открытую дверь и небольшое окошечко над печью. По боковым стенам на небольшом расстоянии от потолка имеются тонкие жерди — «грядки» (с. к. *ordizet*; люд. *ord'ine*; ливв. *ordiine*), которые использовались для сушки сетей и одежды. Постановка печи и ее устройство, наличие в избушке грядок совпадают с традиционным планом карельской избы и

³⁴ Мы оставляем за пределами рассмотрения и классификации некоторые наиболее примитивные временные сооружения — трехстенные бревенчатые ветровые заслоны, шалаши и проч., так как они, по-видимому, составляют побочную линию развития жилых построек.

Согласно новейшим археологическим данным, сообщенным Г. А. Панкрушевым, на территории Карелии, особенно на юге ее, уже в эпоху развитого неолита и раннего металла бытовали бревенчатые полуземлянки четырехугольного плана, сооружавшиеся способом закладной или даже в отдельных случаях срубной техники.

позволяют сделать предположение, что подобные избушки, быть может, когда-то послужили прототипом более удобных и усовершенствованных жилищ.

Упоминания о промысловых избушках имеются в литературе XVIII в. Например, П. И. Челищев писал: «Проехавшиж от деревни Миткиной (район Свири, — *P. T.*) три версты, в 11 часов для ужины и заговен, за неимением поблизости жила, пристал к пустой избе, в коей во время рыбной ловли живут рыбаки. . .».³⁵ Аналогичные постройки бытовали у коми-зырян (вör керка), у саамов Кольского полуострова (*tupa*), у финнов-суоми (*kota*) и у северных великорусов (избушка).³⁶

2. Второй, более совершенный тип жилища представлял собой двухкамерную постройку, состоящую из избы (с. к. *pirtti*; люд. *per't'*; ливв. *per't'i*) на высоком подклете, топившейся преимущественно по-черному (с. к. *mušta pirtti*; люд. *must per't'*; ливв. *mustu per't'i*), холодных неотапливаемых сеней (с. к. *šinčči*; люд. *šenčoi*; ливв. *senčoi*) и хозяйственных построек, находившихся под одной крышей с жилыми.

Можно думать, что типу двухкамерной жилой избы исторически должен предшествовать жилой комплекс более элементарного вида, который, быть может, отличался весьма простой конструкцией сеней (сени, по-видимому, вообще появились относительно поздно и в основном под воздействием общений с русскими, что видно из русского названия, сохранившегося на карельской почве), а также отдельным расположением хозяйственных построек. К сожалению, в реальном бытовании этот предположительно реконструируемый тип жилья не сохранился. Не исключено, что по своему виду он должен быть близок к избе XVII в., раскопанной В. И. Равдоникасом в Старой Ладоге.³⁷

Изба с сенями представляла собой четырехстенный квадратный в плане сруб с глинобитной печью на деревянном опечье. Для выхода дыма в потолке имелось отверстие, которое после окончания топки печи закрывалось специальной доской (с. к. *gerpäñä*). Высота избы 2.5—2.8 м. Одна из особенностей жилища этого типа — высокие подклеты.³⁸

В XVIII в. в курных избах жили, по-видимому, почти все карелы; в прошлом столетии избы по-черному имели также распространение, но уже довольно незначительное, хотя и сохранялись вплоть до начала XX в. Наиболее бедная часть населения жила в курных избах даже в предреволюционное время. По нашим

³⁵ Путешествие по Северу России в 1791 году отставного секунд-майора Петра Челищева. СПб., 1836, стр. 26—30.

³⁶ В. Н. Белицер. Очерки по этнографии. . . , стр. 249; Н. Н. Харузов и н. Очерки, стр. 4.

³⁷ В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, 1949, стр. 31.

³⁸ Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 году, ч. IV. СПб., 1805, стр. 102.

экспедиционным данным 1956 г., на территории бывш. Петровского района (северные людюки) в 20-х годах текущего столетия насчитывалось около 10 курных изб.

Аналогичные постройки бытовали у многих народов восточной Европы, например у северных великорусов (курная изба), у коми-зырян (керка), у марийцев (шэм порт) и т. д.³⁹

На формирование у карел этого типа жилища большое влияние оказали северные великорусы, в особенности — на строительную технику и внешнее оформление дома. Однако в карельской постройке длительное время сохранялись самобытные черты. Прежде всего они имелись во внутреннем убранстве дома, в конструкции потолка, устройстве печи и т. д.

3. Третий тип жилого строения мы выделяем еще более условно. Это трехкамерная постройка, являющаяся дальнейшим развитием предыдущего типа, состоящая из избы, сеней и клетки (люд. aitt; с. к. -а; ливв. -и) с примыкающими хозяйственными строениями. Вся разница между ними заключается в обособлении этого третьего помещения — клетки, которая образуется путем перегородивания сеней бревенчатой стеной; сени при этом сокращаются наполовину. Клеть обычно не имела печи. Жили в пей только летом, а зимой использовали в качестве кладовой. Следует также учесть, что наличие клетки не является признаком, присущим только этому типу жилого строения. Она сохраняется и в домах с более сложной структурой (пятистенках и проч.).

Дом с таким планом бытовал у карел вплоть до XX в. Он довольно длительно сосуществовал с двухраздельным домом, однако при наличии у карел большой неразделенной семьи дом с клетью строили все чаще и чаще.

4. Четвертый тип — это дом-пятистенок (с. к. viisišeinäni pirtti; люд. viižšeinäne; лив. viižiseināine pert'ti), состоящий из избы, горницы (с. к. kamari, gorničča; люд. gornič; ливв. gorničču), сеней с клетью и примыкающих к ним хозяйственных пристроек. Такой тип дома получил широчайшее распространение по всему русскому Северу во второй половине XIX в. и особенно в первой половине текущего столетия. Такие дома строили и в более ранние периоды, о чем свидетельствуют некоторые документы XVI—XVII вв., но их, по-видимому, строили преимущественно зажиточные семьи.⁴⁰

Дальнейшим и весьма редким видоизменением этого типа постройки является спаренный пятистенок — двухфасадная постройка, когда дом разделен сенями на две равные половины,

³⁹ Е. Э. Б л о м к в и с т. Крестьянские постройки. . . , стр. 87; В. Н. Б е л и ц е р. Очерки по этнографии. . . , стр. 213; Т. А. К р ю к о в а. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956, стр. 113.

⁴⁰ Материалы по истории Карелии XII—XVI вв., Петрозаводск, 1941, № 60, стр. 150; Хрестоматия по истории Карелии с древнейших времен до конца XVIII века. Петрозаводск, 1939, № 31, стр. 174 и др.

каждая из которых включает избу и горницу. Хозяйственные постройки обычно ставились в стороне. Дома с подобным планом имели распространение преимущественно в северо-западной Карелии, на границе с Финляндией. Чаще всего такие дома принадлежали кулакам или крепким середняцким большим семьям.

5. В особый тип мы выделяем сложные постройки. К нему следует отнести двухэтажные дома-шестистенки со «связевой» или «боковой избой». Здесь, кроме избы и горницы, расположенных рядом, имеется еще одна комната, выделенная в примыкающем к сеням углу верхнего этажа двора (сарая), которая «связывает» жилую часть с хозяйственной. Две стены этой комнаты являются стенами сарая, а третья — общая с сенями.

Постройки со связевой избой (sviäzi или bokkupert'ti) были характерны для карел-ливвиков (близ Олонца и в Прионежье). Часто эта связевая комната была нежилой и заменяла собой кладовку (aittu), если же в ней жили, то ставили здесь русскую печь. Такие дома принадлежали преимущественно зажиточным крестьянам.

Проделанная классификация карельских жилых построек при всей ее условности и схематичности должна, по-видимому, до известной степени отражать их эволюцию. Если при этом ранние формы жилищ вырисовываются в не вполне ясных очертаниях, то поздние жилые комплексы, типологически более совершенные и, без сомнения, сложившиеся в итоге взаимодействия древней местной традиции и внешних влияний, проявляются вполне четко. Особенности регионального размещения того или иного типа построек (или их сочетаний) проследить нелегко, но все же нельзя оставить без внимания такие факты, как распространение у ливвиков дѣма со связевой избой, у людиков — дѣма-пятистенка, а у собственно карел наряду с дѣмом-пятистенком — наличие двухфасадных построек, каких мы не встречали ни у ливвиков, ни у людиков. Следует заметить, что по имевшим распространение типам домов ливвики и людики, а также часть собственно карел, примыкающих к южным карелам, довольно близки, в то время как остальные собственно карелы стоят несколько обособленно.

Если по внешнему виду карельские дома мало чем отличались от домов северных великорусов, то их внутренней планировке и устройству были присущи своеобразные черты, специфичные только для карел. Это отмечалось некоторыми исследователями даже в отношении тверских карел, которые почти полностью восприняли постройки окружающего русского населения, но

сохранили во внутренней планировке и убранстве традиционные черты, принесенные с родины.⁴¹

Для карел характерен следующий план избы. Из сеней в избу вход ведет через дверь в задней стене. В избе направо или налево от входа расположена печь (с. к. *kiukua*; люд. *pätč*; ливв. -i), устьем обращенная чаще всего к боковой стене. В некоторых местностях (близ Олонца, частично в районах Кондопоги и Кемь) устье печи бывало обращено к главному фасаду. У соседнего русского населения встречаются оба эти направления устья печи, но прямое является преобладающим. Рядом с печью имеется каржина (с. к. *karšina*; люд. *karžin*; ливв. *luandal*), аналогичная русскому голбцу, — крытый вход в подполье со съёмной крышкой и ведущей вниз лестницей. Северные карелы вход в подполье делали в виде высокого шкафчика с двумя дверцами, который носил название «козоно». Похожая пристройка к печи бытовала у русских Архангельской и Вологодской губерний под названием «голубчик», а в Рязанской, Кировской и соседних областях — «казенка».⁴² На каржине обычно спали или сидели. По ней же влезали на печь.

По диагонали от печи расположен «большой угол» (с. к. *paraščurpu*; люд. *suučšurpu*, *dūmalšurpu*; ливв. *suurišurpu*, *jumalšurpu*). Здесь находилась божница или киот (с. к. *oprašat*; люд. *d'umalkoda*; ливв. *jumalkoda*) с иконами. Это было самое почетное место в избе и считалось ее мужской частью. Противоположный большому углу по фасадной стене угол назывался «задним» (люд. *peräšurpu*; с. к., ливв. -u), между печью и задним углом был расположен голбечный угол (с. к. *karšinašurpu*; люд. *karžinanšurpu*; ливв. *golbeššičšurpu*) — женское и детское место.⁴³

Наконец, последний угол в избе — дверной (с. к. *ovišurpu*; люд. -*uksšurpu*; ливв. -u).

Роль печи в жилище общеизвестна: это его центр, важнейшее место.

В XIX в. карелы делали глинобитные печи с добавлением в глину камней, считая, что благодаря камню печь сильнее нагревается и дольше держит тепло. В некоторых деревнях клали печи из диатомового камня, столь мягкого и легкого сланца, что его можно было пилить пилой и стесывать топором. По

⁴¹ Д. А. Золотарев. Изучение крестьянских построек в работах Верхне-Волжской этнологической экспедиции. В кн.: Верхне-Волжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края, Л., 1926, стр. IX.

⁴² Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки. . ., стр. 218; В. Н. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1955, стр. 366.

⁴³ Упоминание об этом есть в «Калевале»: «Mi on akkoja tuvassa, ne on kaikki karsinah 'Сколько женщин в избе — все к каржине' (идите, — Р. Т.)» (Калевала, руна 46, стр. 298).

мере обжига камень становился очень прочным, и такие печи могли стоять длительное время.

Печь чаще всего ставили на деревянном опечье из четырех венцов, рубленных по углам «в замок». Лишь в некоторых избах печи делались без рубленого опечья, а лежали на печных столбах (с. к. kiukuan hirret; люд. päčimbrujat; ливв. päčimbrujat). Дымовую трубу печи выводили прямо, без колен, так что передняя часть печи вместе с трубой имела вид усеченной пирамиды. Трубы складывали из необожженного кирпича. В печах, топившихся, по-черному, трубу иной раз заменяла долбленная колода.

По своей конструкции печь в карельской избе тождественна русской печи. Об этом говорит ее устройство и форма. Терминология основных ее частей как будто бы отлична от русской: печь (с. к. kiukua; люд. päťe; ливв. -i); под (с. к. kiukuan pohja; люд. päťimpohd'; ливв. päťinpohju); устье (с. к. kiukuanšuu; люд. päťinsuu букв. 'печной рот'); колпак (с. к. kiukuan ošča; люд. päťin ošče; ливв. päťin otču букв. 'печной лоб'); место на печи для сна, для хранения сушеной рыбы, лучины и т. п. (с. к. kiukuan šelka; люд. päťin šelg; ливв. päťin selgü букв. 'печная спина'). Но это различие кажущееся: названия основных частей печи являются кальками соответствующих русских названий.

Русские печи в карельских избах — явление сравнительно новое. До их появления карелы обогревали свои жилища иначе. Возможно, что у них когда-то бытовал открытый очаг. Свидетельством этого, по-видимому, является наличие у северных карел русской печи с камельком (piisi), который до конца XIX в. имел довольно широкое распространение. Камелек представляет собой очаг в виде ниши, расположенной рядом с устьем печи в углу, обращенном к центру избы, с отдельным дымоходом, который внутри соединялся с общим дымоходом печи. Камелек служил для приготовления пищи (с этой целью в верхнюю его часть вделывался железный крюк для подвешивания котелка) и для освещения избы. Иногда в камельках больших размеров верхний свод поддерживался железным стержнем.

Л. Л. Капица высказал предположение, что в далеком прошлом в жилище карел очаг был открытый, сходный с очагами в самских вежах. Со временем способ отопления в карельских избах значительно изменился. С приходом русского населения на север Карелии карелы восприняли у него русскую печь, но сохранили в ней камелек. Таким образом, создался новый тип печи, которая представляла собой «сочетание открытого очага с русской печью». ⁴⁴ Эта догадка, опирающаяся на изложенные выше факты, и нам представляется вероятной.

В настоящее время печи с камельком можно изредка встретить только в деревнях, расположенных близ финской границы, а также

⁴⁴ Л. Л. Капица. Материалы. . . , стр. 33.

неподалеку или же на самом берегу Белого моря (в дер. Вокш-озеро, Рудометово, Соностров). Появление камелька в дер. Соностров естественно, так как ее жители в конце XIX—начале XX в. переселились из района Топозера, расположенного в северо-западной части Карелии, и принесли сюда с собой камелек. Обнаружение такого типа печи в некоторых русских деревнях в районе Кеми является несколько неожиданным. Возможно, что туда он был занесен каким-либо печником-карелом.

Д. А. Золотарев, говоря об особенностях материальной культуры севернокарельского района, высказал предположение, что камелек, как и ряд других ее элементов, является свидетельством финского влияния на культуру местного населения.⁴⁵ Возможно, что это так. В капитальном исследовании Ниило Валонена, посвященном описанию деревенских построек Финляндии, содержатся обильные материалы об очагах типа камина, в числе которых упоминаются формы, похожие на севернокарельские печи с камельком.⁴⁶ Но не исключено, что здесь мы имеем дело с двумя конвергентно возникшими формами. В пользу этого говорит тот факт, что все же полных аналогий, чаще всего встречающихся при заимствованиях, мы не наблюдаем.

В южной Карелии о камельке не имеют представления. Здесь, как повсюду на Севере, русские печи кладутся с «жаратком», который делается по обеим сторонам устья печи. Называется он *hiiloš* букв. 'угольник', так как сюда, после того как печь протопится, хозяйка сгребает горячие угли. Как правило, в одном из жаратков в стену печи вмонтирован железный крюк для подвешивания котла или, если нет крюка, стоит таганок. Здесь готовят пищу в летнее время.

Прежде изба была единственным отапливаемым помещением в доме. Все прочие комнаты, даже жилые, оставались лишенными печей. Но в начале текущего столетия положение стало меняться. В холодных избах появились печи, а в горницах обычно лежанки (люд. *ležankek*; ливв. -*u*), на которых зимою спали. Иногда, если у хозяина было два сына, он сразу же при строительстве дома ставил русскую печь и в горнице, имея в виду возможный раздел семьи.

Очагу карелы придавали большое значение. Ему приписывали функции оберега и целебные свойства. Отъезжающим членам семьи и новобранцам давались ладанки с землей из подполья и золой из печи. При переходе в новый дом из старой нечи в новую всегда переносили огонь, иногда горячие угли в горшке, в крайнем случае — золу. Перед выносом покойника на кладбище члены семьи завязывали в концы головных или шейных платков камешки, найденные в печи, и так провожали гроб до

⁴⁵ Д. А. Золотарев. В северо-западной Карелии, стр. 12, 13.

⁴⁶ N. Valonen. Zur Geschichte der finnischen Wohnstuben. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia, 133. Helsinki, 1963, стр. 370 и сл.

могилы. По возвращении с кладбища нужно было сначала приложить руки к печи, которая и тут выступала в качестве оберега, а затем развязать платки и бросить камешки под печку.

Внутренний вид жилища зависел, конечно, не только от типа и месторасположения печи. Ему придавали своеобразие отдельные конструктивные особенности и мебелировка.

Характерным для карельской избы являлось бревно (с. к. *orsì*; люд. *orž*; ливв. *orzi*), идущее через всю избу на небольшом расстоянии от потолка и расположенное ближе к боковому фасаду. Раньше такие бревна делали в каждой карельской избе. Оно служило для гнутья и сушки полозьев. В некоторых избах (например, в дер. Красная Речка, близ Гирваса) встречаются тонкие жерди (с. к. *ordiset*; люд. *ord'ine*; ливв. *ordiine*) для сушки неводов в зимнее время. Сейчас в большинстве старых домов эти бревна и жерди спилены. В новых домах их вообще не делают.

Лет 50 тому назад и ранее в некоторых деревнях северной и южной Карелии (Калевала, Олонец, Прионежье) в избах делали полаты (с. к., ливв. *palat't'i*; люд. *palat'*), которые располагали от печи до противоположной боковой и задней стены на значительной высоте. В настоящее время полаты встретить почти невозможно.

Вдоль трех стен избы (кроме дверной) тянулись широкие лавки (с. к. *laučat*; люд. *lautš*; ливв. -u), прикрепленные к стенам и опирающиеся на врезанные в них снизу ножки-подставки. Над лавками вдоль тех же стен устраивались полки (с. к. *palčča*; люд. *pual'č*; ливв. *pualičču*), на которых хранили различные предметы домашнего обихода. К свободному углу печи примыкал массивный деревянный опечный брус (люд. *konečk*; ливв. -u — ср. русск. 'коник'), на его верхнем конце, на высоте, несколько превышающей человеческий рост, укреплялись горизонтально под прямым углом два широких бруса или воронца (с. к. *leviet orret*; люд., ливв. *vorončad*), которые противоположными концами были заведены в стены.

Количество подвижной мебели в крестьянской избе было весьма ограничено, что вообще чрезвычайно характерно для крестьянского жилища.

Из мебели в первую очередь следует отметить стол (с. к. *prütä*; люд., ливв. *stola*). Любопытная своеобразная черта проступает уже в положении стола в избе. Оно может быть двояким: как правило, стол ставился торцовой частью к среднему окну (если в избе по фасаду было нечетное число окон) или к простенку между окнами (при четном числе окон). Такое положение стола, в отличие от того, что мы видим у русских Севера европейской части СССР, которые ставят стол в «большой» угол, является довольно устойчивым и, по всей вероятности, древним обычаем

карел. Этот обычай характерен для всех карел, зафиксирован он также и у вепсов.⁴⁷

Следует отметить, что в избах людиков и ливвиков под влиянием длительных контактов с русскими столы все же начали подчас располагать в переднем углу. Больше того, даже там, где стол в избе обычно стоял у фасадной стены, в отдельных случаях (свадьба, похороны, поминки и проч.) его передвигали в передний угол. Таким образом, если мы исходим из предположения, что положение стола у фасадной стены (его иногда называют также «финским») является более древним и, так сказать, исконным, то не должны при этом исключить и той возможности, что уже на относительно ранних этапах оно, как кажется, не было единственным и наряду с ним стол иногда ставился в «красном» углу по русскому обычаю.

Конструкция столов была различной, но на всей территории Карелии их, как правило, делали низкими. В прошлом широкое распространение у ливвиков и людиков имели столы «на ящике» со столешницей из одной доски. Подстолье («ящик») украшалось резьбой, иногда раскрашивалось. У северных, а также частично у южных карел бытовали раздвижные столы, такие же, как у финнов.⁴⁸ В северной Карелии столешница чаще накладывалась на две пары ножек — козел («столы на козлах»). Аналогичные формы весьма типичны для соседнего финского населения.

В некоторых деревнях встречаются столы на длинных ползьях. В этнографической литературе наличие подобных столов отмечено у северных великорусов. Они известны под названием «финских».⁴⁹

Внутреннее убранство жилища северных карел в XIX—начале XX в. отличалось от внутренней обстановки избы жителей средней и южной Карелии. Если на юге она вплоть до недавнего времени хранила черты глубокой старины (неподвижные лавки, полки над ними, открытый посудный шкаф и т. д.), то у ухтинских и кестеньгских карел уже в XIX в. внутреннее убранство избы часто имело гораздо более современный вид [отсутствие неподвижных лавок у стен, люльки (с. к. *kätküt*; ливв. *kätküd*) не подвесные, а на ножках, деревянные кровати-диваны и т. д.]. Р. М. Габе, касаясь вопроса внутреннего убранства северной (ухтинской) избы, отмечал: «Здесь чувствуется борьба двух начал: деревенского и городского, — и элементы городской обстановки кажутся особенно неожиданными при внешней архитектуре избы, типичной для крестьянских построек этого района».⁵⁰ Безусловно, внутреннее убранство избы зависело от состоятель-

⁴⁷ В. В. Пименов. Поездка к прионежским вепсам. СЭ, 1957, № 3.

⁴⁸ T. Vuorela. Kansatieteen sanasto. Helsinki, 1958, стр. 94.

⁴⁹ Р. М. Габе. Интерьер крестьянского жилища. Архитектурное наследство, 1955, № 5, стр. 95.

⁵⁰ Р. М. Габе. Карельское деревянное зодчество, стр. 54.

ности владельца дома, однако нужно отметить, что «именно здесь, больше чем где-либо были видны следы подражания городскому дому».⁵¹

На Севере уже в конце XIX в. у кулаков и купцов можно было видеть филенчатые двери, карнизы, городскую мебель, состоящую из стульев, кресел, диванов, посудного шкафа в виде буфета; стены оклеивались обоями, пол и потолок окрашивались краской. В южной Карелии в домах кулаков в горнице тоже встречалась городская мебель, однако в избах все-таки сохранялись большей частью традиционная планировка и убранство. В избы бедняков и середняков как у северных, так и у южных карел новые веяния во внутреннее убранство жилищ проникали значительно медленнее, что находит себе объяснение отнюдь не в особой приверженности этих слоев народа к старине, а в недостатке средств для покупки новых предметов утвари и обстановки.

Ясно, что происхождение указанных различий во внутреннем убранстве жилища на севере и юге Карелии обусловлено не этническими, а социально-экономическими причинами. Это имело свои культурно-бытовые последствия. Например, сильное развитие на севере лесных промыслов, дававших большие доходы местным богатым, на которые они могли покупать городскую мебель, и развитие разносной торговли, связанной с частым посещением городов и деревень Финляндии коробейниками, выходцами из середняцких и бедняцких слоев, привело к знакомству с финскими городскими формами убранства жилища, что в свою очередь способствовало внесению изменений в установившийся уже издавна порядок во внутреннем убранстве карельских жилищ. И хотя эти изменения исторически молоды, они довольно прочно вошли в местную культурную традицию в качестве ее составной части, способствуя накоплению северокарельских этнографических черт.

Говоря о внутреннем убранстве, необходимо остановиться на севернокарельском диване-кровати (*krovatti, šankü*). Его делали из дерева и красили в красный или бордовый цвет. Длина его 2, ширина 0.60, высота 0.75—0.80 м. Он бытовал с конца XIX в. и был заимствован в Финляндии. Такие же диваны имели распространение в Скандинавии. Диван-кровать стоял в избе, а иногда и в горнице, его часто делали финские мастера, которые специально ходили по деревням с целью заработка.

Кроме дивана-кровати, зажиточные крестьяне имели и железные кровати, на которых обычно спали взрослые.

В южной и средней Карелии в XIX в. бытовали деревянные кровати, первоначально неподвижные, которые устанавливались в избах (в дверном углу) и в сенях — для спанья летом. Дети

⁵¹ Там же, стр. 55.

спали на полу, а также на каржине. Летом детской «спальной» был сарай.

Для освещения избы, как, впрочем, и других помещений, в конце XIX—начале XX в. служила лучина (räre). Избу освещали только в зимние вечера, весной и летом обходились без освещения. Лучину заготавливали заранее, просушивали ее на печке; вставлялась она в специальные светцы, которые делали сами крестьяне или приобретали на ярмарках. В большинстве случаев железный светец вбивали в опечный столб.

Керосиновые лампы появились довольно поздно, в последней четверти XIX в., но были достоянием только наиболее зажиточной части населения.

Если per'tti сохраняла специфику старой карельской избы, то горница по своему облику значительно больше приближалась к городскому жилищу.

У более зажиточных крестьян стены в ней оклеивали обоями, пол красили масляной краской. Мебель состояла из стульев, столов, деревянных диванов и кроватей. В горнице почти всегда было много цветов, висели лубочные картины, зеркала, имелся специальный шкаф со стеклянными дверцами в виде русской горки для посуды, находились музыкальные инструменты (kanttele, а позднее гармоника, балалайка, гитара, мандолина).

Дома карел отличались исключительной чистотой. Это отмечали многие исследователи. Поддержание чистоты возводилось чуть ли не в культ как у карельского, так и у русского населения края. У. Бломстедт и В. Суксдорфф, занимавшиеся изучением карельских построек писали: «Прежде всего привлекает внимание иностранца, когда он вступает в русско-карельскую избу, в особенности если он приходит в эту страну непосредственно из закорючелых курных изб Финляндии, это сверкающая чистота стен изб».⁵²

По субботам происходило обязательное мытье полов, столов, лавок, обтирание стекол, венцов стен. После мытья пол застилался дотканными дорожками и различными половиками (с. к. lateripakko; люд. huršt; ливв. -i). Раз в год (на пасху) особенно тщательно мыли стены и потолок. Но потолки в избе обычно имели черный цвет. Это было, вероятно, результатом пользования лучинами для освещения и отсутствия во многих избах даже в XIX в. дымоходов у печей. Чтобы потолок не выглядел грязным, ему придавали блеск. Для этого во время топки печей на угли бросали яичную скорлупу. Получался зеленый дым, который и придавал черному потолку блеск.

О сохранении чистоты жилища мы читаем в «Калевале», где дается наставление невесте о том, как она должна жить в доме мужа:

⁵² У. Blomstedt ja V. Suksdorff. Karjalaisia. . . , стр. 74.

Ты столы захочешь вымыть
Поздней, в конце недели —
Мой и сверху, мой и сбоку,
Не забудь и ножки вымыть!
Ты облей скамьи водою,
Обмети, как нужно, стены,
По порядку все скамейки
И в длину все стены дома!
Что на стол насело пыли,
Что насело по окошкам,

Ты смети крылом прилежно,
Вытри тряпочкой с водою,
Чтобы пыль не разошлася,
К потолку б не поднялася!
С потолка смети ты сажу,
Печку также ты почисти,
И почисти столб у печки,
Также о шестке подумай,
На жильце чтоб дом похож был,
Чтоб сочли его жилищем.⁵³

Связующим звеном между хозяйственной и жилой частью карельского дома традиционного типа являются сени, которые занимают его среднюю часть. Сени — весьма существенная часть постройки, так как жилые и хозяйственные сооружения находились под одной крышей. Из сеней крестьянин находит в избу с горницей, на чердак (с. к. *vintti*; люд. *vuišk*; ливв.-*u*), в кладовку (с. к. *aitta*; люд. *aitt*; ливв.-*u*), в сарай (*sarai*) и на скотный двор (с. к. *tanhuo*; люд. *tahn*; ливв. *tanhut*). В сенях стояли в летнее время кровати под пологом (с. к. *bukra*; люд., ливв. *uvdin*, *ganginge*); шкаф для молочных продуктов (с. к. *maitoškuappi*; люд. *maidoškuapp*; ливв.-*u*), кадки с чистой водой, иногда на стене висел шкафчик для различных продуктов. Если жилые помещения расположены в двух этажах, то и сени делались двухъярусными. В сенях всегда имеется пол из толстых досок и потолок, иногда на матицах. В устном народном творчестве просторным сепям уделено большое внимание.⁵⁴

Иногда к сеним пристраивается крыльцо. Типы крылец разнообразны.⁵⁵ Простейшим из них является небольшой деревянный помост на столбах с 2—4 ступеньками. Встречаются крыльца высокие с 12—14 ступеньками, а с боку прибавляется жердь, заменяющая перила. В некоторых деревнях имеются крытые глухие крыльца.

Чаще же всего вход в жилище карел прямо с улицы, без крыльца. Обычно это бывает в домах с высоким подклетом или в двухэтажных. Чтобы проникнуть из нижних сеней (*alahaine senčoi*) в верхние (*ülähaine sinčoi*), следует подняться по внутренней лестнице, иногда декоративно украшенной резными балясинами (люд., ливв. *ordahan balkat*). У олонецких ливвиков до сих пор встречаются дома, вход в жилую часть которых устроен через сарай по въезду или взвозу (*sarajan ordahat*), который у них обычно расположен спереди, параллельно коньку крыши, в то время как в большинстве карельских домов взвоз сооружался сбоку перпендикулярно относительно оси дома (рис. 19). Впрочем,

⁵³ Калевала, руна 23, стр. 150.

⁵⁴ Карельские эпические песни, стр. 32, 74 и др.

⁵⁵ Подробнее о крыльцах см.: Р. М. Г а б е. Карельское деревянное зодчество, стр. 149—156.

в некоторых людиковских деревнях взвозы устраивались позади двора.

Взвоз представляет собой пологий наклонный накат из толстых бревен, уложенных поперек. В большинстве случаев взвозы имели боковое ограждение — перила из одной-двух обтесанных жердей, которые внизу заделывались в столбы, врытые в землю и являющиеся опорой взвоза, а сверху заводились в стену сарая. Иногда над взвозом устраивался навес. В прошлом отдельные

Рис. 19. Вход в дом по взвозу.

детали взвоза украшали резьбой. В дер. Нурмолица Олонецкого района сохранились интересные оголовки столбов взвоза, изображающие человеческую голову, резьба выполнена топором и ножом.

Итак, на территории Карелии, как и вообще на Севере России, избы с дворами обычно были связаны в одно целое, в единый строительный комплекс, в котором хозяйственное и жилое помещения соединялись сенями и находились под одной крышей.

Такой тип постройки очень удобен в условиях северного края: не выходя за стены дома, можно было выполнить все работы по уходу за скотом, по домашнему хозяйству. При этом большое значение имеет сохранение тепла в скотном дворе и хлевах.

Двор у карел делался двухъярусным: вверху находился сарай (sarai), где складывали сено, березовые веники, хранили сельскохозяйственные орудия, телеги, сани, а внизу распола-

гались хлевы (liävä), конюшня (с. к. tal'Vi; люд. koñüşn; ливв. koñüşsi), помещение для овец и собственно двор (с. к. tanhuo; люд. tahp; ливв. tanhut).

Число хлевов во дворе определялось состоятельностью хозяев, количеством скота. Потолка в сарае не делали, лишь в одной какой-либо части на высоте 2.5—3 м от пола укладывали несколько бревен, которые покрывали досками или жердями и на них хранили сено и вешали веники, заготовленные на корм скоту.

Сарай освещался небольшими окошечками, которые прорубались в стене между смежными бревнами. Окошечки не застеклялись.

Заделка фронтона сарая производилась двумя способами — архаическим (с помощью самцов) и более новым, при котором стропильные бревна обшивались тесом. Фронтонная стена двора-сарая также заделывалась двояко: либо стена делалась сплошной, рубленой сверху до низу, так же как и фронтонная часть дома, либо часть ее не доходила до низа, а вместо нижних венцов ставили 3—4 столба, которые поддерживали верхнюю часть сарая.

Первый способ характерен для большинства построек карел, но менее удобен, чем второй. Венцы хлева сгнивали быстрее, чем весь сруб, и для того, чтобы заменить 3—4 венца в хлеву, приходилось разбирать заднюю стену двора до 12—13-го венца, подновлять 3—4 венца в хлеву, а затем вновь восстанавливать стену двора. Подобный метод реставрации очень трудоемок. нарушает общую конструкцию хозяйственной части здания, занимает много времени для разборки и сборки стены дома. Дворы-сарай на столбах удобнее тем, что ремонтировать хлева в них гораздо проще. Однако способ постройки задней стенки двора-сарая на столбах имел распространение на сравнительно небольшой территории, преимущественно у карел-людиков.⁵⁶

В сарае — верхнем этаже двора — настилали пол из толстых плах, который мог бы выдержать лошадь с телегой или санями, весь сложенный здесь хозяйственный инвентарь, а также заготовленный на зиму корм для скота. Площадь сарая обычно была большой, до 70—100 м². В некоторых деревнях в домах богачей бывали сараи, которые вмещали сразу по 30 подвод.

Летом в сарае ставили полог и спали, днем выполняли различные хозяйственные работы. Иногда в сарае в одном из углов рас-

⁵⁶ На Карельском перешейке и в некоторых местностях приграничной Финляндии зафиксирован тип двухэтажного скотного двора на столбах (правда, здесь такая постройка возводится отдельно от дома), который Аско Вилкуна называет «карельским» и в котором, мы полагаем, действительно можно усмотреть влияние старой карельской традиции (As. V i l k u n a. Suomalaisen karjasuojan vaiheita. Kansatieteellinen arkisto, 14. Helsinki, 1960. стр. 42).

полагалась каменная ручная мельница, так что здесь же мололи муку для домашних нужд. Из сарая вниз, в хлев, ведет лестница.

В слитных постройках тина дом — двор хлев отграничивали от жилой части дома бревенчатыми стенами, но сами хлева не отапливались. Вместе с тем даже в суровые зимы карелы никогда не держали скот в подполье или избе, как это практиковалось у ряда народов: финнов, коми-зырян, украинцев, белорусов и т. д.⁵⁷ Хлева в составе отдельно стоящих дворов (а такие дворы бытовали на севере Карелии) были утепленные. Крыша чаще делалась односкатной. Пола и потолка не было. Посредине хлева устанавливалась маленькая печь-каменка, которую протапливали в холодное время.

Хлев был «царством» хозяйки, мужчины туда заглядывали очень редко. Женщины обычно даже рожали в хлеву, чтобы никто не взглянул ребенка. Здесь они скрывались «от мужнего гнева», от ругани свекрови.

Как было сказано, в Карелии решительно преобладают дома, в которых жилье и хозяйственные постройки «собраны» в слитные комплексы. Однако формы дворов и способы их соединения («типы связи») с избами имеют свои особенности. Несмотря на существующее многообразие разновидностей в способах застройки двора, можно выделить четыре основных типа связи.

1. Однорядная связь, при которой жилье и хозяйственные помещения расположены одно за другим по прямой линии (простейший случай: изба+сени+двор). Крыша двора чаще всего составляет прямое продолжение крыши избы и сеней. Такую комбинацию строений называют также «брусом». Этот вид связи является типичным для всего русского Севера. В Карелии он, правда в разных пропорциях, встречается повсюду.

2. Связь «охватом» или L-образная связь. Ее, конечно, можно было бы рассматривать как своеобразное изменение однорядной связи, но это вряд ли целесообразно, так как отличие дома, соединенного описываемым способом, от «бруса» слишком велико. Этот тип связи характеризуется тем, что двор, пристроенный к сеним или непосредственно к избе-пятистенку (в этом случае сени могут и отсутствовать), рубится заметно шире избы и сеней; взвоз устраивается часто спереди, и все это сооружение как бы охватывает жилую часть дома с двух сторон. Этот тип связи свойствен домам олонечких ливвиков.

3. Г-образная или Т-образная связь. Это две разновидности одного типа, из которых первая легко переходит во вторую. При этой связи двор пристраивается к сеним сбоку, напротив входной двери. Если сени находятся в комплексе с одной избой (а крестьяне поначалу часто ограничивались двухкамерной постройкой

⁵⁷ As. V i l k u n a. Suomalaisen. . . , стр. 13—15; В. Н. Б е л и ц е р. Очерки по этнографии. . . , стр. 194; Е. Э. Б л о м к в и с т. Крестьянские постройки. . . , стр. 67.

типа изба+сени), то перед нами Г-образная связь. Если же по мере роста семьи и достижения некоторого уровня благосостояния хозяин пристраивал к сеним с противоположной стороны еще одну избу, создавая трехкамерную постройку типа изба+сени+изба, то формировалась Т-образная связь. Такой тип связи бытовал в постройках паданских и ругозерских карел.

4. Застройка с открытым двором и отдельно стоящими хозяйственными помещениями. При открытой застройке жилые помещения ставились метрах в 50 в стороне от хозяйственных. Сарай, если хозяин был состоятельный, делался двухэтажным. В дер. Лужма близ Ругозера нами был отмечен сарай-двор, который включал следующие помещения: сарай для сена, собственно двор, хлева и овчарню. Хлева карелы всегда ставили в стороне от конюшни. Наибольшее распространение этот тип получил в северо-западной части Карелии, близ финской границы, у калевальских и кестеньгских карел.

Как видим, и этот этнографический признак (тип связи собственно жилья со строениями хозяйственного назначения) указывает на наличие известных локальных особенностей, которые в пределах Карелии в общем приурочиваются к трем этнолингвистическим группам карельского народа. Но, конечно, и эти особенности не были присущи им искони. Можно думать, что до определенного исторического этапа (точно датировать его сейчас еще трудно, а предположительно допустимо говорить о XV—XVI вв.) жилье и хозяйственные постройки карел возводились (как это позднее было у северных карел) отдельно и еще не объединялись в слитные сооружения. Когда же слияние произошло, а этому безусловно сильно способствовали контакты с русским населением Севера, отдельные группы карел стали строить свои дома-дворы каждая на свой лад — в соответствии со своими древними (нам, к сожалению, почти неизвестными) традициями.

Но, помимо тех хозяйственных построек, которые с течением времени оказались включенными в единую структуру дома-двора, оставался еще ряд построек, которые всегда строились от нее в стороне, — амбары, бани, риги.

Амбар (с. к., люд. *aitta*; ливв. *aittu*) в прошлом у карел имел двойное назначение: для хранения промысловой добычи (продуктов охоты и соответствующего снаряжения, рыбы, рыболовных снастей и принадлежностей рыболовства) и для продуктов земледельческого труда (зерна, различной утвари, запасной одежды) и другого имущества. В зависимости от этого менялись типы и места постройки амбаров.

Амбары, предназначенные для сбережения земледельческих продуктов, строили обычно около дома, на виду у хозяина. Если деревня была расположена по берегу озера или реки в одну линию, то большинство амбаров ставилось против домов, но ближе к берегу, а часть — рядом с домами (так они поставлены, напри-

мер, в дер. Пезозеро, Лежево, Нильмозеро, Боярская и др.). Встречались амбары различной конструкции: с навесом, без навеса, с повалами (расширением сруба кверху по кривой). В северной Карелии имели распространение двухэтажные амбары. Второй этаж сообщался с первым внутренней лестницей и освещался небольшим оконцем. Наибольшее распространение имели амбары без навеса. Это — простой сруб, который ставился без фундамента прямо на землю, с полом и потолком из расколотых плах. В дер. Маслозеро близ Кеми сохранился амбар, сруб которого имеет повалы. Такой прием рубки был характерен для церковных построек. Амбары с навесом с лицевой или боковой стены сравнительно часто встречались в северо-западной Карелии. В лицевой стороне амбара имелась одна дверь, а когда сруб делился на два помещения — две. В селах Вокनावолоке и Маслозере не только в двойных, но и в сравнительно небольших амбарах сооружали второй ярус с галереей на главном фасаде и наружной лестницей к ней. Амбары устанавливались прямо на земле, лишь под углы подкладывались крупные валуны. Крыша амбара обычно двускатная. В деревнях близ финской границы встречались амбары, крытые кусками бересты, прикрепленной сверху жердями. Амбары имеют потолок и пол из досок или расколотых плах. Если избы карел обычно не имели заборов, то в амбарах — «хранилищах различного добра» — делали замки разной конструкции.

Устройство и внутренний вид хлебного амбара отвечали своему назначению. Вдоль стен на полу устанавливались закрома, рубленные из толстых плах, в виде ящичков особого устройства, удобных для ссыпки зерна. Большей частью они расположены против входа. По боковым стенам ставили мешки с крупой, кадки с мукой и сундуки с домашним скарбом.

У бедняцкого населения амбары были маленькие, одноэтажные, в то время как богачи имели по нескольку больших двухэтажных амбаров.

Нетрудно заметить, что карельские амбары, предназначенные для хранения продуктов земледелия, имеют много общего с аналогичными постройками многих европейских народов. Они особенно схожи с амбарами северных великорусов. От финских они отличаются не столько общим видом, сколько одной конструктивной особенностью: карелы, как и русские, ставили свои амбары прямо на землю, а финны сооружали их «на подножках» (т. е. на столбиках, «стульях»).⁵⁸

Более специфичными были промысловые амбары. К сожалению, они уже ушли из живого быта, и их подробное изучение теперь неосуществимо. Но в прошлом в отдельных местностях Карелии можно было встретить амбары на высоких столбах-ножках для

⁵⁸ Путеводитель для посетителей музея на острове Сеурасаари. Хельсинки, 1946, стр. 25, 26.

хранения дичи в лесу. Такая постройка зафиксирована, например, близ дер. Кимоваары. Это небольшой четырехугольный сруб из 5—7 венцов, поставленный на два сосновых ствола, обрубленных высоко над землей.⁵⁹ Амбары такого типа несомненно более древние, чем описанные выше хлебные амбары, представляют собою пережиток охотничье-рыболовческого хозяйственно-культурного типа, свойственного в прошлом финно-угорским народам нашего Севера. Они встречались у саамов,⁶⁰ коми-зырян, хантов, манси и др.⁶¹ В советское время в карельских деревнях амбаров почти не строят.

Бани (külü) в Карелии исключительно черные, строились на берегу реки или озера, часто у самой воды. По внешнему виду и устройству они довольно просты и напоминают бани северных великорусов и финнов. Это сруб, в плане имеющий прямоугольную форму и разделенный на две неравные части — маленькую предбанную (с. к. külünšindö; ливв. sepöine) и большую — собственно баню. Из предбанника дверь вела в баню, где справа или слева от двери из валунов различного размера сложена печь-каменка с чугунным котлом, топившаяся по-черному. Но котел в бане — явление сравнительно новое. Более древний способ нагревания воды состоял в раскаливании камней в той же каменке и опускании их в деревянную кадку с холодной водой. Этот способ был известен почти всем народам. За каменкой размещался полок, который занимал все пространство до задней стенки. На полки ведут две-три ступеньки. Против двери и у окна устроены лавки. В боковой стене прорубалось небольшое окошечко. В бане всегда делали потолок из толстых плах с земляной засыпкой. Для выхода дыма в потолке имелось специальное отверстие, которое после топки закрывалось деревянной заслонкой. Пол в бане делали из толстых досок, неплотно прилежавших друг к другу (для стока воды). Крыши бань бывали односкатные и двускатные. Первые придавали постройкам неуклюжий архаический вид. Но чаще все-таки встречались бани с двускатными крышами.

В Карелии встречались более примитивные однокамерные бани, в которых отсутствует предбанник. В районе Олонца в дер. Железная Гора нами обнаружены бани-землянки (рис. 20). Такая баня представляет собой бревенчатый сруб, 4—5 нижних венцов которого врыты в землю, а остальные 4—5 венцов возвышаются над землей. Крыша односкатная. Внешне эта баня напоминает современную яму для хранения картофеля. Внутренняя планировка очень проста: слева от входа стоит печь-каменка, устьем повернутая к боковой стороне постройки, со вмazanым в нее котлом для воды. Рядом с печью находится полки, по задней и

⁵⁹ Y. Blomstedt ja V. Suksdorff. Karjalaisia. . . , стр. 57.

⁶⁰ Путеводитель. . . , стр. 6.

⁶¹ Suomen suku, osa III, стр. 253, 286—288; В. Н. Б е л и ц е р. Очерки по этнографии. . . , стр. 213.

передней стене поставлены скамейки. Свет проникает через небольшое окошечко, расположенное на уровне поверхности земли. Однокамерная баня является более старым типом подобного рода строений, и в прошлом она, вероятно, преобладала на территории Карелии. Бани с предбанниками получили широкое распространение в более позднее время, едва ли ранее второй половины XIX в.

Рис. 20. Баня-землянка.

Карелы — большие любители бани. Летом во время сенокоса бани топили почти ежедневно, зимой — реже, обычно раз в неделю, в субботний вечер. После мытья обычно окунались в озере, затем опять парились. Зимой некоторые любили принимать после парения в бане «снежные ванны», т. е. выбегали из бани и валялись в снегу, а затем опять парились.

С баней у карел связано много поверий, обычаев и обрядов. Считали, что там живет «баенник» (с. к. *külünizäntä*; люд. *külün-izänt*, ливв. -ü) — дух проказливый и даже зловредный. У него спрашивали разрешения помыться. После мытья ему оставляли кусочек мыла, веник и немного воды в ушате. При выходе из бани его благодарили. В дер. Тигвера (близ Ведлозера) нам рассказывали, что в бане нельзя шуметь, чтобы не раздосадовать баенника. Рожениц не оставляли в бане одних, так как баенник особенно их не любит. Когда баню хотели использовать в лечебных целях, то за разрешением обращались к «банной бабушке» — доброй и хорошей, помогавшей, как верили, от всех болезней.

Большое место баня занимала в свадебном обряде. После брачной ночи топили баню и вели молодых мыться. В похоронном обряде баня тоже не забывалась. Гроб с телом после выноса из дома несли к бане, и здесь покойный должен был «проститься» с ней, «в которой довольно часто бывал». В некоторых районах Карелии в прошлом, да и в первые годы Советской власти имело место совместное мытье в бане мужчин и женщин. Иногда зимой в бане собиралось чуть ли не полдеревни. Только куму и куме запрещалось мыться вместе.

Потребности развития земледелия обусловили появление специальных построек, предназначенных для сушки и молотбы хлеба. Как и у прочих народов центральной и северной Европы, карелам для этой цели служили риги. Риги (riihi) у карел встречаются двух типов: однокамерные, в которых снопы и сушили и молотили в одном и том же помещении, и двухкамерные — рига с гумном (с. к. kuomino; люд., ливв. guomin), в которых рига предназначалась для сушки снопов, а гумно — для молотбы. Первый вид риги был более широко распространен на всей территории Карелии, второй встречался в отдельных деревнях в районе Олонца. Как в первом, так и во втором случае ригу рубили примерно одинаково. Высота сруба колебалась от 10 до 20 венцов. Крыши чаще делались двускатные на курицах, причем один скат крыши имел свес (на 1—1.5 м). Под ним складывали привезенные с поля снопы, а после обмолота — солому. В риге всегда настилался плотный пол из толстых плах и обязательно был потолок (чаще всего из накатника). В двухкамерной риге колосники, на которые укладывались снопы для просушки, шли в два ряда, в однокамерной — в один. Переводины для колосников врубались в стены или заводились в столбы, врытые в землю около стен. Печь в риге устанавливалась либо около входа, либо в одном из углов риги. Ее складывали на глиняном растворе из валунов различных размеров. Печь покоилась на деревянном опечье, площадь которого бывала часто больше основания печи и имела под собой солидный фундамент. Печи в ригах не имели дымоходов и топились по-черному (дым выходил в окошечки над печью и дверью).

Типологически карельская однокамерная рига ближе к финской,⁶² двухкамерная — к севернорусской. Надо, впрочем, отметить, что и у финнов-суоми, и у финнов-ингерманландцев также встречались двухкамерные риги, но их появление, можно думать, объясняется русским влиянием.

⁶² A. O. Heikel. Die Gebäude der Ceremissen, Mordwinen, Esten und Finnen. SUSA, IV, Helsinki, 1888, стр. 153 и сл.; см. также статью Эрика Лайда, посвященную обсуждению вопроса о происхождении риги у народов северной и восточной Европы (E. Laid. Über den Ursprung der nordosteuropäischen Rige. Folk-Liv. Acta ethnologica et folkloristica Europaea, Stockholm, 1954, стр. 26).

Относительно риги следует заметить еще следующее: хотя эта постройка у большинства народов, у которых она встречается, представляет собою относительно позднюю специализированную форму, лишь в двух случаях — у эстонцев и латышей — развившуюся в сложный комплекс жилого типа, все же нельзя полностью исключить вероятности того, что в условиях земледельческого быта и в других местах, у других народов, в частности у карел, тоже могли возникнуть формы, функционально однородные с эстонскими и латышскими жилыми ригами. Намек на такую возможность нам видится в факте бытования на севере Карелии промысловой избушки, название которой совпадает с названием риги (meššägihi).

Зерно мололи на водяных мельницах. Мельницы (mel'liččä) строили на порожиистой речке. В плане они имели форму квадрата. Внутри мельницы делалось два этажа. На первом находилось водяное колесо, а второй этаж, разделенный на две половины, был предназначен для жернова и хранения мешков с мукой.

На речном пороге стояли две-три мельницы, которые принадлежали отдельным хозяевам. Зачастую несколько хозяев объединялись и строили мельницу сообща. Рядом с мельницей, если она стояла в стороне от деревни на расстоянии 5—10 км, имелась избушка, где ночевали крестьяне, привезшие зерно на помол.

Ветряные мельницы (tuulimel'liččä) имели место только у карел, живущих на Олонецкой равнине. Нам не удалось видеть ни одной такой мельницы, но, по рассказам информаторов, они были такими же, как у соседнего русского населения, а также у тверских карел.

Из числа прочих хозяйственных помещений следует отметить также сараи для сена (с. к. heinälato; люд. peldoaitt, ливв. -u), которые ставились на пожнях. Это деревянный сруб из тонких бревен (12—15 см в диаметре), углы которых рублены «в иглу», с односкатной или двускатной крышей с потоками, крытой берестой или тонкими жердями. С этими сараями у карел-людиков был связан любопытный обычай. В Иванову ночь, если она была дождлива, девушки бежали к сараю и становились под струю дождевой воды, стекающей с крыши, при этом задумывали желание (выйти замуж), и считалось, что если постоишь в это время под дождем у peldoaitt, то «лемби» («славучность», привлекательность, обаяние, девичья честь и пр.) «будет очень высоким» и девушку посватает хороший парень.

Известный интерес представляют ямы-хранилища (с. к. kuorra; люд. kuorr; ливв. -u). До конца XIX в. в таких ямах в зимнее время хранили репу. Позднее, в XX столетии, в них стали хранить картофель. Яма выкапывалась на возвышенном сухом месте, изнутри ее обкладывали берестой, а сверху настилали толстыми плахами и засыпали землей. С боку делались небольшие дверцы.

Как уже было сказано, в Карелии почти все деревни расположены по берегам рек и озер, которые и использовались в качестве источников водоснабжения. Однако почти в каждой деревне все-таки имеется колодец (kaivo), особенно если деревня раскинулась несколько в стороне от естественного водоема. Наиболее типичной формой колодца является небольшой сруб, опущенный в землю и сверху прикрытый небольшой дощатой крышкой, которая иногда делается откидной.

На территории южной Карелии встречаются колодцы — «журавли», но очень редко, так как в большинстве случаев грунтовые воды расположены близко от поверхности. В дер. Святнаволок нами был обнаружен интересный колодец с «водопроводом». Место расположения родника здесь очень сырое и, чтобы удобнее было брать воду, провели деревянные трубы длиной около 120 м, по которым вода стекала в небольшое углубление, откуда ее и черпали ведром. «Водопровод» был построен карелами в конце XIX в.⁶³

Наконец, в южной Карелии, в Прионежье, а также у олонечких и ведлозерских ливвиков строили специальные навесы для дров (с. к. halkolato; люд., ливв. halgosarai). Такой навес был очень прост. В землю вкапывали бревна, соединяли их переводинами, складывали две или три стены из бревен и все это сооружение покрывали досками, которые исполняли роль крыши.

Анализируя изложенный выше материал по поселениям и народному строительству жилищ и хозяйственных построек, следует отметить, что территория Карелии по типам селений, построек и жилищ, особенностям внутренней планировки жилых строений, приемам строительной техники и т. д. может быть разделена на две большие зоны — севернокарельскую и южнокарельскую, а в рамках каждой из них видны более дробные ареалы.

Севернокарельская зона характеризуется своеобразным сочетанием типов и форм поселений, о чем говорилось выше, жилищем на более низком подклете, особенным положением хозяйственных построек, значительно более бедным, чем у южных карел, внешним оформлением дома, почти полным отсутствием орнаментации домов, но наличием своеобразного колоритного оформления (окраска стен снаружи в темно-красный цвет); во внутренней планировке дома следует отметить наличие «козино» в форме высокого шкафчика.

В качестве подзоны мы выделяем калевальскую, характеризующуюся, если взять только жилые постройки, одно- или двух-фасадным домом на низком подклете, техникой рубки углов «в охряпку», наличием в печи камелька (piisi), своеобразной кон-

⁶³ Такое же сооружение, как нам сообщил В. В. Пименов, имеется у оятских вепсов в дер. Надпорожье.

струкцией потолка со скатами, довольно резким отличием от южных карел во внутренней планировке и убранстве избы, при сохранении общих черт, присущих всем карелам. Калевальская, или северо-западная, подзона точно локализуется, она охватывает северо-западную пограничную часть Кемского и Сегежского районов.

Вторая подзона — приморская. Она расположена в северо-восточной части Карелии, в общем соседствуя с заселенным русскими Карельским поморьем, а частью выходя на побережье. Планировка построек здесь отличается особенным разнообразием, однако исходной формой построек все же является четырехстенный сруб, к которому по мере надобности и возможности пристраивались жилые и хозяйственные строения. Как правило, дома здесь почти все с мезонинами, однорядная связь избы с двором сочетается с открытой застройкой. Весьма типично для этой подзоны наличие по всем деревням деревянных тротуаров, ведущих к домам.

Южнокарельская зона характеризуется, помимо отмеченных выше специфических черт в облике поселений, избыю на высоком подклете (чаще всего это пятистенок) с 3—5 окнами по главному фасаду, богатым архитектурным декором, однорядной и L-образной связью хозяйственных и жилых помещений, находящихся под одной крышей, наличием взвоза, некоторыми особенностями во внутренней планировке — устье печи направлено к боковому фасаду, невысокий ящик (каржина) служит входом в подполье и т. п.

В пределах южнокарельской зоны следует выделить в особую подзону территорию олонецких ливвиков, для которой типичны дома-пятистенки со связевой или боковой избыю, взвоз со стороны лицевого фасада, а во внутренней планировке — полати, прямое (устьем к лицевому фасаду) положение печи и проч.

В качестве второй подзоны мы выделяем шуйскую (людиковскую), для которой характерен пятистенок с однорядной связью и со взвозом с боковой или фронтовой стороны сарая, двор на столбах, боковая ориентировка устья печи и т. п.

Как можно видеть, перечисленные различия довольно существенны. Подобные же различия нетрудно обнаружить не только в жилых, но и в некоторых хозяйственных постройках. И хотя наша локализация отдельных типичных этнографических особенностей пока что не может претендовать на полную точность, равно как и каждая из отмеченных особенностей имеет различный возраст и разную этноопределяющую ценность, все же нет сомнения в том, что в общем выделение указанных ареалов совпадает с реальным этнолингвистическим делением карельского народа и таким образом способствует выявлению тех культурных компонентов, на основе которых происходило его сложение.

Глава четвертая

ПИЩА И УТВАРЬ

Одной из сторон материальной жизни народа является производство продуктов и организация питания, а также способы приготовления пищи. Основными пищевыми продуктами у карел служили и служат злаковые растения: ячмень (с. к., люд. *ozga*; ливв. -*u*), рожь (с. к., ливв. *guis*; люд. *gugiž*), овес (с. к. *kaakra*; люд. *kagr*; ливв. -*u*). Пшеница в дореволюционной Карелии выращивалась в небольших количествах, и только в южной ее части (Олонецкая равнина); в основном же она была привозной. Из бобовых выращивали горох (*herneh*). Пшено и манную крупу покупали. Наибольшим распространением в прошлом пользовались ячменная мука и крупа.

Зерно мололи на водяных мельницах. В домашних условиях для размола зерна пользовались жерновами (с. к. *käsikivi*; люд., ливв. *käzikivi*) или деревянными ступами (с. к. *huuhmar*; люд. *humbar*; ливв. *huhmari*). Ручные жернова имелись почти в каждом доме и находились в подполье или в сарае в одном из углов. По своему виду и устройству они не отличались от ручных мельниц других народов: русских (жернов), финнов (*käsikivet*, *jauhinkivet*), вепсов, коми-зырян (изки), марийцев (вакш).¹

С помощью ручных жерновов получали муку, а также крупу из ячменя, овса и ржи. Для получения крупы верхний жернов приподнимали, увеличивая расстояние между камнями. От расстояния между жерновами зависело качество размола крупы: чем оно было больше, тем крупнее получалась крупа. В южной

¹ Т. Vuorela. *Kansatieteen sanasto*. Helsinki, 1958, стр. 27; В. Н. Белицер. *Очерки по этнографии народов коми XIX—начала XX в. М., 1958, стр. 225; Т. А. Крюкова. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956, стр. 22.*

Карелии для размола крупы применялись жернова-крупорубки, сделанные из березы. На их соприкасающиеся поверхности набивались железные пластинки, которые способствовали перемалыванию зерна.

Деревянные жернова были распространены издавна в основном у южных карел. Точно датировать появление жерновов мы не можем. Упоминание о находках жерновов на Карельском перешейке мы находим у Т. Швиндта.² Г. Р. Державин в «Поденной записке» тоже упоминает о жерновах, «коими (карелы, — Р. Т.) ежедневно мелют потребное для пищи».³ Однако остается неясным, каковы были эти жернова — каменные или деревянные? В XX в. карелы пользовались только каменными, а деревянные жернова, хотя кое-где и сохранялись, уже не использовались.

Для домашней обдирки круп применялись больше деревянные ступы. Ступы делались различных размеров — от 1 м до 0.5 м высоты и меньше. От соснового бревна, выбранного для изготовления ступы, отрубали топором (позднее отпиливали) чурку, снимали кору, сердцевину выжигали раскаленными углями и выскабливали специальными скребками. При толчении в ступах пользовались пестом (petkel') — толстой деревянной палкой, более тонкой по середине, чтобы удобнее было держать в руках. На один из концов песта насаживался металлический наконечник, чтобы зерно лучше толклось. Аналогичные ступы бытовали у ряда народов: финнов, вепсов, ижор, води, русских, башкир, коми, удмуртов, эстонцев.

С древнейших времен в питании карел важное значение имела рыба (kala). Рыбу употребляли в пищу в самых разнообразных видах: свежую, вареную, соленую, жареную, сушеную, запеченную в пирог, слегка подсоленную. В северо-западной Карелии имела и имеет распространение рыба особого засола, «с душком» (kevätkala, букв. 'весенняя рыба'). Рыба с душком широко распространена у финнов, саамов, хантов, манси, коми-зырян и некоторых других северных народов. Однако способ засолки рыбы у карел своеобразен: рыба не доводилась до студенистого состояния, как это практиковалось у коми.⁴ У карел такая рыба оставалась твердой, сохранившей свою форму. В районе Калевалы обычно говорили о качестве kevätkala так: «Если возьмешь за хвост рыбу, и она не гнется, значит она хорошего засола».

² Th. Schwindt. Tietoja Karjalan rautakaudesta. Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. XIII. Helsinki, 1893, стр. 201.

³ Г. Р. Державин. Поденная записка. Прилож. к кн.: В. В. Пименов, Е. М. Эпштейн. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958, стр. 178.

⁴ В. Н. Белицер. Очерки по этнографии. . . , стр. 226, 227.

Способ квашения рыбы у финноязычных народов восходит к глубокой древности. У большинства северных народов издавна рыбу, а иногда и оленье мясо в жаркое время года хранили в естественных «кладовых» — ямах, вырытых в земле. В северной Карелии ямы делали овальной формы, стенки и дно их выстилали берестой. Саамы обкладывали стенки ям бревнами и камнями, а дно — хворостом, на который укладывали мясо оленя или рыбу, завернутые в бересту. Коми-зыряне после массового забоя часть оленьего мяса, немного подсолив, складывали в бочки, которые зарывали «в тундру». Мясо таким образом сохранялось до следующего лета. Такие же ямы для рыбы были известны и венграм.⁵ Естественно, в этих «кладовых» рыба и мясо не могли сохраняться долго и начинали портиться. Финский исследователь И. Маннинен считает, что к «запаху» испорченной рыбы и мяса настолько привыкали, что стали считать его необходимым явлением.⁶

В северной Финляндии, у саамов и северных карел рыбу с душиком считают вкуснее свежей.⁷ Северные карелы верили, что такая рыба полезна: «от нее зубы (десны, — *Р. Т.*) становятся крепче».

Рыбу солили следующим образом. Приготовленную к солению рыбу разрезали, потрошили, мыли и всыпали во внутрь соль. Обычно на пуд рыбы полагалось 3—4 фунта соли. Посоленная рыба складывалась в кадку рядами и снова пересыпалась солью в небольшом количестве. Для засолки употребляли особого рода кадки конусообразной формы. Их делали из соснового или елового дерева; сосновые кадки считались лучшими. Рыбу в кадках ставили на целое лето в амбары. Простояв целое лето в тепле, несмотря на изрядную просолку, рыба начинала издавать неприятный запах. В Реболах и окружающих деревнях кадки с рыбой закапывали в «болотистую землю» и оставляли там до осени. По всей вероятности, это был наиболее древний способ получения рыбы с душиком.

Большая часть карел все-таки предпочитала есть рыбу без душика. В южной Карелии весеннюю рыбу совсем не ели.

Кроме приготовления рыбы с душиком, карелы солили ее обыкновенным способом: укладывали рядами, обильно пересыпая солью. Солили сига, щук, окуней, лещей, подлещиков, язей, плотву, судаков и ряпушку. Про лосося и палю говорили, что «они и так соленые, намекая на их розовое мясо».⁸

У карел была распространена и сушеная рыба. Предназначенную к сушке рыбу летнего улова мыли; чистили (потрошили) только рыбу покрупнее, а про мелкую говорили, что «все нутро

⁵ Suomen suku, osa III, стр. 142.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 143.

⁸ В. М а й н о в. Поездка в Оболенье и Корелу. Спб., 1877, стр. 93.

у нея высохнет». ⁹ Затем всю приготовленную рыбу на ночь на противнях ставили в истопленную печь, закрывали заслонкой и просушивали ее часов двенадцать. Хранилась такая рыба в сухом месте около года и по своему вкусу, если только она предварительно была выпотрошена, не уступала свежей (невыпотрошенная рыба имела горьковатый вкус). Рыбу зимнего улова не сушили.

В северной Карелии из сушеной рыбы делали муку, которую в голодное время подмешивали в уху. Мука из рыбы имела распространение и у саамов, хантов, финнов, но в более ранние периоды их истории.

Карелы употребляли и вяленую рыбу. Вялили мелочь — корюшку, мелкую плотву и окуней на открытом воздухе, нанизывая на веревку и подвешивая под крышей дома или амбара. Копчение рыбы, в отличие от финнов, карелам не было известно.

Из покупных сортов рыбы имели распространение сельдь и треска.

В прошлом северные карелы употребляли в пищу рыбий жир (с. к. *kalanrašva*; люд. *kalanrazv*; ливв. -u), который, по-видимому, до появления у них животноводства заменял животное масло. У саамов, хантов и манси слово *voi* 'масло' означает рыбий жир. ¹⁰ Карелы, коми-зыряне, саамы вытапливали рыбий жир из внутренностей крупной рыбы. В XIX в. его добавляли в поило для скота.

Мясо (*liha*) в питании карел в прошлом играло небольшую роль. В обычные дни оно было доступно только зажиточным крестьянам, бедняки чаще ели рыбу. В пищу шло главным образом мясо коров и овец, а у олонецких карел — свиней. Птицеводство было развито очень слабо, и только у южных карел, зато боровая дичь имела существенное значение в питании населения.

У карельского народа бытовали запреты на употребление в пищу мяса некоторых животных и птиц. Никогда не ели конины, некоторые — медвежатины, считая медведя оборотнем человека, зайчатины — потому что «лапа у зайца собачья»; ¹¹ грехом считалось есть мясо молодого теленка. «Паданские карелы не употребляли в пищу свиного мяса, из дичи — кур и петухов, так как считали их нечистыми». ¹² Яйца лесных птиц в пищу карелами не употреблялись. «Карел не ест зайца, считая его нечистым, не ест курицу, и куриные яйца ест только на пасху», — писал в начале текущего столетия М. А. Круковский. ¹³ Из дичи не только не ели мясо лебедя (с. к. *joušep*; люд., ливв. *jowšen*), но даже боялись убивать эту птицу, думая, что лебедь — это превращен-

⁹ Там же, стр. 94.

¹⁰ *Suomen suku, osa III*, стр. 144; Ср.: I. T a l v e. *Kansanomaisen ruokatalouden alalta*. Suomi, 109: 4. Helsinki, 1961, стр. 12.

¹¹ А. М. Линеvский. Карелы. СЭ, V, 1941, стр. 102.

¹² Д. К. Зеленин. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР. СЭ, V, 1941, стр. 117.

¹³ М. А. Круковский. Озерный край. СПб., 1904, стр. 54.

ная женщина, и если ее убить, значит «несчастье себе нажить».¹⁴ У поморов было такое же отношение к лебедю. М. Пришвин писал об этом в своей книге «В краю непуганых птиц».

По всей вероятности, прав С. Гадзяцкий, утверждающий, что лебедь, медведь и ряд других животных были тотемными животными предков карел.¹⁵ Эту мысль подтверждают и петроглифы Карелии.

На севере Карелии в районе Калевалы в XIX в. употребляли в пищу кровь некоторых животных: оленей, лосей, иногда коров. Ее пили свежей или замешивали на ней тесто и пекли лепешки. Кровь животных, по рассказам стариков, ценилась дорого, она «прибавляла силы», способствовала укреплению десен. Подобное употребление в пищу крови характерно для саамов. Вполне возможно, что карелы восприняли этот обычай от них.

Карелы вялили мясо (люд. päivöil' paistettu liha; ливв. ahavoidu liha). Особенно часто подобное мясо использовали в пищу на лесозаготовках и сплаве, а также во время посевных и сенокосных работ. Вяленое мясо хорошо было тем, что могло долго храниться. Олонецкие карелы чаще вялили свинину, а северные — оленину. Это делали так. Вначале мясо солили в бочках, а затем при первых морозах вывешивали на чердаке дома или на стене бокового фасада, куда еще при постройке дома вбивали специальные деревянные или железные крючки. Вывешенное мясо прикрывали старой рыболовной сетью, чтобы его не клевали птицы. К лету оно бывало готово. Аналогичный способ вяления мяса известен восточным финнам¹⁶ и некоторым другим народам.

Молоко (с. к. maito; люд., ливв. maido) и молочные продукты в питании карел занимали и занимают значительное место. В пищу шло исключительно коровье молоко, так как козоводство получило распространение только в конце 30-х годов текущего столетия. Оленье молоко карелы в пищу не употребляли (в отличие от саамов, которые доили оленей и пили молоко).

Молоко доили в деревянный подойник (с. к. lüpsürenki; люд. lüpsviedr; ливв. lüpsinrengiine), причем в южной Карелии имел распространение деревянный подойник без крышки с берестяной или железной дужкой, а в северной ее заменяла деревянная крышка с ручкой, крышка в свою очередь закреплялась небольшим клином, вставлявшимся в ушко подойника. Молоко сливали в глиняные горшки с широким горлом. На севере Карелии (район Тунгуды) ввиду недостатка глиняной посуды молоко держали в берестяных сосудах.

¹⁴ В. Майнов. Поездка в Обонежье. . . , стр. 308; ср.: М. Пришвин. В краю непуганых птиц. Петрозаводск, 1957, стр. 30—32.

¹⁵ С. Гадзяцкий. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941, стр. 3.

¹⁶ Suomen kulttuurihistoria. Helsinki, 1934, стр. 20; Ср.: I. Talve. Kansanomaisen. . . , стр. 30, 32.

Кроме молока и простокваши, употребляли в пищу творог, который делали из снятой простокваши, запаривая ее в глиняных горшках в истопленной печи. Сыворокку из-под творога пили вместо кваса, а творог складывали в деревянную кадку. Карелы-людики творог сушили и ели со свежим молоком.

Сыроварения карелы не знали и не знают. Лишь у тверских карел имел и имеет распространение домашний сыр (*muigie maido* букв. 'кислое молоко'). Готовится он так. С весны хозяйка собирает творог в деревянную кадку с дырочкой сбоку. В течение лета творог периодически промывают водой. После промывки воду выливают, а сверху на творог ставят гнет. Осенью кадку с творогом переворачивают на бок, чтобы стекла оставшаяся там вода. Затем паренным в печи пресным молоком заливают содержимое кадки, перемешивая 2—3 раза, и снова дают жидкости вытечь. Едят сыр зимой. Перед подачей на стол в небольшое количество этой массы добавляют кипяченой воды, сахарного песка (некоторые — соли), делают массу жидкой и едят, как правило, вечером с вареным картофелем и сметаной.

Вплоть до 40-х годов текущего столетия у карел сохранялся обычай употреблять в пищу молоко от первых удоев — молозиво (с. к. *juustomaito*; люд., ливв. *pihkumaido*, *enzimaido*). Выдоенное молозиво сквашивали и в горшках ставили в печь, где оно спекалось, образуя густую массу, которую затем вынимали из горшка, резали на куски и ели, запивая пресным молоком. Но такие «булки» любили немногие карелы.

Наряду с пресным молоком карелы ели простоквашу (с. к. *viili*, *prostokissa*; люд. *haraimmaido*; ливв. *haraimmaido* букв. 'скисшее молоко'), которая была обязательным блюдом к обеду. Такая же простокваша (так называемая комковая) имеет распространение у финнов на востоке Финляндии.¹⁷ Простоквашу чаще ели вместе со свежим молоком. Кроме того, ее широко использовали для приготовления теста. Простоквашу ели снятую (без сметаны), а сметану снимали деревянной ложкой в особую глиняную миску или деревянную кадку и, накопив нужное количество, сбивали из нее масло (*voi*) мутовкой в глиняном горшке. У зажиточных крестьян, преимущественно в западной части Карелии, имелись маслобойки — деревянные сосуды цилиндрической формы со стержнем, на конце которого укреплялся деревянный круг наподобие поршня, сбивающий масло. Хранили масло в небольших деревянных кадках. В настоящее время большинство семей имеет сепараторы. В прошлом сливочное масло с хлебом карелы, исключая кулацкую верхушку, почти никогда не ели. Люди пожилого возраста по привычке не употребляют сливочное масло и теперь. Масло шло в пищу в перетопленном виде как приправа к куша-

¹⁷ К. В и л к у н а. Этнографические области. В сб.: Финляндия. М., 1953, стр. 290.

ням. Перетопленное масло употребляли с картофелем, сваренным в мундире, и с кашей. Сметана шла встряпню, ее ели также в растопленном виде с вареным картофелем, с кашей-загустой и т. п.

Много упорного труда тратило население Карелии на производство сельскохозяйственных продуктов, и в первую очередь зерновых. Скучная каменистая почва не давала богатых урожаев, кроме того, большой опасностью для созревающего урожая были ранние летние заморозки, которые зачастую губили весь хлеб на корню. Хлеб был любимым и необходимым пищевым продуктом у карел до революции. Пекли его женщины из ржаной и ячменной муки. Но карельская беднота почти никогда не ела чистого хлеба, а подмешивала в муку различные суррогаты, которые употреблялись карелами еще в далеком прошлом. Отражение этого мы находим в «Калевале»:

А пастух берет хлеб черствый
И сухую корку гложет,
Овсяной грызет он хлебец,
Хлеб с мякиной разрезает.
Хлеб съедает из соломы,
Хлеб жует с корой сосновой.¹⁸

Об этом же писал Г. Р. Державин: «Лопляне убогие едят хлеб, сделанный из сосновой коры или из соломы, и питающиеся оным пухнут и кажутся дородными, в самом же деле слабосильные. Хлеб из сосновой коры следующим образом готовится: по снятии коры, очищают оной поверхность, сушат на воздухе, жарят в печи, толкут и прибавляют муки, замешивают тесто и пекут хлеб. Хлеб из соломы: берут и рубят пamelко концы колосьев и солому, сушат, толкут и мелют, присыпают мукой и приготавливают хлебы. Осенью пекут лепешки из так называемой травы векхи. Сия растет около малых ручьев, корень ее толщиной с мизинец, длиною же иногда и до 12 вершков; лист их подобен березовому, но токмо на концах имеет наподобие сосновых шишек, и ежели — оные покраснеют, то значит перезрели и корень в пищу бывает негоден, ибо употребляют его до тех пор, пока и лист еще не растет. Вырыв оный на сходе с полей снега, сушат, толкут, бьют мутовкою, прибавляют сосновой муки и пекут из теста сего зеленые, вкусом горькие лепешки».¹⁹

Аналогичное сообщение о пище карел имеется и у других исследователей Карелии, в том числе и у Г. Дашкова, побывавшего

¹⁸ Калевала. Карело-финский эпос. Петрозаводск, 1956, руна 33, стр. 227.

¹⁹ Г. Р. Державин. Поденная записка, стр. 177.

в 1840 г. в средней Карелии: «Крестьянский обед — рыба да лепешки, перемешанные с древесной корой, составляют обыкновенное кушанье крестьян, даже зажиточных. Мне случалось быть в самых отдаленных местах дикой Карелии. Там по дорогам верстовых столбов нет, а всегда можно знать, как близко селение по обнаженным соснам, с которых снята кора жителями для употребления в пищу. Чем ближе к селению, тем больше таких деревьев».²⁰

Заготовка коры (pettu) производилась весной. С дерева осторожно соскребали верхний слой коры, оставляя нижний, светло-коричневый, который разрезали затем роговым скребком²¹ вдоль дерева, предварительно сделав два кольцеобразных надреза вокруг ствола на расстоянии около метра один от другого, и затем снимали длинные узкие полосы коры, вернее новый образовавшийся слой древесины. Полосы коры сушили дома в горячей печи, чтобы удалить горьковатый смолистый привкус. Когда кора становилась совсем хрупкой, ее ломали на мелкие кусочки и толкли в большой деревянной ступе, а затем на ручных мельницах перемалывали в светло-коричневую сосновую муку.²²

Эту массу из коры подмешивали к муке в разных количествах — в зависимости от благосостояния хозяйства. Иногда у бедняков соотношение муки и сосновой массы бывало 1 : 1 и даже 1 : 3. В период острых голодовок бедняки делали лепешки из одной сосновой коры, которую замешивали на кислом молоке, разбавленном водой. Эти лепешки имели темно-коричневый цвет, на вкус сильно отдавали смолой. Когда муки не было, из сосновой коры готовили на молоке «кашу» и ели ее вместо хлеба.²³

Иногда муку делали из березовой коры, обрабатывая ее таким же способом, как и сосновую. Добавляли в хлеб и ячменную солому, которую просушивали и толкли в деревянной ступе пестом, а затем перемалывали на ручных жерновах вместе с рожью, в соотношении 1 : 4. Этим суррогатом пользовались реже, так как он был грубее сосновой муки, да и соломы было недостаточно. К муке иногда примешивали мох, но так как на его обработку требовалось больше времени, крестьяне использовали его очень редко. Позднее в тесто стали добавлять картофель.

Конечно, описанные нами суррогаты теперь остались лишь в памяти стариков, отойдя безвозвратно в далекое прошлое.

²⁰ Г. Д а ш к о в. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1842, стр. 72.

²¹ «Скребок представлял собой инструмент из оленьего рога длиной в 20—30 см, по форме он напоминал ручку, несколько изогнутую и на конце расщепленную лопаточкой, заточенной с двух сторон» (Л. Л. К а п и ц а. Материалы для этнографической характеристики Кондокского и Вокнаволоцкого районов северо-западной Карелии. Карельский сборник, Л., 1929, стр. 29).

²² Там же.

²³ В. М а й н о в. Поездка в Обонежье. . . , стр. 253.

Карелы пекли хлеб в основном кислый, т. е. замешанный на закваске. В прошлом в бедных семьях, экономя муку, хозяйки пекли пресный хлеб, который, безусловно, был известен карелам раньше, чем кислый. Хлеб пекли в русской печи обычно на целую неделю. Тесто приготавливали в квашне (с. к. taikina; люд., ливв. taigin) — деревянной или глиняной кадушке, размеры которой определялись численностью семьи. В печь хлеба сажали на лопате (с. к. lapiе; люд. labid; ливв. labju) прямо на под, который предварительно чисто выметали помелом (с. к. havu; люд., ливв. havvu) из еловых или сосновых веток. Хранили хлеб в подполье или в кладовке.

Если на большей части карельской территории выпекали, как и в соседних русских областях, хлеб круглой формы (каравай), то в некоторых местностях наряду с ним приготавливали хлеб своеобразного облика — reikäleirä или loukkuleirä букв. 'хлеб с дыркой', особый вид хлеба, в прошлом имевший широкое распространение только в северной Карелии, преимущественно в волостях, граничивших с Финляндией.

Reikäleirä пекли из ржаной или ячменной муки. По форме он напоминал лепешку диаметром 20—25 см, в середине которой делали дырку стаканом или чашкой (отсюда и название). В печи такой хлеб держали 30—40 минут, затем вынимали, обрызгивали водой и выносили на чердак или в амбар — на мороз, где подвешивали под потолком на специальных жердях. Reikäleirä пекли в марте или апреле, когда еще бывали морозные дни. После промораживания такой хлеб мог сохраняться длительное время. Но хранили его уже в избе, под потолком у печи на жерди. Такой способ изготовления хлеба был известен карелам еще в XIX в., но позже секрет промораживания был утрачен, поэтому reikäleirä стали печь в любое время года, лишь высушивая его в избе. Reikäleirä брали с собой, когда шли на работу, в лес, на охоту, на сенокос и т. д.

Сухой лепешкообразный хлеб (reikäleirä) имел распространение в западных областях Финляндии, а также в Швеции, где его называли кнакебрёд.²⁴ По всей вероятности, этот вид хлеба был воспринят финнами у шведов, а карелы в свою очередь позаимствовали его у финнов.

Помимо хлеба, карелы пекли из муки много других кушаний — различные пироги, блины и проч.

²⁴ К. В и л к у н а. Этнографические области, стр. 289; Е. Н. В о д о в о з о в а. Жизнь европейских народов, т. II. Жители Севера. СПб., 1889, стр. 477.

Коротко остановимся на некоторых видах кулинарных изделий и блюд из муки.

Колобы (с. к. šapki; люд. kolb, ливв. püöräkkö, pägräccü) — это небольшие круглые лепешки из кислого теста со слоем картофельного пюре, толокна или пшенной каши сверху. Колобы известны карелам КАССР, тверским карелам, а также русским Севера, коми, вепсам и др. Пекут их в обычные и праздничные дни. Едят с ухой, супом и с чаем.

Широкое распространение у карел в прошлом, а у тверских и в настоящее время имели мучники (с. к. taikinariina; люд. mušnikk; ливв. mušneikku). Для изготовления этого пирога брали тесто, приготовленное на выпечку хлеба, кроме того, растворяли другое тесто, немного пожиже первого. Густое тесто раскатывали скалкой в круглый сканец, затем на него клали немного жидкого теста, края защипывали и пекли в печи; получалась мягкая «булка». Пекли мучники обычно в воскресные дни. В настоящее время тверские карелы пекут такие булки из пшеничной муки, а в тесто кладут сметану, растопленное масло.

Калитки (с. к. kalitta; люд. kal'itt; ливв. širainiekku) делали из пресного теста, круглой, четырехугольной или удлиненной формы, замешивая на молоке или воде густое тесто из ржаной муки. Тесто разделявали на тонкие сканцы, которые запекали в печи у устья на углях, а затем начиняли картофельным пюре, пшенной или ячневой кашей и защипывали с краев. Ячневую крупу на ночь замачивали в простокваше с небольшим количеством разогретого топленого масла, так что к утру она становилась мягкой и слегка кисловатой на вкус. Сверху калитки смазывали сметаной и пекли 10—15 минут на подду, после чего еще раз смазывали, теперь уже растопленным маслом. Калитки, как правило, пекли в воскресенье, а также по праздникам. Они очень широко распространены во всей Карелии и в настоящее время, часто заменяют хлеб. В праздники картофельные калитки подаются, кроме того, к ухе.

Рыбник (с. к. kalakukko; люд. kurnikk; ливв. kurheikku от русского слова «курник») — рыбный пирог. Для него употреблялась обычно крупная рыба — окунь, щука и др. Рыбу потрошили (у щуки счищали и чешую), мыли и заворачивали в кислое ржаное тесто, придавая форму прямоугольника. В печи такой пирог держали долго. Срезанная верхняя корочка заменяла хлеб. Рыбники были распространены на всей территории Карелии — у вепсов, русских (поморов, заонежан, пудожан), — народов коми, восточных финнов-суоми. Пекли их в будничные и праздничные дни, подавали на свадьбах, на поминках. Финский исследователь Т. Вуорела ошибочно относит термин «рыбник» не только к пирогам с рыбой, но и с мясом, репой, картофелем и ягодами.²⁵

²⁵ Т. Вуорела. Suomensukuiset kansat. Turku, 1961, стр. 79.

У карел рыбником называли только пирог с рыбой, а все остальные изделия, перечисленные Т. Вуорела, имеют свои названия (kulebäkk, nagrišpiirai, kartfel'piirai, marjapiirai).

Из праздничных печений у карел наиболее широко распространены были сочни и блины. Сочни (sul'čina) являлись традиционным праздничным блюдом. Они приготавливались из ржаной или ячменной муки и замешивались обычно на кислом молоке. Из густого теста раскатывали скалкой и делали круглые сканды одинаковых размеров, которые выпекали на углях на решетке печи и обильно смазывали маслом. Перед едой начиняли жидкой кашей из ячменной крупы, сваренной на молоке. Сочень вместе с начинкой свертывали в трубочку и опять смазывали маслом.

Многие финские исследователи называют sul'čina характерной национальной выпечкой карел. То же отмечает и Т. Вуорела, но его описание изготовления сочней скорее напоминает изготовление «пряженных» пирогов (по-карельски keitel'tü piirai букв. 'вареные пироги').²⁶

Блины овсяные (kakkaга), можно думать, весьма древнее блюдо у карел. Кстати сказать, они упоминаются в карельских эпических песнях.²⁷ Готовили их так. На молоке замешивали кислое жидкое тесто, из которого на несмазанной маслом сковороде пекли тонкие блины, начиняли их пшеничной или ячменной кашей, обильно смазывая маслом (карелы-ливвики такие блины называли šuroi). Блины ели также и без начинки, с растопленной сметаной или ягодами. В этом случае они назывались у ливвиков vällei.

Иногда несколько блинов с кашей запекали вместе, тогда это изделие называлось русским словом «косовик». Косовик (люд. kosovik, kosiipiirag; ливв. kosoipiirua) пекли по праздникам. Толкли вареный картофель и смешивали его с мукой, из такого теста раскатывали большую полукруглую лепешку, на которую укладывали 6—7 свернутых пополам блинов, каждый покрывая слоем пшенной каши. Закрывали пирог такой же лепешкой, которая была снизу, защищивали края и пекли. Получался пирог полукруглой формы, ели его горячим.

Разновидностью оладей у карел были так называемые haroi. Пекли их из ячневой муки. От блинов они отличались тем, что делались меньше размером, но толще. В тесто, кроме простокваши, добавляли топленое масло, сметану — «чтобы были мягче».

В пост пекли пироги с гороховой начинкой (с. к. hernehkukko; люд., ливв. hernehkokoi) или с начинкой из овощей, ягод, грибов и т. п. Их готовили из кислого теста, но тесто растворяли жиже, чем для хлеба. Небольшую лепешку начиняли вареным горохом

²⁶ Там же, стр. 78.

²⁷ В. Я. Евсеев. Исторические основы карело-финского эпоса, кн. I. М.—Л., 1957, стр. 94.

или горохом с толокном, закрывали такой же лепешкой, края теста защищывали, получался пирог, по форме напоминающий рыбник.

Излюбленным лакомством у карел были бублики, которые покупали обычно на ярмарках.

Из жидких блюд у карел имели распространение супы и похлебки (с. к., люд. *gokka*; ливв. -п). Интересно, что все виды супов, а также уха известны карелам под этим названием, только перед словом *gokka* прибавляется название того продукта, из которого он приготовлен (*kalarokka* 'уха', *liharokka* 'мясной суп', *kartofeirokka* 'картофельный суп'). Слово это очень древнее. Коми-зыряне и удмурты словом «рок» называют мучную кашу, у ливов каша известна под названием *sāndrok*, у финнов *gokka* 'гороховый суп', а остальные похлебки известны под названием *lieini*, *soora*.

Наиболее распространенным видом похлебки у карел была рыбная уха (*kalarokka*), сваренная из свежей, сушеной или соленой рыбы. *Kalarokka* варили из различной рыбы, при этом мелкую рыбу клали с чешуей (за исключением щуки). Варили уху на воде с солью, без каких-либо приправ. Иногда в уху подбалтывали немного муки. О такой ухе писал Г. Р. Державин: «Рокка (похlebка), всеми тамо весьма любимая, следующим образом готовится: вскипятя воду, кладут рыбу, бросают потом ржаной, ежели ся нет — сосновой муки, варят и поставляют па стол».²⁸ Варили уху и с картофелем. Широкое распространение у северных карел имела уха, сваренная на молоке. Молочную уху варили только из ершей и лишь по большим праздникам. Такое блюдо характерно для финнов-суоми и части эстонцев. Тунгудские карелы варили уху с яйцом: из ухи вынимали на тарелку рыбу, разбивали яйцо и выливали его в кипящую уху.

Весьма распространенным блюдом по всей территории Карелии был суп из сущика (сушеной рыбы). Его варили с картофелем или мучной подболткой, но последнее характерно большей частью для северных карел. Суп из сущика ели и горячим, и холодным.

Уху из кисло-соленой рыбы варили так же, как из свежей. Если же готовили уху из плотвы, то в кипящую уху бросали 2—3 березовых уголька, чтобы уха не горчила.

Ели сначала уху, а затем рыбу, которую подавали в общей большой тарелке. В прошлом уху ели деревянными ложками из общей миски, а рыбу руками. В конце XIX—начале XX в. почти в каждой семье, не исключая самых бедных, имелись вилки, но пользовались ими лишь в праздничные дни, когда в доме были гости. Если уху варили в лесу или на рыбалке, то иногда при отсутствии посуды котлом служил тут же сделанный берестяной короб. В этом случае воду в короб наливали до краев.

²⁸ Г. Р. Державин. Поденная записка, стр. 177, 178.

Мясной суп варили обычно зимой из свежего лосиного мяса, оленины, изредка баранины, говядины, а также из соленого и вяленого мяса этих животных. Мясной суп также заправляли картофелем и мучной подболткой.

Картофельный суп был распространен большей частью в северной Карелии. Его варили на молоке. В наше время, кроме картофеля, стали добавлять морковь, свеклу, капусту и другие овощи. Такой суп часто заправлялся мукой.

Варили суп и из репы (*lohko*). Утром чистили репу, нарезали мелкими кусочками и ставили в печь. Из готовой репы сливали отвар, толкли ее, вновь заливали отваром и, добавив немного жидкого теста, ставили в печь до обеда. Ели *lohko* как суп, ложками. В постные дни из репы готовили холодную похлебку (*nagrišrokka*). Для этого репу пекли на углях в печи, снимали с нее корку, разрезали на ломтики, клали их в глубокое блюдо и, добавив ложку соленых волнушек, заливали хлебным квасом. Ели с хлебом.

Щи из свежей капусты известны были только олонцеком карелам, так как до революции в Карелии капусту выращивали только здесь, в то время как у тверских карел щи (*puat't'irokka*) были широко распространены. Кроме зеленых листов свежей капусты, в щи клали лук, картофель, забеляли сметаной.

В голодные годы, когда не было ни рыбы, ни мяса, карелы варили суп из соленых грибов (с. к. *šienirokka*; люд. *šieňrok*; ливв. *sienirokku*). Соленые грибы, одну картофелину, лук и воду ставили в печь, добавляли в суп подсолнечного масла.

Супы и похлебки у карел употреблялись не только как первые блюда на обед, их подавали и на завтрак, и на ужин. Нередко похлебка бывала единственным блюдом на столе. В праздничные дни, несмотря на бедность, карельские женщины, проявляя максимум изобретательности, готовили к обеду две или три перемены кушаний.

Из вторых блюд наибольшее распространение имели каши (люд. *kuušš*, *hutt*; с. к., ливв. -*u*), которые занимали важное место и в обрядовых трапезах, что свидетельствует о древности этого блюда у карел. Из местных круп варили овсяную и ячневую кашу. Для овсяной каши зерно предварительно пропаривали в печи, сушили и толкли в ступе. Из привозных круп любовью населения пользовались пшено, рис, гречневая и манная крупа, но их покупали редко и понемногу. В прошлом, например, даже пшенная каша считалась изысканным блюдом. Бедняки видели в ней деликатес и готовили только в праздничные дни.

Из рыбы на второе блюдо в северной Карелии делали запеканку; рыбу варили в молоке, добавив соли, сметаны, картошки. Ели с хлебом. Называлось это блюдо *žuařenčü kala* (букв. 'зажаренная рыба').

Мясо в качестве второго блюда использовалось карелами в прошлом сравнительно редко. Единственным способом его приготовления было за жаривание.

Широкое распространение у карел имели блюда из муки, например загуста (huttu). Ее готовили следующим образом. В кипящую воду бросали щепотку соли, густо заменяли мутовкой муку и держали на огне две-три минуты, а затем раскладывали по тарелкам и ели в горячем виде. По середине в загусте ложкой делалось углубление, куда наливали растопленное масло, сметану, подслащенную воду или ягодный сок. Зачерпнув с краю ложкой загусту, следовало взять немного и из середины. Любопытно, что в манере карел есть загусту имеется общее с эстонцами, которые едят так не только одну загусту, а все каши и у которых имеется даже специальная посуда для каши: сдвоенная тарелка, выточенная из одного куска дерева, посредине которой сделана маленькая мисочка для масла или сметаны.

Повсюду в Карелии в прошлом готовили кушанья из толокна (talkuna). Ели его с молоком, ягодами, позднее сахарным песком. Кроме того, толокно часто служило и служит начинкой к пирогам или калиткам. Из ржаной муки делали солод (imel'). В кипяченую воду засыпали муку, смолотую из проросших зерен ржи, и ставили на день в печь. Вечером солод ели в горячем виде с хлебом. Иногда сначала оставляли это негустое солодковое тесто киснуть, а потом уже ставили в не очень горячую печь доходить. Сейчас имель делают очень редко. Олонецкие карелы блюдо, подобное imel', называли idu. Похожее и по названию, и по способу приготовления кушанье (imel'tahtaz) бытовало у вепсов.²⁹ У других народов мы его не знаем. Впрочем, финны варили кашу из проросшего зерна (mämmi), а также пекли из солодового теста пироги (mämmikakku).³⁰

В большом употреблении у карел кисели: овсяный и гороховый известны издавна, а молочный и ягодный стали употребляться в пищу в советское время в связи с доступностью сахара.

Овсяный кисель варили из овсяных отрубей, которые предварительно замачивали в специальной кадочке, несколько раз отжимали и промывали и, наконец, из осевшей массы, начавшей уже немного бродить, варили на воде кисель. Горячий кисель разливали по тарелкам, давали ему остыть и только в холодном виде ели с молоком, растопленным маслом или подслащенной водой. Теперь овсяный кисель варят из овсяных хлопьев промышленного изготовления (геркулеса). Карелы очень любят такой кисель, он является традиционным блюдом на праздниках, свадьбах и поминках.

²⁹ Сообщено В. В. Пименовым.

³⁰ Suomen suku, osa III, стр. 150.

Следует заметить, что мучные кисели имели широкое распространение у многих народов. Овсяный кисель варили русские, эстонцы, удмурты, коми-зыряне, но в отличие от карел они ели его и в горячем виде. По всей вероятности, мучной кисель заимствован у русских: об этом говорит его название у всех финноязычных народов (например, у вешов *kisel'*, финнов *kiisseli*, эстонцев *kissell*, мордвы *ksel*, коми *киссель* и т. д.)

До Советской власти карелы употребляли в пищу очень мало овощей. Ассортимент их был невелик. Так, им издавна известна репа (с. к. *pakris*; люд. *pagriž*; ливв. *pagriš*). Акад. Н. Я. Озерецковский в конце XVIII в. отмечал, что репа была основной пищей олонечких карел. Из нее варили кашу, делали начинку для пирогов, готовили репный квас; как лакомство употреблялась пареная и подсушенная в печке репа (*ñäivöi*).³¹ Об этом же говорит и финский исследователь Т. Итконен, подробно описывая блюда, приготовляемые из репы.³² Карелам были известны также брюква, лук и (на юге Карелии) капуста. Олонечкие карелы широко использовали в пищу брюкву, варили из нее кашу, подсыпая туда немного крупы и сдабривая маслом; пекли пироги с начинкой из брюквы. Повсюду ели зеленый лук. Его клали в уху, в грибы, а также ели со сметаной, постным маслом и просто с солью.

Со второй половины XIX в. в питание карел широко вошел картофель (с. к. *potakka*; люд. *kartofci*; ливв. *kartohku*),³³ который в любом виде составлял и составляет обязательную принадлежность как будничного, так и праздничного стола. Картофель едят в самых разнообразных видах: вареным, жареным, печеным, кладут его в суп, варят картофельную кашу, употребляют как начинку для пирогов, а раньше добавляли в хлеб.

О фруктах карелы в прошлом не имели представления. Зато лесные ягоды очень широко употребляли в пищу. Из ягод, которыми изобилует Север, больше всего заготавливали впрок на зиму бруснику (с. к. *puola*; люд. *buol*; ливв. -u), ее замачивали, толкли в бочке и т. п. Иногда бруснику собирали вместе с вороникой (с. к. *kuagnehuš*; люд. *kuagnehus*) и толкли в бочке или ушате без добавления воды. Замороженную бруснику подавали к чаю, употребляли в качестве начинки для пирогов, ели, замешивая с толокном или ржаной мукой. Осенью собирали клюкву (с. к. *karvalo*; люд. *garbal*; ливв. *guarvalo*), которую также заготавливали на зиму в больших количествах и хранили в кадучках или коробах в амбаре или сенах. Из клюквы варили кисель, с клюквой пили чай. Летом собирали чернику (с. к. *mussikka*;

³¹ Н. Я. Озерецковский. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильмена. СПб., 1812, стр. 56.

³² Suomen suku, osa II, стр. 39, 40.

³³ М. Лениник. Названия картофеля в прибалтийско-финских языках. Тез. докл. Всесоюзн. совещ. по вопросам финно-угорской филологии. Петрозаводск, 1961, стр. 134.

люд. *mušt'oi*; ливв. *mustoi*) и малину (с. к. *malina*; люд. *vagarm*; ливв. *vavarno*), сушили и использовали в лечебных целях или варили, заготавливали впрок. Черника служила также начинкой для пирогов. Голубику (с. к. *juorukko*; люд. *düobukko*; ливв. *juamoi*) карелы не собирали, считая эту ягоду «нечистой»; по их мнению, «от нее болит голова». Сейчас ее собирают, но сразу же варят и едят. Иногда из нее делают напиток. Летом на севере Карелии очень много морошки (с. к. *hillo*; люд., ливв. *shuroi*), ее собирали и замачивали.

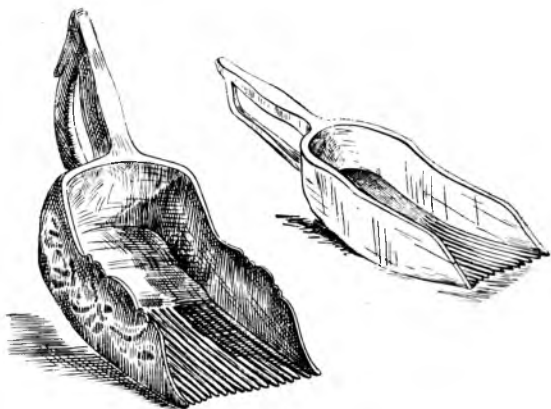

Рис. 21. Грабилки для сбора ягод.

Из фондов Института этнографии.

На зиму карелы в большом количестве заготавливали грибы (*šieni, griba*). Из губчатых грибов употребляются в пищу подосиновики (с. к. *huobaššu*; люд. *rusked griba*; ливв. *oravušku*), подберезовики и белые (с. к. *koivugriba*; люд. *valged griba*; ливв. *suogriba*). Летом их жарили в сметане и масле, срезая губчатую часть и употребляя в пищу только «мясо» грибов. Немногие сушили их и варили суп. Но главным образом карелы заготавливали и заготавливают рыжики (с. к. *vahvoni*; люд. *vahalaukk*; ливв. *-oi*), волнушки (*šieni*), грузди (с. к. *kruusi*; люд. *gruuz*; ливв. *-ni*). Их солят в больших бочках, чтобы грибы не горчили, отмачивают два-три дня в какой-либо посуде или просто в озере — в мешке. При засолке грибы мелко крошат. Едят их с вареным картофелем или просто с хлебом.

Карелы-людики предпочитали соленые грибы отваривать вместе с небольшим количеством сушеных. Ливвики, так же как и собственно карелы, как правило, ели соленые грибы не отваривая. В некоторых местах северной Карелии (Тунгуда) соленые грибы ели в подогретом виде.

В дер. Ругозере и ее окрестностях из грибов приготавливали нечто вроде каши (gribašeni). Сушеные грибы, соленые волнушки и рыжики мелко крошили, добавляли ячневой крупы и ставили в истопленную печь «париться». Такую кашу ели с картофелем, добавляя подсолнечное масло.

Грибы и ягоды собирали по преимуществу дети и старики. Но часто бывало и так, что ранней осенью в один из погожих дней крестьяне целыми семьями отправлялись на лодках или на лошади в лес за ягодами и грибами. В северной Карелии ягоды собирали специальными «грабилками» (kariika) — маленькими деревянными сопочками с зубцами (рис. 21). Для сбора грибов плели специальные кошелки из бересты. В каждой семье имелись берестяные корзины, лукошки, короба. Они были разной формы и размеров.

Трудно согласиться с А. М. Линевским, утверждающим, что употребление грибов карелам почти неизвестно.³⁴ Это не соответствует действительности. Соленые грибы были обязательным блюдом обеденного стола. Еще в XVIII в. Н. Я. Озерецковский, говоря о пище населения Шуйского погоста, писал: «. . . пища состоит из капусты, репы, гороха, разных ягод, волнух. . .».³⁵ Наши материалы тоже подтверждают это.

Из безалкогольных напитков у карел были распространены квас, чай, кофе; из алкогольных — вино и водка, а в древности пиво. В предреволюционное время популярными напитками у карел стали чай и кофе, но употребляли их не везде в равной степени. Если на юге Карелии любимым напитком населения был чай, то на севере, в частности в окрестностях Калевалы и Лоухи, отдавали предпочтение подсоленному кофе с молоком. Употребление кофе с солью известно в настоящее время финнам-ингерманландцам и финнам-суоми. В пограничной западной части района Калевалы, в Вокнаволокской, Войницкой, Каменозерской волостях, кофе пили в большинстве случаев только мужчины. Кофе покупали в Финляндии, так как там он стоил дешевле, чем в России.³⁶

Женская часть населения предпочитала пить крепко заваренный чай, который в карельских деревнях получил распространение в последней четверти XIX в. Тогда же появились и первые самовары. «Хороший, настоящий чай» стоил дорого и был досту-

³⁴ А. М. Линевский. Карелы, стр. 98.

³⁵ Н. Я. Озерецковский. Путешествие по озерам. . ., стр. 66.

³⁶ В конце XIX в. в Финляндии фунт кофе стоил 25 коп., а в России 60 коп. Такая разница в цене объясняется тем, что в Финляндии кофе не облагался ни подоходным налогом, ни таможенными пошлинами.

пен далеко не всем. Бедняки часто заваривали «чай» из сушеных цветов зверобоя. Кроме этого, заваривали высушенные листья и стебли малины, листья брусники, некоторые травы, березовый нарост; большим распространением пользовался фруктовый чайный напиток, который покупали в лавках. Часто в чай добавляли топленое молоко. В молоко, которое ставили «париться» в печь, клали бублик, чтобы оно стало гуще.

По праздникам заваривали крепкий чай. Сахар накальвали мелкими кусочками и употребляли очень экономно. Можно сказать, что бедняки пили чай «в приглядку».

Квас прежде готовили обычно из репы. Репу мыли и клали в котел, а затем ставили в истопленную печь париться. На следующий день ее вынимали из печи, добавляли воды и закваски («кислая вода»), а затем все сливали в деревянную кадку. Квас считался готовым для питья. В деревнях по р. Кеми репный квас делали без специального добавления закваски, а дожидались естественного сквашивания. Кислый сироп выливали в кадку с водой, приправляли ягодным соком и пили. Репный квас был одним из наиболее распространенных напитков бедного населения Карелии. В настоящее время его не делают.

Карелы готовили, правда, в меньшей степени, чем репный и хлебный, квас из солода и закваски (*taiginvezi*), взятой из квашни. Всей этой массе в течение 5—6 дней давали время «выходиться», и после оседания солода на дно квас считался готовым.

В начале XX столетия получила распространение брага. Ее приготавливали из овсяной муки, солода и сахара.

Карелы охотно пьют пиво заводского приготовления. Сами они теперь его не варят, но в прошлом пиво (*olud*) было хорошо известно героям эпоса «Калевала», а следовательно, и его создателям:

Pani ostraista olutta
Tuohon Paivolan pitoihin.³⁷

Пиво из ячменя варят
Для того пира Пяйвелы.

Пиво есть у нас и дома,
Пиво есть в еловых бочках,
За дубовой втулкой бродит.³⁸

Впоследствии традиция приготовления пива была утрачена почти повсюду, исключая только верхневолжских карел, которые в прошлом варили пиво довольно часто. Его готовили из ячменя, ржи и даже овса. В праздники все мужчины деревни вместе варили пиво. На берегу реки или пруда ставили большие 30-ведерные кадки (с. к. *korvo*; люд. *huččë*; ливв. *pučči*). Сусло с налитой в бочки водой кипятили с помощью накаленных до красна на

³⁷ Карельские эпические песни, М.—Л., 1950, стр. 192; Suomen kansan vanhat runot. Helsinki, 1908—1948, III, 245, 4098.

³⁸ Калевала, стр. 68.

кострах больших камней. Затем бочки закрывали и оставляли на 5—6-дней. Пиво получалось очень крепкое. Перед праздником пиво делили между собой. Его пили только мужчины, а женщинам позволялось пить только сусло.

Курение среди карел прежде почти не имело распространения, лишь некоторые старики изредка нюхали табак. В быту карел курение осуждалось, и хотя на сплаве и лесозаготовках к курению привыкали многие рабочие, дома при пожилых членах семьи курить стеснялись. Курение среди женщин не наблюдалось.

У карел много специальных обрядовых блюд, которые готовятся по случаю тех или иных событий в жизни человека. Знакомство с обрядовой пищей карел указывает прежде всего на сохранность в ней, с одной стороны, архаических рыболовческих и, с другой стороны, также весьма древних земледельческих традиций. Рыбные блюда — непременная принадлежность праздничного стола. Некоторые виды стряпни как бы сочетают в себе оба истока формирования карельской кухни. Так, устойчивым видом кушанья у карел являются рыбники — обязательное блюдо на всех торжествах. Кушанья, приготовленные только из продуктов земледельческого труда, также занимают большое место в обрядовой пище. Обрядовое использование хлеба и различных каш подтверждает ту мысль, что карелы уже в древности были землепашцами. Хлеб рассматривался как символ богатства и счастья. Народ не случайно воспел в своем эпосе волшебную мельницу-самомолку — «сампо».

Каравая хлеба придавалось большое значение в свадебных обрядах. В доме невесты угощение начиналось с того, что на скатерть, посланную на столе, возлагали два караваев хлеба: один от невесты, другой от жениха. С верхней стороны караваев у ливвиков и людигов дружка или «патьяшка»³⁹ (у северных карел) вырезал куски хлеба пирамидальной формы, в отверстие насыпал соли и вставлял вырезанные куски обратно. Караваи перевязывались крест-накрест лентой и обвертывались подотенцем. Они целый день не убирались со стола.

Новорожденному «на-зубок» всегда приносили что-нибудь хлебное: пирожки с крупяной начинкой, калитки или косовики. На новоселье карелы дарили хозяину дома большой пирог или каравай, чтобы в доме всегда был хлеб. Летом перед жатвой пекли пирог (širppiiriai 'пирог серпа'), а осенью после снятия урожая — хлеб или пряженые пироги из муки первого помола

³⁹ Патьяшка (Pat'vaška) — знахарь, колдун, считался «руководителем» свадьбы у северных карел. (Г. Х. Богданов. Свадьба Ухтинской Карелии. Западнoфинский сборник, Л., 1930, стр. 39).

и угощались всей деревней. Можно назвать немало обычаев и обрядов, в которых хлеб играл роль ритуальной пищи. Некоторые из этих обрядов существуют и теперь (подарки роженице, подарки на новоселье и др.).

Не меньшее место, чем хлеб, в обрядовой пище занимала каша. Она являлась главным обрядовым блюдом на свадебном «княжьем столе». Чаще всего эту свадебную кашу варили на молоке из ячневой крупы. Ее подавали на стол в том же горшке, в котором она варилась, и ели с маслом. Пустой горшок тут же разбивали об пол или же бросали в печь. У карел существовало поверье: на сколько черепков разобьется горшок, столько будет детей у новобрачных.⁴⁰

В день начала уборки урожая варили ячневую кашу и ели ее с маслом всей семьей. Ритуальным блюдом являлась также загуста, которую варили на поминках, а также после окончания сенокоса.

Большое значение в обрядах имел кисель, особенно овсяный. В районе Пряжи нам рассказывали об обычае, связанном с киселем. Родители обычно старались выдавать замуж дочерей по старшинству. Если в доме имелось две невесты, но приезжали сватать не старшую, а младшую, то хозяева ставили перед сватами тарелку, на которой один на другом лежали два застывших желеобразных киселя, причем верхний кисель плотно прикрывал нижний, и предлагали им испробовать нижний, кисель, не затронув верхнего: «Если это удастся сделать — невеста ваша, если нет — не обессудьте».

С киселем также связан другой, послесвадебный обычай. Утром после первой брачной ночи теща подавала зятю и гостям кисель. Гости внимательно наблюдали, как зять будет его есть: если он зачерпывал ложкой немного киселя с края тарелки и ел, то и все, глядя на него, принимались есть; если же он брал кисель из середины тарелки, поворачивал и оставлял или даже бросал ложку, то гости киселя не ели, все родственники невесты и сама она считались опозоренными и должны были выйти из-за стола и отправиться по домам. Это значило, что невеста утратила невинность до свадьбы.

В обрядовой практике использовались не только приготовленные из муки («из хлебного») блюда, но и самые зерна злаковых растений. Особое значение придавали ячменю. Его разбрасывали при подъезде свадебного поезда к дому жениха, им тут же обсыпали молодых. Девушки собирали зерна ячменя в подола и сохраняли. Считалось, что эти зерна способствовали повышению девичьего *lembi*.

Другого рода обряды с ячменем совершались при постройке дома. Столь заметная роль ячменя в обрядовой жизни карел,

⁴⁰ Д. К. Зеленин. О старом быте карел. . . , стр. 120.

несомненно, коренится в том факте, что этот злак был древнейшим и до известной поры важнейшим культурным растением карела-земледельца. С другой стороны, этому способствовало и само название. Карельское озга (ячмень) созвучно с оза (счастье, удача), что, бесспорно, способствовало приобретению ячменем в бытовой символике значения благожелания (ср. русск. сочетание жито — жить).

Реликтом некогда развитого у карел культа предков был обычай приношения различных кушаний на могилы родственников в «родительскую субботу» и в некоторые «престольные» праздники. На кладбище приносили и частью там поедали, а частью оставляли на могиле рыбники, калитки, вареные куриные яйца и проч. В XIX столетии южные карелы придерживались обычая, приходя в дом на поминки, приносить его хозяину «части коровьего мяса от ноги». ⁴¹ Ритуальной пищей на пасху у карел, как и у всех православных, были крашеные куриные яйца.

В карельской избе утварь, используемая для приготовления кушаний, представлена скудно. (Это, конечно, касается главным образом кухни бедной части населения, питание которой было несложно). Здесь для варки пищи использовали преимущественно медные или чугунные котлы. В них варили уху, похлебку, кашу и проч. Значительное распространение имела также глиняная посуда.

Чаще всего бедные крестьяне довольствовались деревянной посудой. Ели из деревянных мисок, выдолбленных из березы. Жидкую пищу обычно хлебали из общего котла деревянными ложками. Скудость карельского кухонного инвентаря отмечал в XVIII в. Г. Р. Державин: «Посуда, употребляемая для варки пищи, — писал он, — заключается в двух медных разной величины котлах и в коих по приготовлении и едят. Для хранения же съестных припасов, как равно ковши и рукомытники, плетут из бересты». ⁴²

Итак, в XIX—начале XX в. в хозяйстве карел преобладала деревянная утварь. Тесто ставили в деревянной квашне (taigin) и замешивали мутовкой (härkin). «Мутовки делали из небольшой елочки, которая имела несколько сучков в одной плоскости. Эту часть елки срезают, очищают от коры и лишних сучьев, часть их загибают кверху и в таком виде высушивают. Концы потом обру-

⁴¹ А. Л а с т о ч к и н. Карелы, обитающие в Олонецкой губернии. Олонецкий сборник, вып. 3. Петрозаводск, 1894, стр. 177.

⁴² Г. Р. Д е р ж а в и н. Поденная записка, стр. 178.

бают и мутовка, в виде палочкис венчиком на конце, готова».⁴³ Раскатывали тесто деревянной скалкой.

Хлеб пекли преимущественно на поду, поэтому ничего, кроме помела (havvu) для подметания печи и деревянной лопаты для посадки хлеба в печь, не требовалось.

Для хранения муки, круп и других сыпучих продуктов карелы делали из широких кусков бересты четырехугольные короба, сшитые лыком. Из лент бересты плели множество различных предметов: солонки (люд. suolavakk; с. к. -а; ливв. -u), ковши (люд. kauh; с. к. -а; ливв. -u), корзинки (с. к. vakka; люд. burakk; ливв. roimiecci) и т. д. В берестяных сосудах, кроме сыпучих продуктов, держали воду, мочили ягоды, грибы, солили рыбу. Этот вид посуды имел распространение вплоть до последнего времени. Берестяной лентой оплетали расколовшийся глиняный горшок.

Воду все же чаще держали (да и сейчас держат) в деревянных кадках, носили ее в избы ушатами вдвоем или в одиночку на коромысле (с. к. korento; люд., ливв. kogendo).

Пойло для скота готовили в деревянных ведрах (с. к. genki; люд. viedr, gengi; ливв. rengi). Подойники вплоть до 40-х годов текущего столетия большей частью были деревянные. На севере Карелии (районы Кемь, Лоухи) употреблялись подойники с деревянной крышкой, закрепляющейся деревянной шпилькой; к крышке наглухо прикреплена и ручка. На юге употреблялись чаще подойники с проволочной дужкой. Для вытаскивания сваренной рыбы из котла использовалась «рыболовка» (с. к. karusta; люд., ливв. labjaine) — лопаточка с загнутой под прямым углом ручкой и с прорезями для стока бульона. Рыбу подавали на стол в деревянном корытце (kartaine).

В кухне наиболее зажиточных крестьян, питание которых обогащалось введением новых кушаний, заимствованных у русских и финнов, утварь для приготовления пищи была разнообразнее.

С середины XIX в. началось распространение хозяйственной утвари фабричного производства. Оно обуславливалось общим ходом развития капиталистических отношений, сопровождалось усилением связей Карелии с русским и финским городскими рынками. В обиходе появляются эмалированная, фаянсовая посуда, металлические вилки и ложки. Однако в быту основной части населения дореволюционной карельской деревни утварь фабричного производства не получила широкого применения. Отдельные фабричные изделия домашнего обихода — стаканы, чашки, вилки и др., попавшие в семьи бедняков или середняков, не использовались членами семьи повседневно. Они хранились на случай прихода гостей. Только чай пили из стаканов и чашек фабричного производства. Употребление фаянсовой посуды было характерно

⁴³ Л. Л. Капца. Материалы для этнографической характеристики Кондоковского и Вокнаволоцкого района северо-западной Карелии. Западно-финский сборник, Л., 1930, стр. 34.

в большей степени для кулацких семей. Для богачей красивая посуда являлась предметом гордости и хвастовства перед односельчанами. Но и здесь в обычные дни она хранилась в горнице в шкафу и вынималась оттуда в праздники или в дни семейных торжеств. В будничные дни даже в богатых семьях ели из одной миски.

Обзор пищи и утвари карел позволяет сделать несколько существенных наблюдений, раскрывающих важные стороны развития материальной культуры и быта этого народа.

Кухня карельского крестьянина была проста и бедна кушаньями. Вместе с тем питание кулацкой верхушки отличалось гораздо большим разнообразием блюд. Сопоставление пищи, употреблявшейся в бедных и богатых семьях, может служить одним из ярких свидетельств имущественного неравенства населения. Весьма скудное питание карел-бедняков описывают многие очевидцы.⁴⁴ В то время как народ жил впроголодь, торговая верхушка питалась значительно более калорийной пищей. «Здесь стол мало чем напоминал повседневный стол и режим питания карельского крестьянина средней зажиточности и еще меньше — пищу бедняков».⁴⁵ Анализ пищи карельского народа свидетельствует о том, что хотя ему был известен не слишком широкий ассортимент блюд, среди них, однако, имелись кушанья, специфичные только для карел (*sul'čina*, *kakkara* и др.). Некоторые рыбные, мучные и другие блюда отразили древние рыболовческие и земледельческие традиции.

Древние и тесные культурные связи карел с соседним русским населением также в очень сильной степени оказали влияние на пищу карел. Это сказалось на приготовлении мучных блюд (круглого хлеба, блинов и оладий, пирогов, киселя и т. д.).

Особо следует отметить значительную общность карельской домашней кухни с пищей и кулинарией окружающих их народов, живущих в лесной полосе Восточной Европы: финнов, вепсов, лопарей, коми-зырян. Эта общность может объясняться и приблизительно одинаковыми географическими условиями обитания, и сходством основных хозяйственных занятий, и, наконец, этническим родством и культурными связями этих народов. Такие блюда, как рыбник, кисло-соленая рыба, различные каши и проч., наличествуют в пище ряда финно-угорских народов, явно намекая на существование между ними в прошлом не только языковой, но и известной культурной близости.

Если в общем для всех карел были характерны определенные виды кушаний, то вместе с тем каждая группа (северные ка-

⁴⁴ См. Архив РГО, разр. XXV, оп. I, д. 62 (41); Д. К. Зеленин. О старом быте карел. . ., стр. 117, 118; А. А. Жилинский. Крайний север европейской России. Петрозаводск, 1912, стр. 137.

⁴⁵ С. Приклонский. Народная жизнь на севере. М., 1874, стр. 242.

релы, людики и ливвики) имела в пище и кулинарии свои особенные черты. Так, у северных карел имеются довольно колоритные блюда (лепешкообразный хлеб с «дыркой», кисло-соленая рыба особого засола, различные способы приготовления рыбы в молоке, молочно-овощные жидкие блюда, подсоленный кофе и др.). Эти кушанья распространены в основном в северо-западной части Карелии. Приблизительная граница их распространения проходит через Кестеньгу—Ухту—Реболы.

Своеобразную группу составляют карелы, живущие в районе Тунгудского озера, где готовят такие блюда, как полуваренные в сметане соленые грибы, уху с яйцом и т. д. На пространстве, заселенном людиками и ливвиками, пища значительно более однородна, однако одни и те же кушанья часто готовятся здесь различными способами. Например, для людиков характерно употребление вареных соленых грибов, в то время как ливвики их никогда не варят.

А вообще говоря, пища и утварь северных карел обнаруживает больше сходства и даже полные аналогии с пищей и утварью северных народов (финнов, лопарей, коми-зырян), в то время как южные группы карел в этом отношении больше тяготеют к русским и вепсам.

Г л а в а п я т а я

О Д Е Ж Д А

Одежда, будучи одним из основных элементов материальной культуры народа, теснейшим образом связана с его историей и является важным источником для изучения культуры. Исследование ее традиционных форм позволяет выявить специфические особенности, характерные для одежды карельского народа, проследить историко-культурные связи карел с окружающими народами и прежде всего с северными великорусами, а также с народами, родственными им по языку и происхождению.

В дореволюционной литературе встречаются утверждения об отсутствии у карел своего национального костюма, о заимствовании основных черт одежды у северных великорусов. Так, Г. Р. Державин отмечал, что «одеждою жители края сего ни в чем от смежных им россиян не отличны».¹ В 1804 г. В. М. Севергин, находясь в южной Карелии, тоже заметил, что одевание карел похоже «на одежду крестьян российских».² «Одежды собственной карельской нет, все вытеснено русскими нарядами. Дешево, сердито, красиво. . .», — писал М. Д. Георгиевский.³

Безусловно, русское воздействие на культуру карел существовало и было глубоким и стойким. Об этом могут свидетельствовать многие факты. Например, сохранение у карел, живущих в районе Иломантси (в 160 км к северу от Ладожского озера), русских сара-

¹ Г. Р. Державин. Поденная записка. Прилож. к кн.: В. В. Пименов, Е. М. Эпштейн. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958, стр. 179.

² В. М. Севергин. Обзорение Российской Финляндии. СПб., 1805, стр. 77.

³ М. Д. Георгиевский. Карелы. Вестник Олонецкого губернского земства, 1908, № 4, стр. 5.

фанов, называвшихся *siiša*, т. е. по-русски 'ситец', 'ситцевик', и сохранение русских головных уборов 'дягця' от русского 'чепец'.⁴ Однако полное отрицание наличия у карел национальных форм одежды было бы не вполне правильным. Конечно, следует говорить о большом его сходстве с костюмом северных великорусов. Но вместе с тем в карельской одежде имеются, и мы постараемся это показать ниже, и самобытные элементы, сближающие ее с одеждой других финно-угорских народов.

С изменением экономического базиса в стране и в одежде народа наблюдаются заметные перемены, в частности меняется материал для ее изготовления. Если в феодальное время для изготовления одежды у основной массы карел употреблялись дмотканый холст и сукна домашнего производства, то с развитием капиталистических отношений и ростом торговых связей в карельскую деревню в большом количестве стали проникать фабричные ткани.

Дóма все карелы ткали холст из льняной нитки на ткацком станке. Конопля почти не употреблялась. Лишь ливвики и людики ткали из конопляной нити материал для рабочих юбок. Холст у карел был издавна универсальным материалом: из него шили нательную и верхнюю одежду, полотенца, постельное белье, скатерти, матрасники и т. п. Для верхней одежды холст красили обычно в синий цвет. У ливвиков имела распространение ткань из холста в синюю и белую клетку. Набивных тканей карелы, как правило, не делали, а покупали их на ярмарках в Шунье (Заонежье) и Ковде (Поморье).

Наряду с холстом повсюду ткали грубошерстное дмотканное полусукно (утóк из шерстяной, основа из льняной или конопляной нити), которое использовалось для шитья кафтанов, портов и т. п. Полусукно иногда красили в коричневый или темно-бордовый цвет, но чаще его использовали в некрашеном виде. В крепких середняцких и кулацких семьях ткали сукно (утóк и основа из шерстяной нити), из которого тоже шили кафтаны, порты для рыбной ловли, охоты и работы в лесу.

Покупные ткани (ситец, сатин и др.) стали чаще употребляться в карельской деревне в конце XIX в. Приобретались они у коробейников, в лавках или на ярмарках. В кулацкой среде получили распространение более дорогие ткани (парча, шелк), из них шили сарафаны, кофточка-«казачка», повойники, сороки и т. п.

⁴ Быт карел района Иломанси описан в 1927 г. финскими этнографами У. Сирелиусом и А. Хямяляйненем. Название одежды взято из статьи Д. К. Зеленина. (Д. К. З е л е н и н. О старом быте карел Медвежьегорского района. СЭ, V, 1941, стр. 124; ср.: Kansatieteellinen arkisto, III. Suomen muinaismuistoyhdistys, Forssa, 1939, стр. 80).

Карелы издавна хорошо обрабатывали шкуры животных. Кожа, полученная после выделки, шла на пошив обуви, шуб, шапок, поясов, рукавиц. Меха пушного зверя (белки, зайца, лисицы) использовали тоже для изготовления зимних шапок и шуб. Но это делали в основном только кулаки. Олений мех для пошива одежды карелами (в отличие от их соседей лопарей) не употреблялся.

Традиционная мужская одежда карел состояла из рубахи (с. к. *raita*; люд. *raid*; ливв. -*u*), сшитой из холста, штанов (с. к. *pukšut*; люд. *kuad'd'äd*; ливв. *kuad'iet*), сшитых из домотканного материала (холста, полусукна), пояса (*vüö*),⁵ кожаных сапог, сшитых на одну колодку (с. к. *šuarppua, vatara*; люд. *keng, čabat*; ливв. *kengü, suarrai*), шерстяных чулок (с. к. *šukk*; люд. *sukk*; ливв. -*u*) и холщовых портянок (*hattara*). Довольно подробное описание мужской одежды дается в карельских эпических песнях.⁶

В XIX в. у карел бытовали мужские рубахи двух типов. Первый тип — это длинная до колен рубаха из домотканного белого холста туникообразного покроя. Ширина ее основного полотнища, перегнутого через плечи, достигала 40 см, длина рубахи 80 см. Всегда прямые боковые полотнища длиной 50—55 см пришивались к основному, под рукава подкладывались ластовицы (с. к. *kainaloraikka*; люд. *kainalraikk*; ливв. *kainaloraikku*) большей частью из другого материала; разрез на рубахе делался косой, чаще на левой стороне груди; воротник обычно стоячий; иногда такие рубахи шили без воротника (в Реболах), довольствуясь простой кумачовой оторочкой вокруг ворота и грудного разреза; ворот застегивался на деревянную пуговицу.⁷ Такие длинные холщовые рубахи в начале XX столетия шили в некоторых деревнях (например, в Реболах) для кулачных боев. В прошлом же подобные рубахи широко бытовали среди крестьянского населения всей Карелии, а также у тверских карел.⁸

Второй тип — рубаха тоже туникообразного покроя, но значительно более короткая, чем описанная выше, сшитая из красного колленкора или льняного полотна с прямым разрезом посредине груди, иногда без воротника, а чаще с узким стоячим во-

⁵ Термин «*vüö*» употребляется только для тканого пояса, а ременный называется «*gemmi*».

⁶ Карельские эпические песни. М.—Л., 1950, стр. 135.

⁷ Аналогичная рубаха, приобретенная в дер. Реболы, хранится в Карельском государственном музее в г. Петрозаводске под № А-109. Ср.: Д. К. Зеленин. О старом быте карел. . . , стр. 123.

⁸ Ср.: Г. С. Маслова. Народный орнамент верхневолжских карел. Тр. Инст. этнограф. АН СССР, нов. сер., т. XI, М., 1951, стр. 29.

ротником. Рубаха такого типа также имела широкое бытование. Нетрудно видеть, что оба эти типа очень близки к рубашкам русского населения Карелии и Архангельской губернии, к рубашкам вепсов, коми-зырян, ижор, води и др.

Поверх описанной выше рубахи надевалась рабочая рубаха свободного туникообразного покроя. Длина ее достигала 80—85 см. Это была легкая, не стесняющая движений и недорогая одежда; ее опоясывали ремнем шириною «в три пальца» с медной или железной пряжкой. На ремне подвешивали нож в ножках. Местами эту рабочую блузу называли «паловой» или «ригачной» (люд. rihsoba; ливв. rihisoba; šušroi), т. е. служащей для работы на подсеках или для молотьбы.⁹ Такой же тип рубахи известен у коми-зырян под названием «шабур»;¹⁰ у русских Архангельской губернии — «кабат».¹¹

Северным карелам, в частности калевальским, была известна рубаха на поясе — juprragi. Она была заимствована у финнов и занесена в Карелию в начале XIX столетия. Такого типа блуза была очень удобна для ходьбы на лыжах. Шили ее из холста, а более зажиточные — из сукна. В зимнее время большое распространение у карел имели вязаные шерстяные фуфайки (с. к. vil-laraita; люд., ливв. villuraidu).

С развитием промышленности и торговли появляется рубаха с отложным воротником, сшитая из покупной легкой хлопчатобумажной ткани. Подобный тип рубахи с незначительными вариациями в оформлении и длине рукава прочно привился у карел и являлся основным для всех возрастов.

В северо-западной Карелии молодежь, побывавшая в Финляндии, носила покупные, сшитые из хлопчатобумажной ткани манишки. Название мужской рубахи карел в сходных формах повторяется в языках ряда народов — финнов (raita), вепсов (raid) и др. Вероятно, под таким названием в прошлом рубаха была известна почти всем прибалтофиннам, исключая только эстонцев (saucä), что позволяет нам предполагать одновременность появления этой рубахи у западных финнов.¹²

Второй составной частью мужской карельской одежды являлись порты с узким шагом без разреза, укреплявшиеся на гаснике, продернутом в складку на поясе.

Порты известны у карел под несколькими названиями (см. стр. 146). Наиболее древний термин «kuad'iet» (брюки, штаны) за-

⁹ Ср.: Д. К. Зеленин. О старом быте карел. . . , стр. 123.

¹⁰ В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми XIX—начала XX в. М., 1958, стр. 244.

¹¹ Ср.: В. Ф. Миллер. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. М., 1893, стр. 1.

¹² Слово raita является заимствованием из древнегерманских языков. (Л. Хаккулинен. Развитие и структура финского языка, ч. II. Лексикология и синтаксис. М., 1955, стр. 44).

имствован из древнерусского языка и исходит от слова «гачи».¹³ Он распространен у южных и тверских карел, а также характерен для прибалтийских финнов. Позже, когда порты стали выполнять роль нижнего белья, появилось повое, также заимствованное у русских название — *podštañnikk*. В северной Карелии штаны назывались *pukšut*. Близкие названия встречаются у эстонцев (*sargupuks*), мордвы (понкс), саамов (*puks*). Вероятно, это название и является наиболее древним и исконным.

У мужчин различали два типа штанов: нижние (с. к. *alušpukšut*, *alušhoušut*; люд. *kuad'd'äd*; ливв. *kuad'iet*) и верхние (с. к. *pukšut*; люд. *štanad*, *b'fukad*; ливв. *štanat*); отличавшиеся только по материалу, но не по покрою. До XIX в. верхние штаны шили из белого домашнего холста, позже — из покупного материала фабричного производства. В первом десятилетии текущего столетия белые штаны стали использоваться как нижнее белье, а поверх стали надевать узкие суконные брюки (с. к. *šarkaset pukšut*; люд. *sargazet štanad*; ливв. *villažet štanat*) темного или серого цвета на пояске с разрезом и застежкой спереди на пуговицах. Но старики еще и в 30-х годах продолжали носить в теплое летнее время штаны из белого холста.

С середины XIX в. северные карелы начинают приобретать в магазинах Финляндии костюмы городского покроя или шьют их у местных портных. В южной Карелии такие формы получали некоторое распространение только в кулацкой и купеческой среде.

Карелы охотно носили жилеты, надевавшиеся поверх выпущенной наружу рубахи с отложным воротником. Жилет обычно был «признаком солидности лет и положения».¹⁴

Верхнюю наплечную одежду для ношения на улице шили из холста и сукна домашней выделки, фабричных покупных тканей и меха. Чаще всего она представляла собой длинный, до колен, кафтан (с. к. *kauhtana*; люд. ливв. *kauhtan*) из серого сукна с длинными рукавами. Покрой одежды бывал разный. В одних случаях сюртук шилась прямой, цельной, в других — отрезной, со сборками на спине и по талии.

В эпической руне, записанной в 1927 г. в районе Калевалы, есть интересное описание одежды кузнеца Илмаринена:

Pani pialla paijan palttinaisen
Iholla alastomalla,
Varsin vuattietomalla.
Pani huahen haijakkasen
Piällä paijan palttinaisen,
Ussakan utusen vuyöllä.¹⁵

Надел рубашку полотняную
На тело голое,
Совсем непокрытое.
Надел кафтан суконный
На рубашку полотняную,
И кушак пушистый на поясицу.

¹³ Там же, стр. 49, 280.

¹⁴ А. М. Лицевский. Карелы. СЭ, V, 1941, стр. 97.

¹⁵ Г. Х. Богданов. К вопросу о состоянии народного творчества в Карелии. Западнофинский сборник, Л., 1930, стр. 83.

В верхней мужской одежде карел правая пола всегда запахи- валась на левую, что, как отмечает Г. С. Маслова, характерно также для русской и в целом восточнославянской одежды.¹⁶ По представлениям карел, застежка на правой стороне была только на одежде нечистой силы — лешего (с. к. *meš'čähini*; люд. *meš'än- izand*; ливв. -ü).

Есть сведения, что в некоторых пунктах средней Карелии (например, в Реболах) в середине XIX в. носили серые кафтаны без воротников, обшитые по бортам тонкой кожей. Эта одежда служила для работы; ее дополняла холщовая сумка за плечами, так называемая *šalku*, а летом — кукель-накомарник вместо шапки.¹⁷

Для рыбной ловли, для работы в лесу, в поле и т. д. карелы имели балахоны (с. к. *palahvana*; люд. *balaffon*; ливв. *balahonu*), которые носили мужчины и женщины. Их шили из белого грубого холста и надевали на рубаху, часто подпоясывали ремешком, иногда надевали и поверх шубы. Балахон имел широкое распро- странение по всему Северу России, его носили вепсы, русские, поморы, коми-зыряне, тверские карелы. Балахон этот карелы часто называли так же, как и русские, «азям», иногда «шабур».¹⁸

Помимо балахона, в конце XIX в. карелы в прохладную по- году поверх ситцевой рубашки или шерстяного свитера стали но- сить пиджаки из холста, окрашенного в синий или зеленый цвет. Покрой пиджака был однобортный с отложным воротником и про- резными карманами. Длина пиджака достигала 70—75 см. В это же время у карел появляется пальто прямого покроя без сбор, с от- ложным воротником или воротником-шалью. Вначале пальто в южной Карелии (люд. *piñzakk*; ливв. -u, *pal'to*) можно было встретить лишь у более зажиточной части населения, позднее оно широко вошло в быт. Крестьяне его носили по праздникам. «Просторное, прямое и короткое пальто, спереди наглухо застег- нутое крупными пуговицами, пришлось по вкусу крестьянину, так как оно сохраняло удобство рубахи и не мешало свободе дви- жений и в то же время имело большие преимущества перед ней. Воротник защищал шею, а в карманы можно было убрать бумаж- ник. Тем более, что пальто крестьяне носили только в праздни- чные дни или одевали его, когда уезжали в города по делам».¹⁹

При поездках на дальние расстояния надевали шубу. Как и у русских, имелось два типа шуб: собственно шуба, шитая в та- лию (с. к., ливв. *turkki*; люд. *pövü*, *turkki*) и тулуп (люд. *tulupp*; с. к. -а; ливв. -u).

¹⁶ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белору- сов. Восточнославянский этнографический сборник, М., 1956, стр. 707.

¹⁷ Д. К. Зеленин. О старом быте карел. . . , стр. 123.

¹⁸ А. М. Линевский. Карелы, стр. 97.

¹⁹ С. А. Приклонский. Народная жизнь на Севере. М., 1884, стр. 277.

Наиболее распространенным типом являлся первый. Главным образом шубы шили из овчины местные овчинники, но у наиболее зажиточных крестьян встречались шубы на лисьем или заячьем меху, покрытые сверху дорогим сукном. Шуба застегивалась на две-три пуговицы. Спинка такой шубы была разрезной, по талии со сборами. Тулуны шили прямыми (халатообразными) и длинными (до полу), без застежек: они запахивались на любую сторону и подвязывались кушаком или просто веревкой.

Овчинная шуба занимала значительное место в обрядности карел, особенно в свадебной: свекровь встречала молодых после венчания в вывороченной шубе, молодые проходили в дом по разостланной под ногами шубе, в избе (в средней Карелии) молодых сажали на печь тоже на шубу, купленных корову или лошадь проводили в хлев или конюшню по разостланной шубе. Аналогичные обычаи имели место и у соседнего русского населения.

Таким образом, верхняя наплечная одежда карел мало чем отличалась от одежды русского крестьянина северных губерний России. Те же кафтан из серого сукна, балахон для работы, пальто, шуба, тулуп. Поэтому с наибольшим вниманием следует отнестись к некоторым деталям, которые были типичны для карел.

Поскольку верхняя одежда карел не имела воротников, широким распространением у них пользовались шарфы, связанные из крашеной или серой шерсти. Бытовало два типа шарфов: короткий, который надевался часто под пиджак на шею, концы его оставались внутри, и длинный, которым обматывали шею несколько раз, а концы скручивались внизу и прятались за полу между первой и второй пуговицами. «На улице, в избе — шарф на шею. . . пьет чай, пот льется ручьем, а шарф на шею».²⁰

Столь же характерным для карел являлось ношение так называемого шейного платка (с. к. *kaklaraikka*; люд. *kaglpaikk*; ливв. *kaglupaikku*). В северной Карелии невеста на свадьбе дарила *pat'vaškale* шейный платок, который он не снимал до конца свадебного обряда.²¹ У ливвиков в приданое невесты входило несколько шейных платков и полотенец, которыми она одаривала жениха, свекра и свата.

Для легкой работы в лесу пользовались накомарником (*kukkel'*), который представлял собой капюшон, сшитый из белого холста, надевавшийся на голову без шапки и служивший защитой от комаров; его концы обертывались вокруг шеи. О древности этого убора у карел говорит тот факт, что кукель входил в состав смертной одежды.²² Термин «кукель» известен был,

²⁰ М. Д. Георгиевский. Карелы, стр. 5.

²¹ И. В. Оленев. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917, стр. 125.

²² В. В. Именов. К вопросу о карельско-вепсских культурных связях. СЭ, 1960, № 5, стр. 38; ср.: I. Manninen. Die finnisch-ugrischen Völker. Leipzig, 1932, стр. 48, 49.

правда, кроме карел, коми-зырятам, живущим на Удоре,²³ а также русским Архангельской губернии, но накомарников они не носили.

В качестве головных уборов зимой мужчины носили суконные и меховые шапки, а летом шляпы, кепки и фуражки. Зимние шапки часто шили из овчины, заячьего и другого меха, в зависимости от состоятельности хозяев. По покрою они напоминали современные шапки-ушанки. Фуражки и кепи карелы покупали в лавках, а чаще на ярмарках или у коробейников, заносивших свои товары из городов России и Финляндии. Валяные шляпы по своей форме были различны. Одни имели широкие прямые поля, другие — приподнятые и загнутые кверху. Так, в Паданах «старика карелы в середине XIX в. носили зимой шапку с четырехугольным плюсовым верхом и меховым околышем. Летом, рядом со старинными широкополыми шляпами, встречались более модные маленькие шляпы».²⁴ Шапка с четырехугольным верхом и меховым околышем была известна всем восточнославянским народам, хотя широкого распространения не имела. В Архангельской губернии ее называли «шапка на четыре угольника».²⁵

Очень часто рыбаки, охотники и косцы на сенокосе защищались от многочисленных комаров тем, что повязывали голову и шею платком. Подобный метод предохранения от комаров и мошкеры известен почти всем народам Севера и также не является типичным только для карел.

Косвенное отношение к головным уборам мужчин имеет их прическа. В дореволюционное время мужчины подстригали волосы «в кружок». Некоторые старики носят такую прическу и теперь. Молодежь носила волосы на косой пробор, зачесывая волосы «от левого глаза к правому».²⁶ Н. Камкин так описал прическу карельских мужчин: «Стрижка волос у карел двоякая, молодежь причесывается по-русски, люди же средних лет и старики пробора на голове не делают, стригут волосы на лбу выше, чем на висках и на затылке; на лбу они лежат вровень с бровями, а на висках и на затылке вровень с нижней оконечностью уха. Многие старики, особенно раскольники, выстригают гладко верхушку головы».²⁷ Старики смазывали волосы маслом для того, чтобы они блестели и лучше лежали.

В прошлом мужчины отпускали усы и бороду. У карел района Калевалы даже существовала поговорка: «Не имеешь бороды,

²³ В. Н. Белицер. Очерки по этнографии. . . , стр. 250.

²⁴ Д. К. Зеленин. О старом быте карел. . . , стр. 123.

²⁵ Г. С. Маслова. Народная одежда. . . , стр. 598.

²⁶ О. Ладвинский. Особенности общественного быта жителей Паданского погоста и о Ребольском приходе Повенецкого уезда Олонецкой губернии. Архив РГО, разряд 25, оп. I, д. № 5.

²⁷ Н. Камкин. Архангельские карелы. Древняя и новая Россия, 1880, № 2, стр. 172; ср.: И. В. Оленев. Карельский край. . . , стр. 87.

то лучше не суй носа в общество девушек». ²⁸ В других местах молодые парни до женитьбы брили бороду, но отпускали усы. Брились обычно острым поясным ножом (с. к. ruikko; люд. veič; ливв. -čī), а более зажиточные имели опасные бритвы. Рассказывают, что иногда волосы поджигали зажженной лучинкой. Но к этому способу прибегали очень редко, так как легко было получить ожоги лица.

Свою одежду карелы подпоясывали поясами — кожаными, плетеными или вязаными. Термин «vüö» весьма древний, относящийся к слою собственно финской культурной лексики. ²⁹ В северной Карелии наибольшее распространение имели кожаные пояса, в то время как у южных карел преобладали плетеные. К поясу прикреплялся кожаный кисет с огнивом, кремнем и трупом, а также нож, которым постоянно пользовались на рыбной ловле, охоте, да и в хозяйстве.

Рукавицы (с. к. piällinen; люд. kindaz; ливв. kinnas) и варежки (с. к. kinnas; люд. alaine; ливв. alan'e) составляли необходимую часть как мужского, так и женского костюма. Термин «kindaz», «kinnas» (у эстонцев «kinnas») также весьма древний. Рукавицы шили матерчатые, кожаные, меховые; у северных карел шили также из собачьего меха. Кроме карел, такие рукавицы известны вепсам и коми-зырянам. ³⁰ Варежки вязали из овечьей шерсти. В северо-западной Карелии варежки из белой шерсти украшали черным геометрическим узором. В южной Карелии, как правило, вязали варежки без узора. Незначительное распространение (преимущественно в кулацких семьях) имели перчатки. С рукавицами у карел были связаны интересные обычаи, особенно яркие из них отложились в свадебной обрядности. Так, сваты при входе в избу спрашивали у родителей невесты: «Voigo kindahad ortelle panda? 'Можно ли рукавицы на нолку положить?'». Разрешение означало, что сватовство состоится, если разрешение не следовало, сваты тем самым получали отказ и должны были уйти. Рукавицы (как, впрочем, и пояс) иногда получали функцию оберега. У ливвиков жених венчался в рукавицах, а после вепчания не снимал их до тех пор, пока не садился за свадебный стол.

Обувь карел была довольно однообразной. Ее можно подразделить на группы в зависимости от материала: берестяная, кожаная, меховая, валяная. Многие виды обуви носились в равной мере и мужчинами и женщинами.

Берестяная плетеная обувь (лапти) имела более широкое распространение у южных карел (с. к. kölpöi, luapot't'i, viršu; люд. luapot't', virz; ливв. luapot't'i, virzu, lötöi), на севере ее носили

²⁸ Устное сообщение писателя П. Пертту.

²⁹ Ср.: Л. Х а к к у л и н е н. Развитие и структура финского языка, стр. 26.

³⁰ Устное сообщение В. В. Пименова; В. Н. Б е л и ц е р. Очерки по этнографии. . . , стр. 252.

немногие. Лапти надевали на работу — в лес, на сенокос, на подсеку. По форме и способу плетения они напоминают лапти северновеликорусских групп. Их плели из березового лыка косым плетением с ушками, в которые продевались веревочные длинные, достигающие до 3—4 м оборы.³¹ Лапти — очень непрочная, но легкая и мягкая обувь. На подсеку крестьяне брали по 2 пары лаптей на день, а на сенокос — пару на 2 недели. При пошиве лаптей ноги обертывали холщовыми портянками (*hattara*), а поверх них натягивали еще холщовые или суконные наголенники (*kalzint*) или старые шерстяные чулки. Штаны заправлялись в портянки

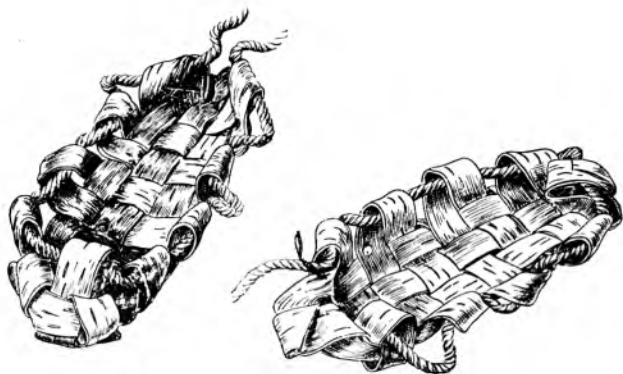

Рис. 22. Лапти (*kölpröi*).

Из фондов Института этнографии.

или чулки. Лапти у карел называются по-разному (рис. 22): у люд. *virz*, ливв. *virzu* (плелись лапти из пяти полос бересты) и у с. к. *kölpröi* (они плелись из 3 полос). Термин *luapot't'* известен всем группам карел, однако он был более характерен для собственно карел. Они имели лапти без ушек и носили их без обор; по форме они напоминали мелкие галоши. Карелам известно и еще одно название лаптей — *lötöi*, это слово, мы полагаем, финского происхождения и обозначает у финнов берестяную обувь; на карельской почве прижилось недавно. Наконец, в средней Карелии плели берестяные сапоги (*tuohisapaas*) с высокими голенищами для хождения по болотам и лесам.³²

Наиболее употребительным материалом для изготовления обуви в XIX и начале XX в. была кожа. Зимой и летом основная масса населения носила кожаную обувь.

Из сыромятной, а у людиков, в частности, из собачьей кожи шили туфли без застежек в виде галош (*kotad 'kõшы'*). Такое же

³¹ Вокнаволоцкий приход. Архангельские епархиальные ведомости, 1908, № 5, стр. 53.

³² Г. С. Маслова. Народная одежда. . . , стр. 719.

название подобной обуви известно у венсов, у русских Архангельской губернии, у коми и др.³³ Кóты по преимуществу женская обувь, но в прошлом ее носили и мужчины, и тогда к ним пришивались невысокие суконные голенища (toššu) из простроченного в три-четыре слоя сукна. Держались эти голенища при помощи шнурков или бечевки, которая обвязывалась вокруг ноги. У собственно карел широко бытовали сапоги püppikeñkät или pieksut, сшитые из сыромятной кожи (parkittu nahka), с цельной мягкой подошвой из толстой бычьей кожи, без каблучков, и с загнутыми кверху носками. Еще Г. Р. Державин писал о том, что карелы «носят остропопые с загнутыми концами сапоги, кеньгами по-лолски (по-карельски, — Р. Т.) называющиеся».³⁴ «Такая обувь очень легка, непромокаема и удобна для ходьбы пешком, но к ней надо привыкнуть: благодаря отсутствию каблучков и однорядной подошвы, в этой обуви скоро отбивались подошвы ног, в особенности пятки, тем более что карельские дороги усеяны камнями, а во многих местах через дорогу переползают корни деревьев и лежит древесный валежник, за который постоянно приходится запинаться».³⁵

Эта обувь старинного типа. Распространение ее в прошлом среди ряда народов было широкое. Туфли с загнутыми носами носили, например, гуцулы (Закарпатье),³⁶ правда, они были без голенищ. Вполне возможно, что в прошлом и у карел кеньги были гораздо ниже. Обувь подобного типа бытовала у народов коми (кóт) и предназначалась для ходьбы на лыжах,³⁷ в северной Эстонии (suuskingat) и у саамов (keng, kemna); на севере Карелии в районе Калевалы часто слышится финское слово pieksut, которым финны также называют сходную обувь для лыж. Форма их почти одинакова с кеньгами. Термины «кеньги», «кенги» встречаются у тверских карел и у русского населения Севера.

До XX в. северные карелы использовали кеньги как основной вид повседневной лыжной обуви. Их носили и мужчины, и женщины. Аккуратно сшитые кеньги служили даже праздничной обувью. Их шили местные сапожники из коровьей кожи: праздничные оставляли белыми, а для работы смазывали дегтем, смешанным с каким-либо жиром.

Зимой с кожаной обувью носили шерстяные чулки. Молодые парни «выставляли на показ над голенищем сапог на 2—3 пальца обод чулка, искусно связанный из разной шерсти то шашечками, то клеточками, а то так и птицами, что и на орла и петуха смахивают».³⁸

³³ Там же, стр. 721; В. Н. Б е л и ц е р. Очерки по этнографии. . . , стр. 279.

³⁴ Г. Р. Д е р ж а в и н. Поденная записка, стр. 106.

³⁵ И. В. О л е н е в. Карельский край. . . , стр. 43.

³⁶ Г. С. М а с л о в а. Народная одежда. . . , стр. 720.

³⁷ В. Н. Б е л и ц е р. Очерки по этнографии. . . , стр. 254.

³⁸ В. М а й н о в. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877, стр. 278.

Во второй половине XIX в. — в южной Карелии раньше, а в северной позднее — в быт входят шитые из кожи сапоги (с. к. *suappua, kengä*;³⁹ люд. *keng, šabat*; ливв. *kengü, suappai*), высокие, с прямым носком; быть может, ливвикам и людикам еще раньше были известны сапоги, шитые на одну колодку. Сапоги вытеснили кенги. В конце XIX в. их носила преимущественно зажиточная верхушка.

Вплоть до 30-х годов текущего столетия в качестве рабочей обуви у карел бытовали высокие кожаные сапоги с широкими голенищами — «бахилы». В Карелии такие сапоги назывались «выворотными», так как их шили на одну ногу с изнанки, а затем выворачивали. Как рабочая обувь бахилы известны в северо-восточной части европейской России и в Сибири.⁴⁰

Валяную обувь карелы в прошлом носили очень редко, так как пимокатного производства почти не знали. «Валенки были в весьма малом употреблении, у олонецких карел молодежь избегала носить валенки, считая это „стыдом“, „неприличным“». ⁴¹ Валенки у карел известны под названием *kuatančat* (с. к.), *katanč* (люд.) и *kuatanču* (ливв.) от русск. «катанки» — валенки. У тверских карел валенки называют *t'oplaha*, от русск. слова «тенло». На севере Карелии имели распространение в качестве зимней обуви сапоги *toššu* с голенищами из меха (заячьего и др.); шились они так же, как из кожи. В центральной и северной Карелии специально для зимы шили сапоги (*koibi*) из оленьей кожи мехом наружу; внутри головка сапога подшивалась суконной подкладкой.⁴²

Праздничная и повседневная обувь у трудовой крестьянской массы не имела различий: лишь некоторые из молодежи носили в праздники яловые сапоги, а со второй половины XIX столетия — ботинки с галошами. Более зажиточные покупали себе хромовые сапоги или ботинки на резинках.

Из нашего описания мужской одежды нетрудно заметить, что у карел в отличие от некоторых других народов (например, коми) не выработался особый тип промысловой одежды, характерный для охотника, рыбака, лесоруба, земледельца. Рабочая одежда была одна и та же для всех видов деятельности, за исключением мелких дополнений. Таким дополнением, например, для рыбаков и лесорубов служили сапоги-бахилы с особенно высокими голенищами, рукавицы, связанные из конского волоса, для охотников, а также земледельцев — кукели.

³⁹ Любопытно, что этот старый термин прикрепился к новому виду обуви.

⁴⁰ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1955, стр. 55.

⁴¹ П. М и н о р с к и й. Олонецкие карелы и Ильинский приход (Олонецкого уезда). Олонецкий сборник, вып. 2, 1886, стр. 198.

⁴² Ср.: Д. К. З е л е н и н. О старом быте карел. . . , стр. 123.

Костюм карела в XIX—начале XX в. был действительно близок к одежде русского крестьянина Архангельской губернии по материалу, покрою и способу ношения. По всей вероятности, многие элементы мужской одежды вошли в быт населения Карелии во времена исторически зафиксированного общения карельского народа с русскими. Лишь немногие, хотя и весьма выразительные детали карельского костюма находят себе параллели в одежде финно-угорских народов.

Основой карельского традиционного женского костюма вплоть до 30-х годов текущего столетия являлась рубаша (с. к. räččinä; люд., ливв. räččin), состоявшая из двух частей: рукавов, или лифа (с. к. hiemušta; люд. hiem; ливв. hiemuat), и станушки (с. к. emušta; люд. emust; ливв. -u). Наибольшее распространение в начале XIX в. имели рубахи так называемого новгородского типа с длинными рукавами. Длина верхней части лифа, который прикрывал лишь грудь, а изредка доходил до талии, равнялась 35—40 см. Лиф шили из тонкого домашнего полотна или из покупного материала — ситца.

Ворот рубахи чаще всего кроили четырехугольным, его (а также края рукавов) обшивали кумачом или шелковой тесьмой и собирали в сборку. На груди делался прямой разрез, доходивший до самого низа лифа. Рубаша застегивалась у ворота на медную или железную нуговицу. Рукава достигали 60—65 см в длину и были довольно широкими, суживающимися к запястью. Рукава кроились из одного куска ткани по продольной нитке, под рукав подшивали квадратные ластовицы. Нижняя часть рубахи состояла из четырех полотнищ, сшитых также по продольной нитке. Иногда подол украшался вышивкой или тканым орнаментом шириной в 10—20 см. Часто подол вместо вышивки подшивали кумачом. Вышивка украшала рукава, плечи и грудь рубахи. Орнамент наносили красными бумажными нитками или, у более зажиточных, гарусом различных цветов; чаще же на плечи пришивали кусок нарчи.⁴³ Мотивы орнаментации на груди и на плечах были в основном растительные или зооморфные, а на подоле станушки, как правило, — геометрические.

Рубахи описанного типа носили в начале и первой половине XIX в., возможно, и раньше, но до конца XIX—начала XX в. такие рубахи у карелок почти не сохранились.

По имеющимся сведениям, примерно в то же время бытовал и другой длиннорукавный тип рубахи.⁴⁴ Ее шили очень длинной

⁴³ Подобные рубахи имеются в Карельском государственном музее в г. Петрозаводске, №№ А-263, А-26.

⁴⁴ Там же, № А-58.

(до 120 см) из домотканного холста белого цвета. На рукавах пришивали вышитые куски ткани. Ворот рубашки четырехугольный с прямым вырезом собирался в сборку и застегивался петлей из холста на железную пуговицу. Рукав длинный (до 82 см), у плеча широкий, а к запястью суживающийся. В локтевой части вшивали кусок красной ткани. Такую рубашу составляли из двух полотнищ, сшитых по продольной нитке, а в бока вставлялось по два клина. Аналогичный раскрой рубахи известен тверским карелам. Кроме того, «длинные рукава были распространены в костюмах Московской Руси XVII в., что получило отражение на гравюрах Олеария и Мейерберга. В великорусской среде длинные рукава этого типа шили еще в XIX в. преимущественно у свадебной праздничной одежды».⁴⁵

Рассматривая типы женских рубах и наблюдая те изменения, которые произошли в их покрое и материале за одно столетие (XIX в.), можно отметить, что процесс развития форм женской рубахи у карел КАССР и карел Калининской области происходил почти одинаково. В середине XIX в. с развитием капиталистических отношений в деревне на смену белой холщовой рубашке приходит цветная. Верхнюю часть стали шить из фабричных тканей — кумача, сатина, светлого ситца, парчи. Изменение материала повлекло за собой и перемены в покрое. Появилась рубашка с кокеткой, иногда вышитой, стал иным покрой рукава. Постепенно рубашка стала превращаться в нижнюю нательную одежду — белье, поэтому в конечном итоге ее стали шить без рукавов, а поверх нее надевали платье или кофту с юбкой.

Вряд ли можно сомневаться, что рубашка в том или ином ее виде была, как и у большинства европейских народов, основой и важнейшим составным элементом всего комплекса карельской женской одежды не только в XIX в., но и задолго до этого времени. Не подлежит сомнению тот факт, что известный нам по этнографическим наблюдениям и музейным коллекциям комплекс карельской одежды с сарафаном (о нем мы скажем ниже) не является для карельской культуры исконным: он, безусловно, заимствован от русских, и ему должен был предшествовать наряд иного вида и состава. Если мы признали, что рубашка составляла основу этого, искомого досарафанного комплекса карельской женской одежды, то нам предстоит определить прочие элементы наряда, опираясь на эти исходные данные.

Сделать это сложно, так как в нашем распоряжении довольно мало фактов. Однако те, что имеются,⁴⁶ позволяют реконструировать хотя бы в контурном виде досарафанный тип наряда, предположив, что недостающие его элементы, во-первых, могли отчасти пережиточно сохраниться в живом бытовании или све-

⁴⁵ Г. С. Маслова. Народный орнамент. . . , стр. 10.

⁴⁶ В. В. Пименов. К вопросу о карельско-вепских культурных связях, стр. 37.

дения о них отложились в источниках, во-вторых, формы этих недостающих элементов, возможно, должны были до какой-то степени напомнить известные у соседних народов типы плечевой и поясной одежды.

Рассмотрим факты.

В районе Падан в XIX в. карельские женщины поверх сарафана носили короткую кофту-«рукавницу» (*piälishiemat*) туникообразного покроя, сшитую из грубого холста с вшивными прямыми рукавами с ластовицами, с круглым воротом (по шее), застегивающимся на одну пуговицу (рис. 23). На спинке рубахи снизу делался разрез. Аналогичная рубаха (ижорский *шмiкко*; водский *rukavnik*) имела распространение у ижор и води, но

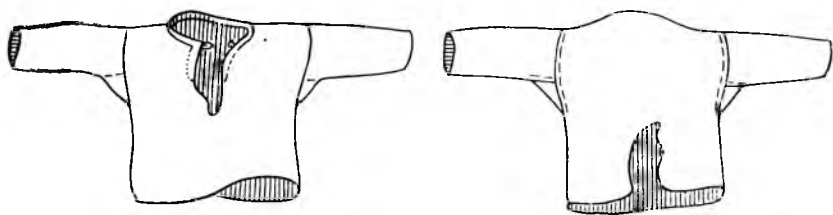

Рис. 23. Кофта-рукавница.

она в отличие от карельской делалась более длинной (до колен) и богато украшалась вышивкой по подолу и вороту.⁴⁷ Близкие по покрою и отчасти по назначению (производственная одежда) формы мы видим в коми-зырянском «лазе» и северновеликорусском (Владимирская и соседние области) «запоне».⁴⁸

Несколько смущают различия в длине всех этих форм одежды, в частности долгополость ижорско-водских вариантов. Может быть, поэтому Н. Ф. Прыткова относит рукавники ижор и води к передникам.⁴⁹

Это, однако, вряд ли верно. Ни их покрою, ни функциональное назначение не дают для этого оснований. Нам кажется, что сходство описанного карельского варианта с названиями рубах у перечисленных народов, с одной стороны, и заметная близость его покрою к конструкции архаических типов рубахи — с другой, допускают иное толкование, а именно: карельские *piälishiemat* представляют собою пережиток одного из искомых элементов древнего комплекса карельской женской одежды.

⁴⁷ Ср.: Н. Ф. Прыткова. Одежда ижор и води. Западнофинский сборник, Л., 1930, стр. 325; Я. Я. Лепсу. Материалы по говорам води. Там же, стр. 265; *Suomen suku, osa III*, Helsinki, 1934, стр. 346.

⁴⁸ В. Н. Беллицер. Очерки по этнографии. . . , стр. 245; Г. С. Маслова. Народная одежда. . . , стр. 650.

⁴⁹ Н. Ф. Прыткова. Одежда ижор и води, стр. 325.

В этой мысли нас укрепляют и косвенно ее подтверждают факты и соображения, связанные с поисками другого элемента этого комплекса. Поясная одежда карельских женщин, вероятно, предшествовала сарафану. Об этом свидетельствуют эпические песни, в которых сарафан совершенно не упоминается, а речь идет только о юбках (с. к. *hameh*; люд. *d'urka*, ливв. *jurku*).⁵⁰ Кроме того, это подтверждается и тем, что в XIX в. у карел-ливвиков, а также у части людиков значительное распространение имели юбки продольно- и поперечнополосатой расцветки, сшитые из домотканного холста или полусукна. Покрой юбок были прямой или клинчатый, часто по подолу пришивалась косая оборка шириной 20—25 см, обшитая коленкором. Юбки для работы (люд. *riid'urka*; ливв. *guadojurku*) шили из грубого холста; как правило, они были однотонные — серого или синего цвета. Юбка карелки всегда была собрана в сборку и имела сверху разрез и пояс с завязками. У людиков разрез с завязками делался всегда слева, а у ливвиков — сзади юбки.

О древности юбочного комплекса у южных карел говорит, наконец, и наличие у них в XIX в. несшитой юбки (*hurstut*), близкой по покрою к ижорской *hurstukset*. Карельская несшитая юбка состояла из 3 полотнищ грубого полосатого полусукна, причем ширина среднего полотнища равнялась примерно 0.5 м, а боковые были вполтину уже и книзу расширялись. На подоле пришивалась полоса другой ткани, чаще коленкора. В отличие от своей ижорской аналогии *hurstut* у карелок делалась длиннее и часто завязывалась не на талии, а на плечах. Этот элемент одежды отмечают у карел финские исследователи У. Сирелиус, И. Маннинен⁵¹ и др. Во время наших поездок по Карелии нам также удалось установить теперь уже довольно сильно стершиеся воспоминания старух-карелок о бытовании в прошлом несшитой юбки «на лямке». И. Маннинен в своем исследовании об одежде и украшениях финно-угорских народов отмечает, что *hurstut* как тип одежды была утрачена карелами задолго до XIX столетия, но ее название сохранилось в языке.⁵²

Несшитая набедренная одежда, пусть даже утраченная карелами к XIX в., полосатые юбки карелок были типичны для других западнофинских народов, в частности ижоры, води, эстонцев. У финнов *hurstut* не отмечена, однако в покрое юбок, а также в их расцветках у них много общего с карелами. Название юбки *hame* встречается у всех западнофинских народов и является древним заимствованием из древнегерманских языков.⁵³

⁵⁰ Карельские эпические песни, стр. 66, 67.

⁵¹ U. Sirelius. Suomen kansan pukujen historia. Helsinki, 1916, стр. 92; Suomen suku, osa III, стр. 352.

⁵² Suomen suku, osa III, стр. 352.

⁵³ Л. Хаккулинен. Развитие и структура финского языка, стр. 44.

Из всего сказанного мы заключаем, что наиболее древний карельский женский наряд, насколько о нем можно судить по этнографическим данным, видимо, состоял из туникообразной рубахи, поверх которой носили одежду вроде юбки, возможно несшитой, и свободную кофту также туникообразного покроя с короткими рукавами и, быть может, с разрезом сзади.

Чтобы покончить с поясной одеждой, упомянем также относящиеся к ней передники (с. к., люд. *peredniekka*; ливв. *regeñ-ñiekku*), которые надевали поверх юбок или позже сарафанов. Будничные передники шили из грубого холста, ситца, праздничные — из более дорогих и нарядных тканей. Передники шились из одного куска ткани, выкроенной по долевым ниткам, и укреплялись на талии при помощи длинных завязок. Подол передника украшался вышивкой, кумачом, куском парчи или кружевом.

Несмотря на сохранение отдельных следов прошлого бытования поясной одежды, в XIX в. наибольшее распространение на всей территории расселения карел получил сарафан — высокая юбка на лямках или цельнокроеное платье без рукавов, надеваемые поверх рубахи. У карел существовало множество названий сарафана, которые давались в зависимости от материала, покроя и т. п. (*saraffana*, *ferezi*, *cferezi*, *šiiča*, *krasiikka*, *kumakka*, *kosto*, *kostič* и т. п.). В той или иной степени эти названия, русские по происхождению, бытовали у всех групп карел.

Сарафаны шили из разных тканей: холста, пестряди, шерсти, ситца, сатина, шелка. Любили преимущественно яркие, «веселые» цвета. Наиболее ранним типом сарафана у карел был косоклинный, со спинкой до самой шеи, круглым воротом, с прямым разрезом впереди у ворота и застежкой на медной пуговице, с широкими проймами для рукавов. Сарафан такого покроя назывался *koštölevierpöimän* 'широкопроймный сарафан'.

Подобный тип сарафана известен верхневолжским карелам и описан Г. С. Масловой. У карел КАССР такой сарафан в начале XIX в. стал уже выходить из моды и к 90-м годам встречался очень редко, преимущественно у пожилых женщин. В этом типе сарафана сохранились черты наиболее древних форм (широкие проймы рукава). Для карел он являлся типичным, вероятно, в начале XIX столетия, хотя был в моде еще в XVIII столетии.

Косоклинный сарафан связан, очевидно, с московскими одеяниями XVI—XVII вв. и характеризуется тем, что «первоначально накладная одежда превращается в распашную с пуговицами и петлями спереди».⁵⁴ В документах по истории Карелии, относящихся к XVI в., уже встречается название «шушун».⁵⁵ Возможно,

⁵⁴ Г. С. Маслова. Старинная одежда и гончарное производство Каргопольщины. КСИЭ, 1949, стр. 5; ср.: D. Z e l e n i n. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin—Leipzig, 1927, стр. 215.

⁵⁵ Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941, стр. 277.

карельские женщины в это время носили сарафаны, аналогичные русскому шушуну. Не ясно только, называли ли сами карелы этот сарафан шушуну или в документах приведено русское название, была ли эта форма совершенно аналогична русской древней форме шушуна 'шушпан' или она уже претерпела влияние нового типа распашной одежды и в новом своем виде является поздним заимствованием. Все же полную аналогию с древним шушуну подтвердить не удастся, хотя этнографически известный карельский косоклиный сарафан очень близок к нему.

Наряду с шушуну в XVIII—начале XIX в. карелки носили обыкновенные косоклинные сарафаны на лямках с небольшим разрезом и пуговицами на груди. Такой сарафан описан Д. К. Зелениным.⁵⁶ По свидетельству автора, этот сарафан был известен у паданских карел под названием *kostič*. Костыч — очень распространенная форма косоклинного сарафана. Помимо паданских карелок, костычем (*košto*) называли косоклиный сарафан в Тунгуде, Кестеньге, Калевале, но в конце XIX в. его носили только старухи. Под таким же названием этот сарафан известен был в Архангельской, Олонецкой, Тверской и Новгородской губерниях.⁵⁷

В середине XIX в. у карелок получает распространение сарафан на лямках без рукавов, сшитый из четырех полотнищ и нескольких клиньев. Перед сарафана состоял из скошенных полотнищ, спереди имелся шов, а спинка состояла из одного косоугольного полотнища и четырех клиньев, по паре с каждой стороны. Сарафаны шили длинные. Пройму и верхний край обшивали кумачом или цветным ситцем. Такой тип сарафана был переходной формой от косоклинного к прямому.

Со второй половины XIX в. господствует прямой сарафан на лямках. В карельском языке он так и сохранил свое русское название (*saraffana*). Покрой его совершенно сходен с покроем русского сарафана. Его шили из 4—5 полотнищ. В верхней части делалась частая оборка, большая часть которой приходилась на спинку и бока; лямки узкие и длинные, на груди небольшой разрез.

Прямой сарафан у карел, так же как и у русских, был более поздней одеждой, чем косоклиный, и связан с распространением покупных тканей. Это заметил еще Б. А. Куфтин, писавший, что «почти всюду на территории своего распространения косоклиный сарафан связан с более древним слоем народной жизни, чем прямой сарафан».⁵⁸ Для прямого сарафана известны названия *saraffana*, *ferezi*, *šiča* (рис. 24). Собственно говоря, в позднее время сарафаном на Севере стала называться «юбка, поддеваемая неза-

⁵⁶ Д. К. Зеленин. О старом быте карел. . . , стр. 123.

⁵⁷ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, стр. 176.

⁵⁸ Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры. М., 1926, стр. 107.

мужними женщинами или молодыми, от талии, которую в свою очередь закрывал шугай». ⁵⁹ Особенно широкое распространение прямой сарафан получил в северной Карелии, куда уже в 50-х годах XIX в. проникают фабричные ткани. Прямой сарафан шился длиннее косоклинного. Ширина сарафана в подоле равнялась 3.5—4.5 м; чтобы он лучше сидел, под него надевали две-три юбки. Аналогичные сарафаны имели широчайшее распространение у русских Архангельской губернии, ⁶⁰ у коми-зырян, ⁶¹ води и ижор. ⁶²

В начале текущего столетия появился сарафан с лифом. Ничего общего, кроме названия, со старыми народными формами одежды он не имеет. Его происхождение Б. А. Куфтин связывает с западными областями, говоря, что он развился из таких слившихся форм, как белорусские андарак (юбка) и кибат (лиф). В русской деревне подобные сарафаны появились во второй половине XIX в.

В первые годы текущего столетия на сарафан стали надевать кофту с широкими рукавами и высоким стоячим воротником, которую шили обычно из фабричных тканей: бедняки — из ситца, а зажиточные — из шелка, шерсти и других материалов.

Таким образом, эволюция карельского (в истоке русского) сарафана в общем повторяла с некоторым отставанием процесс развития северновеликорусского женского наряда. Однако на рубеже XIX и XX вв. в некоторых районах Карелии распад традиции ношения сарафана неожиданно привел (не без влияния городской моды) к возрождению на новой основе более раннего типа одежды — рубахи и кофты с юбкой. Конечно, покрой отдельных элементов этого наряда стал в значительной мере иным, но самая комбинация их в чем-то повторяла древнюю традицию. Так, у карел-ливвиков наибольшее распространение имели юбки (jurku), сшитые из домотканного холста и полусукна поперечнополосатой и продольнополосатой расцветки. Юбки носили с кофточкой (kovhtu), а весь комплекс юбки с кофточкой называли ruagu.

Как и у многих других народов, в карельской женской одежде имеются некоторые детали, ⁶³ по которым легко отличить наряды замужних женщин от нарядов девушек.

В литературе сохранились описания ⁶⁴ как праздничной, так и будничной женской одежды, в которых такие различия и особенности наряда замужних женщин и девушек отмечены вполне

⁵⁹ П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877, вып. 1, стр. 54.

⁶⁰ Г. С. Маслова. Народная одежда. . ., стр. 642.

⁶¹ В. П. Белицер. Очерки по этнографии. . ., стр. 265.

⁶² П. Ф. Прыткова. Одежда ижор и води, стр. 329.

⁶³ Некоторые из этих деталей (головные уборы, украшения) мы подробнее опишем ниже.

⁶⁴ Н. Камкин. Архангельские карелы, стр. 76; Д. К. Зеленин. О старом быте карел. . ., стр. 123; А. М. Линевский. Карелы, стр. 96. и др.; И. В. Оленев, Карельский край. . ., стр. 86, 87.

рельефно.⁶⁵ Например, у И. В. Оленева — «Праздничный наряд девиц не отличается разнообразием, но не лишен вкуса и даже некоторого изящества. Он состоит из белой коленкоровой или полотняной рубанки с короткими рукавами, оканчивающимися обор-

Рис. 24. Карелка из пос. Наданы Медвежьегорского района в национальном костюме.

ками с кружевами, и кумачового или шерстяного, а у богатых шелкового сарафана. На плечи накидывается небольшой шерстяной или шелковый платок с полосатыми разводами, который, скрещиваясь на груди, концами прикрепляется по сторонам талии. Грудь украшается блестящими брошками, а шея — разноцветными бу-

⁶⁵ Они в общем совпадают и с нашими наблюдениями.

сами;. . . В косы влетают длинные яркие ленты, на голове носят узкие красные или голубые повязки.

«Наряд замужних молодых женщин отличается от девичьего тем, что вместо грудного платка они одевают короткую прямую кофту, обшитую тесьмой или позументами, а на голове носят высокий повойник (сорокка), который у богатых шьется из парчи».⁶⁶

Верхней одеждой у женщин в XIX в. был упоминавшийся уже кафтан из серого домотканного полусукна или холста. По покрою он был аналогичен мужскому кафтану, и разница заключалась лишь в том, что женский делался шире, имел больше сбор и был

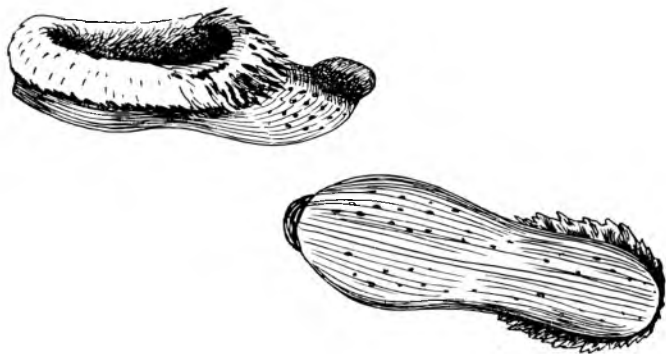

Рис. 25. Домашние туфли (kuikkasturnit).

короче. Весьма распространенным видом верхней зимней одежды с середины XIX в. стало суконное или бархатное на вате или же на меху пальто, сшитое из покупной ткани. Его обычно шили прямым, с отложным воротником и застежкой на пуговицах.

Бедняки одевались в более дешевое пальто или шубы, сшитые из овчины, с отрезной спиной, собранной на ноясе в сборку.

Женская обувь у карел, как упоминалось, очень близка к мужской. Самой распространенной в XIX и XX вв. были кóты (с. к. kotit; люд. kotad; ливв. kottu), сшитые из коровьей кожи. Подобный тип обуви известен был тверским карелам, вепсам и русским. Женщины также носили сапоги, но на подсеку и сенокос надевали лапти. У северных карел (в районе Тунгуды) имели распространение домашние туфли (рис. 25) из шкурки гагары (kuikkasturni). С убитой гагары снимали шкурку целиком, срезали крылья, выворачивали пером внутрь, а чтобы перо не выпало, с внутренней стороны шкурку смазывали жидким ржаным тестом и натягивали на колодку. Так она сохла целое лето. Осенью шкурку снимали и делали из нее мягкие теплые и удобные туфли. Такие туфли

⁶⁶ И. В. О л е н е в. Карельский край, стр. 86, 87.

делали только в трех деревнях: Кевязозеро, Афонино и Ушково. В других местах нам не удалось даже слышать о их существовании в прошлом.

Карелы вязали из шерсти чулки и, кроме того, наголенники (kalzut), которые также шили из домотканного холста, подвязывая их завязками сверху и на щиколотках. Такие наголенники известны тверским карелам, вепсам, эстонцам и некоторым другим народам.⁶⁷

Ливвики в XIX в. вязали свои чулки без пяток с помощью одной спицы. Вязка получалась очень плотная. Такие чулки надевали на работу в лес; их носили также охотники. По всей вероятности, чулки без пятки — наиболее древняя форма; не случайно, в составе «смертной» одежды всегда фигурировали чулки без пяток.

Отдельного рассмотрения заслуживают головные уборы, прически и украшения карелок.

Головные уборы и прическа девушек карелок отличались от таковых у замужних женщин. Девушки не закрывали волосы головным убором, носили длинные волосы и заплетали их в одну косу. «В будни плели ее в три прядки», а в праздники в шесть, семь и более, что русские называют «без числа».⁶⁸ В косу вплетали шелковую ленту шириной 45—60 мм. Девушки карелки повязывали голову так называемой лентой (очелье) и платком. «Лента» состояла из куска яркой ткани, чаще парчи (праздничная лента) с тесемками, которые завязывались на затылке. Передняя часть этого убора часто украшалась бисером, жемчугом, вышивкой, в зависимости от состоятельности родителей девушки. В будни его заменял треугольный платок, который складывали в ленту и повязывали на голову. Девичьи косынки подобного типа не являются специфичными только для карелок. Они были хорошо известны на довольно большой территории Волго-Камья, северных и центральных губерний России.⁶⁹ Несомненно, эти девичьи головные уборы заимствованы карелами у русского населения. Для их обозначения даже не имеется местных терминов. Но самым распространенным девичьим головным убором был платок.⁷⁰ Его первоначально повязывали поверх ленты (или косынки) с таким расчетом, чтобы видна была ее наружная часть. Когда косынки вышли из моды, головным убором стал один платок, его складывали углом и завязывали под подбородком.

⁶⁷ Г. С. Маслова. 1) Народная одежда. . . , стр. 716; 2) Народный орнамент. . . , стр. 22.

⁶⁸ Ср.: Д. К. Зеленин. О старом быте карел. . . , стр. 124.

⁶⁹ См. подробнее: Г. С. Маслова. Народная одежда. . . , стр. 652—658.

⁷⁰ Ср.: Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925 и 1926 годах, ч. I. М., 1927, стр. 69.

У калевальских и кестеньгских карел, кроме головного платка, девушки носили на праздниках еще платки больших размеров, которые набрасывали на плечи и, пропустив концы платка вокруг талии, завязывали его впереди (крестообразно). Эти платки отличались разнообразием. В праздничные дни, в особенности в зимнее время, на плечи набрасывали по три-четыре платка. Наличие большого числа платков свидетельствовало о состоятельности их обладательницы.

Обычай закрывать лицо не характерен для карел и имел место лишь в свадебном обряде, когда молодую, зашлепя ей две косы, выводили к гостям накрытую платком.

Головные уборы женщин более сложны и разнообразны по форме и видам, чем девичьи. Основным их принципом являлось стремление закрыть волосы. Женщины в прошлом зашлепали две косы, каждая в три прядки, а затем укладывали их на голове. Поверх волос одевалась «сорока» (люд. sorokk; с. к. -а; ливв. -u), близкая русской северной «сороке-сдерихе». В ней те же составные части. Нижняя часть убора — золоченое парчовое, несколько выпуклое очелье (očušta), которое напоминает девичью ленту. Собственно сорока — верхняя украшенная часть, более широкая (в виде тульи), из штофной ткани. Обе части сшивались и прикреплялись к позатыльнику (riajalgi), состоящему из двух частей: прямоугольной колодки, сшитой из нескольких кусков ткани и унизанной бисером, и боковых лопастей-крыльев.

Обряд расплетания волос и перемены прически совершался у карел перед свадьбой в доме невесты. Этот момент отражен в «Калевале». Айно, невеста Вейнемейнена, обращаясь к матери, говорит:

Есть о чем, родная, плакать:
Жаль мне кос моих прекрасных
И кудрей головки юной,
Жаль волос девичьих, мягких;
Мне так рано их закроют,
С этих лет мне их завяжут.⁷¹

Ленточки-косоплетки и лента (головной убор) отдавались сестре или близкой подруге.

К середине прошлого века карельская сорока, как и русская, претерпела сильные изменения. В новом своем виде она стала чаще называться повойником (с. к. lakkiраikka; люд. povoinickk; ливв. -u).

Повойники (рис. 26) шили чаще всего из белой ткани в виде шапочки, чрезвычайно простой по крою: вырезалась круглая «макушка» и перпендикулярно к ней пришивался околыш; сзади околыш раздваивался, образуя «крылышки» повойника. Точно такие же повойники известны русским, например, на Заонежском

⁷¹ Калевала. Карело-финский народный эпос. Петрозаводск, 1956, руна 3, стр. 18.

полуострове и в Пудожском крае, а также венсам Шимозера. Любопытная черта шимозерского повойника та, что крылышки его были длиннее, так что концы их можно было связать узлом. Дополнительных завязок не требовалось. В карельском же и русском повойнике к крылышкам пришивался еще шнурок (или тесьма), с помощью которого он плотно укреплялся на голове. Концы (крылышки ⁷²) венского повойника связывались на за-

Рис. 26. Карелка из дер. Ладвозеро Медвежьегорского района в национальном костюме.

тылке так же, как, очевидно, раньше связывались и «крылья» сороки-сдерихи.

Своеобразно преобразилась старая форма сороки-сдерихи у олонецких ливвиков. Здесь лет 40—50 тому назад еще бытовал женский головной убор, называвшийся ёбрёй. По покрою он напоминал повойник. Но ёбрёй — нарядный головной убор. Его шили обычно из красивой дорогой материи (чаще всего из бархата), а макушку и верхний край околыша расшивали золотой или серебряной нитью. Под макушку подкладывали кружок из

⁷² У карел и венсов названия «крылышки» нет. Оно отмечено только у русских Пудожского края. Мы, однако, считаем возможным употребление этого термина для обозначения одних и тех же частей в одинаковых головных уборах.

бересты, картона или плотной строченной ткани так, чтобы верх был жесткий. На затылке околыш раздваивался. По внешнему виду ёррёй очень схож с головным убором поморок.

Украшения головного убора, как и прочие украшения, в известной мере отражали социальное положение женщины, ее возраст. Карельские женщины украшали головные уборы парчой, бисером, жемчугом и иногда вышивкой. В южной Карелии (Олонец, Пряжа) носили богатые кокошники, известные под названием *žemčugat*. Носили женщины головные и наплечные платки, но менее яркие, чем у девушек.

Из ушных украшений более ранней формой, исчезнувшей вместе со старинной одеждой, являются трех- или четырехбусинные серебряные серьги. Такие же серьги были известны финнам-ингерманландцам, ижорам и води.⁷³

Шейными украшениями служили бусы, которые надевались в праздники. Наиболее ранний тип бус — стеклянные круглые, нанизанные на крученный шнурок. Более состоятельные женщины и девушки носили бусы из жемчуга. Особенно ценными считались бусы из красного жемчуга, который добывался саамами. Все православные (как женщины, так и мужчины) носили на груди нательные кресты иногда на шнурке, а иногда на цепочке. В широком употреблении были серебряные, медные, а у более зажиточных — золотые кольца, перстни и серьги.

«Косметические» средства употреблялись очень редко. Лишь для мягкости кожи лицо обтирали сметаной. Н. Я. Озерецковский в конце XVIII в. отметил употребление белил.⁷⁴

В качестве румян девушки употребляли особую едкую траву, которой слегка натирали щеки. В XIX в. у олонецких карелок, судя по одному сообщению, в моде было чернение зубов.⁷⁵

Итак, в карельской одежде, как можно заметить, явственно различаются два слоя, обособленных хронологически и обнаруживающих два главнейших направления культурных связей карел. Хотя древнейшая традиционная одежда карел в XIX в. уже в значительной степени была утрачена, все же в пережиточном виде мы застаем отдельные ее элементы: рубаху туникообразного покроя, женскую кофту с разрезом на спинке (*piälshiemat*), следы несшитой набедренной одежды (*hurstut*), чулки без пятки, накомарник (*kukkel'*) и т. и. Все это элементы наиболее древнего

⁷³ Подробное описание древних украшений карел см.: *U. Blomstedt und V. Suksdorf. Karelsche gebäude und ornamentale Formen. Helsingfors, 1902, стр. 182; Н. Ф. Прыткова. Одежда ижор и води, стр. 335; Suomen suku, osa III, стр. 387—389.*

⁷⁴ Н. Я. Озерецковский. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильмена. СПб., 1812, стр. 345.

⁷⁵ П. Минорский. 1) Олонецкие карелы и Ильинский приход. Олонецкий сборник, вып. 2, стр. 186; 2) Олонецкие карелы и Ильинский приход. Архив РГО, раздел 25, оп. I, д. 3.

слоя. В них обнаруживается большая близость с одеждой западных финнов, в частности ижор, води и венсов. Одинаковая терминология многих элементов народной одежды и обуви (например, *paita, pukšut, sukk, vöö, kinnas, hurstut, kalzut* и т. д.), сходство в ее покрое свидетельствуют, вероятно, об общем их происхождении.

Дальнейший анализ народной одежды карел позволяет говорить о чрезвычайном сходстве более позднего их костюма и обуви с северновеликорусским. Многие из карельской одежды носят русские названия (например, *saraffana, d'urka, sorokka, tulupp, suarra, kuatančat*). Однако следует заметить, что подобные же элементы одежды с аналогичными названиями бытовали на обширной территории как у восточнославянских, так и у финно-угорских народов.

Вместе с тем в одежде карел, а также в манере ее ношения имеются и специфические особенности. Таково, например, ношение шарфа, шейного платка (*kaglaraikka*), рукавиц для рыбной ловли, связанных из конского волоса, и т. п.

Несмотря на то что народный костюм, как мы его застаем в XIX—начале XX в., в общем был более или менее однообразен у всех групп карел, тем не менее по отдельным его элементам можно выделить определенные локальные варианты. Прежде всего, как нетрудно убедиться, видны различия между югом и севером. Ливвиковско-людиковские формы одежды почти идентичны, хотя и у каждого из них есть некоторое своеобразие. Так, для карел-ливвиков были характерны комплекс женской одежды с юбкой, богато украшенные головные уборы (кокошники), тканые украшения (*poimindu*), несшитая набедренная одежда (*hurstut*) и т. п. Для карел-людиков характерны вышитые (досюльным швом) украшения, чулки и рукавицы, связанные одной спицей, и т. п.

Специфические детали отмечают и одежду собственно карел. Здесь мы видим женскую рубаху с разрезом на спине, обувь с загнутым носком (*nüppiken'kät*), девушки и женщины носят платки, перекрещивая на груди и заправляя их концы на талии.

Г л а в а ш е с т а я

Н О В Ы Е Ч Е Р Т Ы В М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й К У Л Ь Т У Р Е К А Р Е Л В С О В Е Т С К У Ю Э П О Х У

Материальная культура карел, как и любого другого народа нашей страны, за годы Советской власти претерпела громадные изменения. Карелы получили от старого строя тяжелое наследство в области быта: низкий уровень грамотности, здравоохранения, крайне тяжелые жилищные условия, плохие дороги и проч. Естественно, что переустройство быта на новых социалистических началах было делом трудным, сложным и длительным. В. И. Ленин уже в первые годы Советской власти предупреждал, что «следы старого в нравах известное время после переворота неизбежно будут преобладать над ростками нового. Когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его. . .».¹ Борьба старого с новым в области материальной культуры составляет основу всего процесса, в большой мере определяя особенности соотношения традиционных и новых черт и элементов материальной культуры.

Так, если в первое десятилетие советской эпохи наряду с нововведениями в материальной культуре карел сохраняется еще довольно много традиционных элементов крестьянского быта, промыслов и домашних ремесел, то с проведением коллективизации сельского хозяйства традиционные элементы все больше уступают место новым чертам, глубже проникавшим в быт деревни. В это время в карельской деревне заметно возрастает материальное благосостояние колхозников, меняется облик деревень, появляются новые поселки для рабочих, складываются новые формы

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 20.

хозяйства и производственного быта, в употребление входят новые ткани и, что было раньше редкостью, готовое платье, распространяются ранее не доступные для крестьян пищевые продукты, предметы утвари промышленного изготовления. Во время Великой Отечественной войны многие элементы материальной культуры были уничтожены, материальные трудности способствовали возвращению некоторых ее старых, отживающих форм (домотканщина, берестяная обувь, пищевые суррогаты и т. п.). Эвакуация населения в тыл страны вызвала усвоение новых черт, присущих окружающему карел населению.

Послевоенное восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства, рост материального благосостояния народа, последующее развитие технической и культурной революции способствовали в это же время тому, что некоторые традиционные формы крестьянской материальной культуры оказались ненужными и крестьяне-колхозники стали от них отказываться. Так, например, выходят из употребления многие старые сельскохозяйственные орудия, средства передвижения, прежняя народная одежда, забываются способы приготовления обрядовой пищи, изменяется в какой-то мере техника возведения жилых и хозяйственных построек, отпадает необходимость в пользовании берестяной и деревянной утварью и т. п. На смену старым формам материальной культуры приходят новые, которые более отвечают вкусам и запросам народа и соответствуют социалистическим общественным отношениям, а старые постепенно уничтожаются, уходя из быта, забываются, хотя некоторые элементы традиционных особенностей остаются и получают дальнейшее развитие.

Последнее десятилетие характеризуется более полным развертыванием тех тенденций, которые вообще свойственны развитию материальной культуры в советскую эпоху. Решение съездов партии и пленумов ее ЦК создали для этого более благоприятные условия.

Хозяйственные занятия. Первостепенное значение — с первых дней установления в Карелии власти рабочих и крестьян и до настоящего времени — с точки зрения воздействия на изменение форм быта и культуры населения края имела хозяйственная деятельность органов Коммунистической партии и Советской власти, направляющая ход экономических процессов, развитие промышленности и сельского хозяйства на социалистической основе. Развертывание этих объективных процессов обусловило постепенную перестройку той сферы быта, которую этнографы обычно определяют как занятия или, несколько уже, производственный быт населения.

Первая мировая и гражданская войны, иностранная военная интервенция, а также события, связанные с белофинской военной интервенцией 1921—1922 гг., подорвали хозяйство края.² Поэтому

² См.: Из истории интервенции и гражданской войны в Карелии (1918—1920). Тр. Карельск. фил. АН СССР, вып. 24, Петрозаводск, 1960; Я. А. Ба-

его восстановление и последующее развитие, поиски наиболее целесообразных направлений хозяйственной деятельности должны были осуществляться с учетом реальных возможностей и условий (природных, социальных, этнических и др.), среди которых не последнюю роль играли те традиционные трудовые навыки, которые были выработаны карелами в предыдущие периоды.

Бурное развитие в советскую эпоху карельской лесозаготовительной и лесоперерабатывающих отраслей промышленности, превращение Карелии, особенно в годы предвоенных пятилеток, в «валютный цех» страны, расширение сплава, создание новых транспортных магистралей (Беломорско-Балтийский канал, шоссейные дороги, новые железнодорожные участки)³ — все это на первых порах соответствовало наличным производственно-бытовым формам, а в последующем позволило перестраивать их, каждый раз приводя в соответствие с новым этапом в строительстве промышленности и хозяйства в целом.

Разумеется, прогресс в экономике края не ограничивался развитием только лесной промышленности. Самая структура хозяйства Карелии стала иной, разносторонней. В республике созданы энергетическая, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная (Кондопожский, Сегежский целлюлозно-бумажные комбинаты и др.), гидролизная, тракторостроительная, судостроительная, горная, текстильная, рыбная промышленность, цветная металлургия, промышленность строительных материалов и т. д.⁴

Дальнейшее развитие получила металлообрабатывающая промышленность, которая особенно возросла в послевоенный период. Машиностроение республики представлено Онежским тракторным заводом, судоремонтными и механическими предприятиями. В республике ведется строительство завода-гиганта бумагоделательных машин.

Все это имело громадное значение для формирования основных направлений хозяйственной деятельности населения, его занятий и производственного быта, решающим образом повлияло и на изменение материальной культуры карел. Вместе с тем следует иметь в виду, что основная масса карельского населения республики сосредоточивалась по преимуществу в лесной промышленности и в сельском хозяйстве, вследствие чего мы должны вкратце охарактеризовать эти две стороны экономики края.

Лагуров. Борьба за советы в Карельском Поморье. Петрозаводск, 1958; Ф. И. Егоров. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1919 г. Петрозаводск, 1952; Е. С. Гардин. Разгром белофинской авантюры 1921—1922 гг. Петрозаводск, 1947; С. С. Хесин. Разгром белофинской авантюры 1921—1922 гг. в Карелии. М., 1949; Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—1922 гг. Сборник документов. Госиздат КФССР, 1944.

³ Карельская АССР. М., 1956, стр. 244—253.

⁴ И. Я. Валентик. Семилетка Карелии в действии. Цифры и факты. Петрозаводск, 1963.

Уже в 1918 г. осуществляется централизация руководства всеми лесозаготовками в руках государственных органов — лесных комитетов при губернском и уездных совнархозах. В 1922 г. лесозаготовительные объекты и лесонильные заводы были объединены в тресты. В дальнейшем также проводилось изменение структуры управления и организации лесной промышленности. В 1930 г. возникли леспромхозы, в 1934 г. — механизированные лесопункты.⁵

Техника лесозаготовок изменялась медленно.⁶ Главными орудиями труда продолжали оставаться топор, поперечная пила (pila), кол-аншпуг (kangi), с помощью которого бревно наваливали на сани (regi) с подсанками (pankoregi) и сгружали у места штабелевки. Сучья обрубали в лесу, у пня.

На сплаве основным инструментом, как и прежде, был багор (bagru), которым действовали и при разборе заломов, и при сортировке, и при сплотке. По большим озерам древесину проводили в кошелях, которые окружались оплотником (замкнутая цепь из связанных гибкими еловыми корнями бревен); кошель передвигали с помощью плота с воротом.

Лесная промышленность испытывала большие трудности, одна из причин которых коренилась в том, что низкий технический уровень неизбежно порождал соответствующие малопродуктивные формы труда. Лесозаготовки, как и сплав, оставались сезонным производством. Они осуществлялись только зимой. Это не способствовало закреплению здесь основной массы рабочих, которые лишь на сезон прибывали на лесоучастки и лесопункты, порождало и культивировало старую идеологию отходничества, сезонничества.

Среди сезонников были две основные группы: местные крестьяне карелы, которые весной и летом работали в своих хозяйствах, а позднее в колхозах (кроме того, существовал небольшой контингент постоянных, наиболее квалифицированных рабочих, который также состоял из местных жителей; число постоянных рабочих постепенно увеличивалось), и приезжие рабочие из различных областей страны. В 1926 г. приезжие лесорубы составляли в республике $\frac{1}{3}$ общего количества работавших в Карелии лесозаготовителей.⁷ В дальнейшем это соотношение изменилось в сторону увеличения пришлого элемента.

В конце 20-х—начале 30-х годов лесозаготовительные предприятия республики впервые приступили к созданию собственных конных обозов, внедрили большое количество усовершенствован-

⁵ И. В. Первозванский. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии. В сб.: Вопросы рационального использования лесов Карелии. Петрозаводск, 1959, стр. 33—59.

⁶ В. В. Пименов. Производственный быт лесорубов Карелии. СЭ, 1964, № 4.

⁷ Очерки истории Карелии, т. II. Петрозаводск, 1964, стр. 203.

ных саней типа pankoregi, построили первые ледяные поливные дороги, началось применение тракторов на вывозке леса, вошли в употребление лучковые пилы. Техника лесозаготовок постепенно совершенствовалась. К 1937 г. количество постоянных рабочих на лесозаготовительных предприятиях республики достигло 12.4 тыс. человек.⁸ Были созданы первые механизированные лесопункты в Вилге и Матросах — южная Карелия. Резко увеличилась вывозка леса тракторами и автомашинами.

Великая Отечественная война и оккупация нанесли серьезный материальный ущерб лесозаготовительной промышленности Карелии, исчислившийся в 537 млн рублей.⁹

Восстановление и дальнейшее развитие лесозаготовительной промышленности, которой придавалось большое значение, было бы сильно затруднено без привлечения дополнительно большого числа рабочих из других республик и областей Советского Союза. После войны, а особенно с 1949 г., сюда начался массовый прилив рабочих, завербованных в северных областях РСФСР, украинском Полесье, а особенно в Белоруссии. Главная отличительная особенность этого этапа формирования кадров рабочих состояла в том, что теперь рабочие приезжали не на сезон, а на более длительный срок, и местные органы старались создать прибывшим такие условия, которые способствовали бы их оседанию на новых местах.

Переселявшимся в Карелию для работы в лесозаготовительной промышленности предоставлялись большие льготы (приусадебные участки и сенокосные угодья, ссуды, пособия).¹⁰

Благодаря неустанной заботе Коммунистической партии и Советского правительства лесозаготовительная промышленность Карелии за послевоенные годы пережила подлинную техническую революцию и превратилась в индустриальную отрасль народного хозяйства, богато оснащенную передовой техникой (электромоторными, а затем бензомоторными пилами, тракторами, погрузочными механизмами, автолесовозами, узкоколейными железными дорогами, строительной техникой). К 1955 г. в лесной промышленности Карелии была преодолена сезонность, выросли постоянные кадры рабочих, сложившиеся из представителей различных национальностей. Так, например, в Пряжинском леспромхозе работают представители 21 национальности. Значительную часть рабочих составляют карелы. В поселке Верхний Олонец, рядовом лесопункте Олонецкого леспромхоза, трудятся рабочие восьми национальностей, почти половина их — карелы.

Значительный интерес с точки зрения развития производственного быта представляет эволюция форм объединения рабочих

⁸ И. В. Первозванский. Очерки по развитию лесного хозяйства. . . , стр. 55.

⁹ Там же, стр. 65, 66.

¹⁰ Там же, стр. 67.

в процессе производства. В первые годы Советской власти лесозаготовители, как и прежде, работали семьями, объединяясь в семейные кооперации, использующие собственную лошадь и собственные орудия труда. В дальнейшем они объединялись в ячейки, состоявшие из трех человек — рубщика, его помощника и возчика. Рабочие-сплавщики объединялись в артели. В 30-е годы начался переход к созданию бригад,¹¹ структура которых также не раз претерпевала изменения (пооперационная, большая комплексная и др.). Теперь (с 1957 г.) основной формой организации труда в лесу стала малая комплексная бригада, состоящая из вальщика — моториста бензопилы, тракториста, работающего на трелевочном тракторе, чокеровщика, крепящего поваленные деревья к тросу тракторной лебедки, и двух-трех обрубщиков сучьев. Сплавщики также работают побригадно, хотя бригады сплавщиков имеют свои отличия.

Весьма показательно то, что развитие техники производства, организации труда и т. д. сопровождалось и в значительной мере обуславливало коренные изменения условий труда и быта лесорубов. Карелы-лесорубы, в 20-е годы покидавшие на период лесозаготовительного сезона свои деревни, строили в лесу традиционные избушки, в которых жили, варили пищу, чинили инструменты и т. д. В конце 20-х—начале 30-х годов, особенно в связи с наплывом сезонных рабочих, возникают небольшие поселки-лесоучастки, состоявшие из нескольких бревенчатых построек — общежитий барачного типа. Поселки первых механизированных лесопунктов отличались от них лишь большим числом таких же барачных барачных.

Лишь позднее — уже в послевоенные годы — появилась возможность решительно улучшить бытовые условия лесорубов. Теперь рабочие живут в благоустроенных лесных поселках, приближенных к местам работы. На работу рабочих доставляют в автобусах. В лесу имеются столовые, где во время обеденного перерыва можно получить горячую пищу. К услугам рабочих и их семей квалифицированная медицинская помощь: во всех лесных поселках функционируют медицинские пункты, амбулатории и больницы. В поселках работают магазины, пекарни, столовые, коммунальные бани и проч.¹²

В послевоенный период значительно возросло материальное благосостояние лесозаготовителей.¹³

¹¹ Подробнее см.: Г. В л а с с е в. Лесозаготовки в Карелии. М.—Л., 1932.

¹² См. подробнее: В. В. П и м е н о в, Р. Ф. Т а р о е в а, У. С. К о н к к а и др. Верхний Олонец — поселок лесорубов, М.—Л., 1964, глава «Медицинское, коммунальное и другие виды бытового обслуживания». — Во избежание повторов заметим, что сельское население Карелии, так же как и рабочие-лесозаготовители, хорошо обеспечено услугами медицинских, школьных, детских и культурно-просветительных учреждений.

¹³ Там же, глава «Семья и семейный быт».

Если в промышленности Карелии перспективные направления развития производства были определены довольно скоро и, так сказать, естественно, то в сельском хозяйстве период поисков перспективных направлений был более продолжительным. На первом этапе — в доколхозный период — вопрос о выработке целесообразного направления специализации сельского хозяйства Карелии практически ставиться не мог. Разоренное войнами крестьянство вело хозяйство традиционными методами, старыми орудиями, прежними трудовыми приемами.

Помощь, которую оказывало Советское государство бедняцким и середняцким хозяйствам (продовольствием в голодные годы, кредитом, сельскохозяйственными орудиями и т. д.¹⁴), способствовала подъему производства, облегчала положение бедняцко-середняцких масс, но до проведения массовой коллективизации не могла обеспечить коренного переустройства социальных отношений, не говоря уже о перестройке быта и материальной культуры деревни.

В конце 20-х годов под руководством партийной организации республики крестьянство Карелии, как и всего Советского Союза, приступило к коллективизации. В Карелии колхозное движение развивалось медленнее, чем в зерновых районах страны. Прежде всего сплошная коллективизация была осуществлена в Поморье, где в 1931 г. большинство рыбацких хозяйств объединилось в колхозы. К концу 1932 г. сплошная коллективизация завершилась в Кестеньгском, Ухтинском, Ругозерском, Петровском и Медвежьегорском районах.

Одна из особенностей колхозного движения в Карелии заключалась в том, что здесь приходилось учитывать традиционные особенности местного крестьянского хозяйства, которое не только образовалось на земледелии и животноводстве, а включало в себя в качестве важного элемента разнообразные промысловые занятия (лесозаготовки, рыболовство, охоту и проч.). В создавшихся колхозах должна была сочетаться промысловая и сельскохозяйственная деятельность колхозников. Поэтому наряду с сельскохозяйственными и рыболовецкими колхозами создавались смешанные, т. е. такие, где сочеталось сельское хозяйство с рыболовным промыслом.

Коллективизация сельского хозяйства в республике развертывалась в обстановке острой классовой борьбы. Кулачество всячески сопротивлялось коллективизации, объединяя вокруг себя все враждебные Советской власти элементы. Особенно значительными были выступления кулацких элементов в Поморье и в южной Карелии. Однако все эти выступления не могли остановить социа-

¹⁴ Очерки истории Карелии, т. II, стр. 150, 174 и др.

лиственной перестройки деревни. Трудовое крестьянство оказывало решительный отпор враждебно настроенным элементам.¹⁵

Процесс объединения в колхозы шел параллельно с внедрением в производство техники, с выработкой новых коллективных форм труда и на этой основе новых форм производственного быта. В 1932 г. в сельском хозяйстве Карелии имелось уже 85 тракторов, 542 молотилки, 255 сенокосилок, 195 сеялок, 886 зерноочистительных и других сельскохозяйственных машин.¹⁶ Весной 1931 г. в Олонце была организована первая в Карелии машинно-тракторная станция. В 1932 г. машинно-тракторные станции создаются в Прионежском и Пудожском районах. К 1940 г. посевные площади увеличились до 109.6 тыс. га за счет включения новых территорий в состав КАССР. Число МТС в 1940 г. достигло 32. В сельском хозяйстве Карелии к этому времени имелось 700 тракторов, 215 грузовых автомашин, 62 комбайна.¹⁷ Вместе с тем доля ручного труда с использованием традиционных орудий была еще велика. Сено косили, правда, уже не горбушей, а косой-литовкой (с. к. stoikka; люд. stoikk; ливв. -u); нередко на уборке зерновых работали серпами, а хранили зерно в традиционных тина амбарах.

Только теперь, после коллективизации, появилась возможность для действительной работы по выбору основного направления специализации сельского хозяйства республики. Однако эта возможность, к сожалению, не была использована и карельские колхозы и совхозы оставались многоотраслевыми, занимались всем понемногу — от ведения зернового хозяйства до лесозаготовок.

Бытовой уклад жизни в деревне в связи с радикальным изменением социальных отношений, вызванным коллективизацией, приобрел много новых, прежде неизвестных черт. Постепенно менялась техника ведения общественного хозяйства, широко вводилась механизация земледельческих работ и рыболовства. Формами объединения колхозников в труде стали бригады¹⁸ (полеводческие, животноводческие, рыболовецкие и т. д.), подразделявшиеся в свою очередь на звенья, которые имели более узкую производственную специализацию. Вводились новые и распространялись ранее малоизвестные сельскохозяйственные культуры (пшеница, свекла, капуста, морковь, турнепс и др.). Вместе с тем вытеснялись малопродуктивные традиционные культуры (репа), отпала необходимость в выращивании технических культур — льна и конопли. Карелы, ранее почти не разводившие свиней, стали развивать свиноводство, а также разводить коз. Велись работы по улучшению породности местного скота. Про-

¹⁵ Подробнее см.: Очерки истории Карелии, т. II, стр. 245.

¹⁶ Там же, стр. 242, 243.

¹⁷ Там же, стр. 330.

¹⁸ И. А. Петров. Организация рабочих бригад в колхозах. Петрозаводск, 1931.

изошла коренная перемена технологии производства — введение правильных севооборотов, отмирание трехполья и подсечного хозяйства и т. д. Вводились машинная заготовка сена, силосование кормов и проч. Сложилась тесная связь колхозов с лесозаготовительными предприятиями. Теперь колхозы планировали участие своих членов в лесных работах (лесозаготовках и сплаве), формировали бригады лесорубов и сплавщиков, заботились об инструментах и лошадях и т. д. Отнала необходимость для каждого крестьянина самому отыскивать возможности сезонного заработка. Работы в самих колхозах и на лесозаготовках было много, и пропала потребность для колхозников в занятиях некоторыми промыслами (кожевенным, плетением из бересты кошель, лаптей и т. п.).

Значительно возросло материальное благосостояние карельских колхозников. Помимо денег и продуктов сельскохозяйственного труда, получаемых по трудодням, колхозники имели приусадебные участки, на которых основная площадь засаживалась картофелем, а на огородных участках выращивали капусту, морковь, свеклу, лук, в южной Карелии кое-где в парниках разводили огурцы. Обработка этих участков производилась при помощи лошади, которую выделял колхоз. Следует заметить, однако, что здесь довольно долго продолжали пользоваться старыми орудиями труда, которые в общественном хозяйстве уже вышли из употребления. Пахали чаще сохой, так как поля были небольшие и каменистые, на которых трактор и плуг не получали необходимого простора. Боронили бороной-суковаткой. При посадке картофеля для личных нужд иногда устраивались традиционные «помочи», но теперь в них участвовали не только родственники, но и члены звена или бригады, в которой работал колхозник, устраивающий их.

В каждой семье содержали корову, овец, свинью, кур. Своим членам колхоз выделял сенокосные участки. Способы уборки сена были традиционными. Здесь также известную роль играли помочи.

Финские захватчики, оккупировавшие в период Великой Отечественной войны значительную часть территории Карелии, попытались разрушить колхозный строй. Однако колхозники карелы на опыте убедились в его преимуществах и после освобождения республики восстановили колхозы. Большую помощь в их восстановлении оказывало Советское государство.

В 1945—1946 гг. в Карелию было завезено 5,5 тыс. голов крупного рогатого скота, свыше 3,5 тыс. лошадей, более 1,8 тыс. овец. Пополнился и машинный парк МТС и совхозов. За 1946—1950 гг. сельское хозяйство республики получило 343 новых трактора, 20 комбайнов, 300 грузовых автомашин.¹⁹

¹⁹ Очерки истории Карелии, т. II, стр. 424.

В 1950 г. по инициативе партии проводится укрупнение сельскохозяйственных артелей, что позволило лучше вести хозяйство, способствовало развитию производительных сил. В ряде районов республики некоторые колхозы были реорганизованы в совхозы.

Учитывая этот опыт (1956—1958 гг.), а также идя навстречу пожеланиям колхозников, Центральный Комитет КПСС и Советское правительство признали целесообразным провести в республике реорганизацию маломощных колхозов в совхозы. В начале 1960 г. эта реорганизация была завершена.

В 1961 г. в республике имелось 47 совхозов, из них 15 звероводческих, 5 птицефабрик, 42 подсобных хозяйства при лесозаготовительных и других промышленных предприятиях и 5 машинно-тракторных станций.

Указанное преобразование имело в условиях Карелии немаловажные социальные последствия, так как превратило бывших колхозников в сельскохозяйственных рабочих. Вместе с тем формы быта и культуры, которые изменяются медленно, остались прежними, деревенскими. Это создало своеобразное сочетание культурно-бытовых признаков, составляющее одну из особенностей современной этнографии Карелии.

Наконец, определены были основные направления специализации в сельском хозяйстве в Карелии — пушное звероводство и молочное животноводство и полеводство, которые успешно развиваются.

За стадом ведется надзор ветеринарной службы. Ушли в прошлое эпизоотии. Ежегодно производится осмотр коров. Ветеринарные работники имеются на всех фермах совхозов. Оленеводство, имевшее в прошлом некоторое распространение в северной Карелии, не получило развития, хотя к этому и делались попытки.²⁰

Выбор ведущих направлений потребовал приспособления к ним остальных отраслей сельского хозяйства, выработки новых трудовых навыков, приобретения специальных знаний, способствовал сложению новых производственно-бытовых условий. Строительство звероферм, молочных ферм, механизация на них, строительство производственных помещений — все это не только повышает экономическую эффективность различных отраслей хозяйства, но и существенно меняет характер запытий населения.

Значительно повысилось материальное благосостояние совхозных рабочих. Так, в звероводческом совхозе «Святозерский» в 1964 г. средний заработок рабочего равнялся 100 рублям в месяц. Вместе с тем в поселениях, где живут сельскохозяйственные рабочие, очень ясно выражены приметы деревенского быта. Как

²⁰ А. Н. С е г а л ь. Северный олень и оленеводство в Карелии. Петрозаводск, 1959.

дая семья имеет приусадебный участок 0.15 га (для специалистов сельского хозяйства — 0.25 га), на котором выращивают картофель и овощи, кое-где клубнику, плодово-ягодные кустарники, разводят у домов цветы. Многие содержат скот, для его пастбы нанимают пастуха.

Помимо описанных отраслей хозяйства республики, изменившихся за годы Советской власти свое лицо и повлиявших на выработку новых черт в производственном быте и занятиях карел, заслуживают упоминания и такие традиционные для Карелии занятия, как рыболовство и охота.

Интересно отметить, что рыболовство в советскую эпоху сложилось в особую отрасль промышленности, которая добилась в своем развитии значительных успехов. Современная рыбная промышленность отличается от кустарного рыбного промысла дореволюционного периода как по специализации, так и по техническому оснащению и размерам производства. Организация рыболовецких колхозов, моторно-рыболовных станций (МРС), государственной рыбной промышленности явилась основой для превращения старого рыбного промысла в одну из отраслей промышленности, обеспечивающую выход разнообразной продукции. Рыбная промышленность в КАССР является единственной отраслью пищевой промышленности, дающей продукцию для вывоза в другие районы Союза. Рыболовецкие организации КАССР участвуют в вылове рыбы не только на внутренних водоемах, но и в Северной Атлантике, на Баренцевом и Белом морях. В технике рыболовства на внутренних водоемах произошли важные усовершенствования.

Большая часть промысловых судов располагает электрорадионавигационной и поисковой аппаратурой и механизмами по добыче и обработке рыбы. На крупных озерах и в Белом море внедрены малые рыболовные боты типа МРБ-20 производства Петрозаводской судовой верфи. Каждая рыболовецкая бригада располагает таким ботом. Широкое распространение получили высокоуловистые капроновые орудия лова. Все это способствовало тому, что за последние 10 лет производительность труда на одного рыбака поднялась более чем в 2 раза.²¹

Но и в личном домашнем хозяйстве карел рыбная ловля, как и прежде, имеет большое значение. Она носит не столько промысловый, сколько любительский характер. В каждой карельской семье в течение всего года имеется свежая рыба. Готовят ее и впрок. Рыбной ловлей занимаются как мужчины, так и женщины. В послевоенный период произошли значительные изменения в орудиях лова, особенно у карел-лесорубов. Наряду с традиционными удочкой, сетями, дорожкой, мережами широко вошли

²¹ И. Я. Валентик. Семилетка Карелии в действии, стр. 119.

в быт капроновые разноячейные сети, приобретаемые в магазинах, спиннинги, различные сложные крючки. В последнее время среди рыбаков-любителей получает распространение искусственная приманка.

Рыбная ловля — хороший отдых для рабочих. Каждую субботу, особенно летом, совхоз или лесопункт выделяет автомашину для рыбаков. Их отвозят на место лова и привозят домой. В зимнее время рыбаки-любители добираются до «рыбного» озера на лыжах. Для продалбливания лунок во льду у многих рыбаков имеются ледобуры. В деревнях часто пользуются ставными орудиями — мордами; в послевоенный период в ряде мест получили распространение катиски — орудия типа мережи, но сплетенные не из прутьев, а из тонкой проволоки.

Охота также носит по большей части любительский характер. Все орудия, которые бытовали в прошлом у карел, забыты. Охотятся с ружьем преимущественно на боровую дичь. За отстрел хищников (волков) охотник получает премию.

Из домашних ремесел, бытовавших в прошлом, сохраняются лишь некоторые — тканье половиков-дорожек на ткацком станке, вязанье домашних вещей из овечьей шерсти (свитеров, рукавиц, носков, шарфов). Иногда плетут из бересты кораба и кошель. В карельских деревнях имеются мастера по изготовлению саней, лодок и т. п. Но многие промыслы и ремесла забыты, так как в них отпала необходимость.

Таким образом, вхождение социализма в быт, формирование сложного (и от этапа к этапу менявшегося в пользу новых отраслей) строения экономики Карелии, сочетание старых и новых (коллективных и индивидуальных) способов труда, расширение видов занятий населения и одновременно с этим появление многообразных форм производственно-бытового уклада — вот главный итог, который имеет важное значение для понимания общих процессов развития быта и культуры жителей Карелии, а в их числе и карел. Это в свою очередь усиливало подвижность населения, способствовало успеху культурной революции в крае, облегчало проникновение (в результате непосредственного общения с представителями других национальностей или через печать, кино, радио и проч.) в быт карел многочисленных новых для них элементов культуры вообще и материальной культуры в частности.

Способы и средства передвижения. Очень важным показателем уровня культуры народа является состояние путей сообщения и средств передвижения. Уже в первые годы Советской власти было обращено большое внимание на сооружение дорог, так как отсутствие их в дореволюционной Карелии затрудняло преодоление отсталости экономики и культуры карельского народа.

В 1930 г. начались работы по строительству шоссе от г. Кемь до пос. Калевалы (бывш. Ухта). Край Калевалы ожил. Вместо 6—7-дневного путешествия по воде, сопряженного с боль-

шими трудностями и риском для жизни, на автомашине пассажиры стали тратить всего 10—13 часов. Активно начали строить автомагистрали в средней и южной Карелии. Строились и другие дороги, особенно лесовозные. Появление шоссейных и удобных проселочных дорог способствовало широкому внедрению в хозяйство карел колесного транспорта. Волокуши, имевшие в прошлом широкое бытование в Карелии, к 30-м годам окончательно отошли в область предания. Вошли в быт различные разновидности телег.

В 20—30-х годах текущего столетия основным видом транспорта в деревне оставалась все-таки лошадиная упряжка. Автомобили только входили в жизнь, их было еще очень мало. В предвоенный период гужевой транспорт стал постепенно уступать место автобусному. В деревнях у отдельных лиц появился новый вид сухопутного транспорта — велосипед. Решительный поворот в развитии транспортных средств в карельской деревне и рабочем поселке произошел в послевоенный период, в особенности с 50-х годов. С этого времени новые транспортные средства действительно включились в сферу быта, стали привычными и необходимыми (последнее особенно касается индивидуальных средств передвижения — велосипедов, мотоциклов и проч.). В деревнях почти в каждом доме имеется велосипед, часто их несколько. Так, например, в дер. Колатсельге у населения (138 семей) в 1964 г. имелось 112 велосипедов (без учета детских), 5 веломашин, 25 мотоциклов, 1 мотороллер. В последнее время велосипеды постепенно вытесняются мотоциклами и мотороллерами; довольно широкое распространение у карел получили мопеды. В лесных поселках рабочие стали раньше, чем в деревнях, приобретать мотоциклы и велосипеды. Например, в пос. Интерпоселок в 1964 г. в 216 обследованных семьях (из них 59 карельских, 48 национально неоднородных, в которых одна из брачных сторон карел или карелка) имелось 35 мотоциклов, 3 мотороллера, 13 веломашин, 140 велосипедов и 2 легковые автомашины («москвич» и ГАЗ-67Б).

Широкое развитие получает автобусное междугороднее сообщение. Сейчас практически почти в любой населенный пункт Карелии можно проехать в автобусе.

Огромную роль не только в экономике и освоении естественных богатств Карелии, но и в быту населения играют железные дороги, проходящие через ее территорию. Это Октябрьская (ранее Кировская) железная дорога, движение на которой было открыто в 1916 г., но которая фактически была достроена и реконструирована в годы Советской власти.

В советскую эпоху вступили в строй две крупные железнодорожные магистрали, примыкающие к Октябрьской железной дороге. Это, во-первых, построенная в конце 1941 г. железнодорожная линия Сорокская (Беломорск)—Обозерская, соединяю-

щая Октябрьскую железную дорогу с Северпой,²² и, во-вторых, железнодорожная линия (построена в 1940 г.) от ст. Томицы до Ленинграда через Суоярви—Сортавала—Элисенваара—Хийтола—Приозерск. В настоящее время вступила в эксплуатацию и недавно построенная Западно-Карельская железная дорога.

В советское время появился новый вид транспорта — воздушный. Регулярное воздушное сообщение налажено между Петрозаводском и наиболее отдаленными районами республики, например с пос. Калевала и др. Воздушный транспорт обслуживает также нужды лесной и рыбной промышленности, геологических партий, научных организаций и учреждений здравоохранения. Самолеты и вертолеты несут противопожарную охрану леса.

В Карелии население широко пользуется водным транспортом. Правда, реки из-за их порожистости не судоходны, за исключением устьев рек Кемы, Водлы и Олонки. Зато на озерах, особенно Ладожском и Онежском, плавают большие суда озерного и морского типа. Пароходное сообщение осуществляется и по каналам Беломорско-Балтийскому (построен в 1933 г.) и Волго-Балтийскому (построен в 1964 г.). На более мелких озерах (Куйто, Выгозеро, Топозеро, Пяозеро, Сегозеро и др.) в советское время для хозяйственных нужд и для перевозки пассажиров большое значение приобрел моторный флот: на крупных озерах комфортабельные теплоходы, на более мелких — пассажирские катера.

Как и прежде, на всех озерах Карелии имеет распространение передвижение на лодках. Но если в довоенный период по озерам плавали в весельных и парусных лодках-шитиках, то теперь в быт вошли моторные лодки. Конструкция лодок изменилась мало, однако техника их изготовления стала другой: теперь их стали «шить» не ивовыми прутьями, а сколачивать гвоздями.

В 40-х годах у карел появились первые лодочные моторы, но их еще было очень мало. Лишь в послевоенный период, в особенности после 1955 г., моторные лодки получили широчайшее распространение в карельской деревне. В северной Карелии почти каждый хозяин в деревне имеет лодку с подвесным или стационарным мотором. Например, даже в маленькой карельской деревне Афонино (близ Тунгуды), состоящей из 11 дворов, моторные лодки имеются в десяти из них. Приобретают подвесные моторы различных марок: «Стрела», «Яуза», «Москва» и т. п. Иногда в хозяйстве имеются две лодки, причем одна из них находится на берегу около дома и используется для поездок на работу, в магазин и т. д., а другая — на дальнем озере и предназначается для рыбной ловли, поездки за ягодами, грибами, се-

²² Большую роль эта магистраль сыграла во время Великой Отечественной войны, когда часть Октябрьской железной дороги была оккупирована; эта линия связывала Кольский полуостров и северо-восточную часть Карелии с другими районами страны.

ном и т. п. В таких случаях мотор переносят с одной лодки в другую на специальных приспособлениях типа прежних «крошней», но если раньше крошни плелись только из бересты, то теперь такие заплечные одиночные носилки изготавливают из войлока и пришивают к ним широкие кожаные лямки.

Мотором управляют как мужчины, так и женщины. Но если плывут на веслах, то часто, так же как и в прошлом, веслами гребут женщины, а мужчина сидит на корме — «правит».

С точки зрения эволюции форм материального быта карельского народа известный интерес представляет следующее наблюдение: если в прошлом в соответствии с особенностями местных природных условий и расселения северная Карелия представляла собою преимущественно, так сказать, «лодочную» зону, а южная — «пешеходную», то в наше время север стал «моторно-лодочным», а юг — «велосипедно-мотоциклетным».

В зимнее время карелы широко пользуются лыжами, которые приобретают в магазинах. Самодельные березовые лыжи встречаются очень редко. Практически они уже исчезли из быта. Следует заметить, что если в южной Карелии ходьба на лыжах чаще носит спортивный характер, то в северной Карелии, во многих отдаленных деревнях, лыжи являются реально бытующим средством транспорта: на них ходят в соседние деревни, в магазины и т. п. Иногда на лыжах можно встретить даже старух. В большом ходу лыжи у работников лесозаготовительной промышленности и службы охраны леса. Зимой попасть в дальние лесные кварталы чаще всего можно лишь на лыжах.

Для переноски небольших тяжестей все еще используются кошель из бересты. Обычно ими пользуются любители грибники или рыбаки. Однако теперь нередко за спиной любителя рыболова встретишь рюкзак, приобретенный в магазине, а не самодельный кошель. Для различных перевозок на близкие расстояния используют лошадь, которую запрягают зимой в сани, а летом в телегу, сделанные так же, как и прежде. Воду от колодца, озера или речки до дома зимой во многих деревнях возят на небольших санках (чаще фабричной работы). На таких же санках дети катаются с гор. В предвоенный и особенно в послевоенный период в некоторых деревнях, а более всего в крупных поселках и районных центрах, так же как и в городах, получили распространение финские санки-стульчики (potkuri) на железных длинных тонких полозьях. Такие санки делают сами карелы.

Совершенно новым для карельской деревни является катание на коньках, купленных в магазинах. Но коньки, как правило, в деревне используются только детьми.

Итак, пути сообщения и средства передвижения, как и вообще по всей стране, стали иными, отличными от традиционных. В Карелии появился общественный транспорт, которого прежде не было. На новый технический уровень поднялся и индивидуальный

ный транспорт (велосипеды, мотоциклы, моторные лодки). Вместе с тем именно в сфере индивидуального транспорта еще бытуют некоторые традиционные виды средств передвижения (лыжи, гребные лодки и проч.).

Поселения. Советская эпоха внесла ряд важных перемен в область развития поселений — в их типы, размещение и группировку, планировку.²³ За годы Советской власти увеличилось число населенных пунктов, выросших при промышленных предприятиях.²⁴ Сельские поселения также изменились: одни значительно выросли, другие сократились или вовсе исчезли.

До Великой Отечественной войны господствующими типами поселений оставались все же деревня, погост и хутор. Правда, появляется и новый тип — рабочий поселок, но количество рабочих поселков, особенно лесных, еще очень невелико, а их обитатели рабочие-сезонники относились к ним скорее как к временным поселениям. Однако преобладание традиционных типов поселений нельзя расценивать таким образом, будто в них не произошло никаких перемен. Наоборот, эти изменения были, и они проявились как во внутренних малозаметных структурных моментах развития, так и в возникновении некоторых внешних более заметных черт поселений. Так, после закрытия церкви погост утрачивает прежнюю роль религиозного центра, хотя он и сохраняется как центр административный: здесь, как правило, находился сельский совет, а позднее, с проведением коллективизации, размещалось правление колхоза; здесь же располагались магазин, клуб или изба-читальня (обычно в здании бывшей церкви), школа, медпункт и т. п. В 30-е годы имеет место массовое исчезновение хуторов: их владельцы переселяются в более крупные деревни, перевоза туда свои жилые и хозяйственные постройки.

Хотя количество городов и рабочих поселков было невелико, их удельный вес и роль в системе типов поселений непрерывно повышались. Старые города Карелии (Петрозаводск, Олонец, Кемь, Пудож) подверглись глубокой реконструкции. На базе ряда рабочих поселков выросли новые города — Кондопога, Медвежьегорск, Сегежа и др., которых не было на картах Олонецкой и Архангельской губерний.²⁵ В это же время реконструи-

²³ Принципиальные вопросы, связанные с классификацией, методикой исследования и перспективного планирования сельских поселений СССР, подробно рассмотрены в кн.: С. А. К о в а л е в. Сельское расселение (географическое исследование). М., 1963.

²⁴ Т. К. Д а г а е в а. 1) География населения северных районов Карельской АССР. Автореф. канд. дисс. Л., 1961, стр. 10, 11; 2) Некоторые черты географии населения районов Карельской АССР. Уч. зап. Черновицкого отдела Географического общества Союза ССР, т. 2. Черновцы, 1959.

²⁵ Вопрос об этнографическом изучении социалистического города как типа поселения в науке не разработан. В Карелии изучение городов до сих пор велось по преимуществу в рамках решения краеведческих задач. Отметим здесь, что карельское население в городах республики обычно невелико.

руются старые и возникают новые относительно крупные поселки с постоянным составом населения — Чупа, Сосновец, Матросы, Интерпоселок и т. п.

В 20—30-е годы, как и прежде, преобладают три типа заселения территории Карелии — речной, озерный и сележный;²⁶ однако поселения (конечно, вновь построенные) становятся все менее зависимы от ландшафтных условий, что связано с развитием дорожного строительства.

Новые черты заметны в расселении: происходит укрупнение деревень. В южной Карелии, где преобладал гнездовой тип расселения, получает распространение сросшийся гнездовой тип, характерные образцы которого внешне выглядят как одно слитное поселение (Спасская Губа, Крошноезеро, Кончезеро, Ведлозеро, Колатсельга и др.).

По типу застройки довольно значительное число поселений (наряду с существовавшей еще беспорядочной застройкой) отличалось уже уличной планировкой. С начала 30-х годов начался новый этап вытеснения беспорядочных планировок уличными.²⁷ Рабочие поселки, в строительстве которых большую роль играло плановое начало, почти всегда имеют уличную или даже кварталнo-уличную планировку.

Рядом со стремлением придать самим поселениям более правильные формы шло также их бытовое благоустройство. Наиболее крупные из них электрифицируются и радиофицируются, в них ведется зеленое строительство, создаются учреждения бытового обслуживания и проч.

Во время Великой Отечественной войны многие поселения были уничтожены (84 населенных пункта) или значительно разрушены (409 населенных пунктов) финскими оккупантами.²⁸ После освобождения оккупированной территории небольшие деревни, как правило, не восстанавливались, а вернувшиеся из эвакуации жители предпочитали обосноваться в более крупных деревнях, лесных поселках или районных центрах. Процесс укрупнения поселений становится еще более интенсивным.

Одна из ярких отличительных черт этого периода та, что именно теперь формируется тип современного рабочего лесного поселка. Так, к 1956 г. было построено 324 благоустроенных лес-

Исключение составляет г. Олонец, где большинство населения карелы-ливвики. (В. В. П и м е н о в. К истории сложения типов поселений в Карелии. СЭ, 1964, № 2, стр. 16).

²⁶ Реальное соотношение типов заселения по отдельным районам республики неодинаково. Так, в восточном Приладожье преобладает речной тип (40% поселений). (И. И. С о р о ч и н с к а я - Г о р ю н о в а. Типы населенных пунктов восточного Приладожья. Изв. ВГО, т. 78, вып. 2, 1946, стр. 185).

²⁷ В. В. П и м е н о в. К истории. . . , стр. 13; А. А. И в а н о в. Карелия. М.—Л., 1928, стр. 43.

²⁸ Очерки истории Карелии, т. II, стр. 400.

ных поселка, в которых насчитывалось 184 школы, 95 клубов, 446 магазинов.²⁹ В отличие от 20—30-х годов, когда поселки застраивались преимущественно зданиями барачного типа (пос. Интерпоселок, Ковера и т. п.), новые поселения состояются из стандартных и рубленых домов. Появляется много домов индивидуальных застройщиков, преимущественно карельского населения.³⁰ Процесс благоустройства поселений коснулся также и деревень. Они застраиваются новыми домами, образующими уличную планировку. Деревни электрифицируются и радиофицируются. Во многих деревнях имеются телевизоры.

Примером того, как изменился облик карельской деревни, может служить гнездо деревень Святозеро, старое поселение карелов-людиков. Оно раскинулось по берегам красивого, богатого рыбой озера. Прежде центром гнезда был погост с церковью. Деревни гнезда, каждая из которых имеет свое название, сохранились и теперь. В них (вместе с центральным поселком, бывшим погостом) проживает 795 человек (из них 63.6% карелы). Но главные перемены коснулись пока центрального поселения гнезда. Сейчас здесь как бы два поселка — старый и новый. Новая часть застраивается срубными двух- и трехквартирными домами для рабочих совхоза, ведется строительство восьмиквартирных двухэтажных домов. В 1964 г. сдано в эксплуатацию два таких дома. Все новые, а также часть старых домов газифицированы. В поселке более 50 телевизоров, в каждом втором доме имеются радиоприемники или радиолы.

Такие же перемены имеют место и в других крупных деревнях Карелии.

Жилища и постройки. Эпоха социалистического строительства перераспределила жилой фонд и внесла крупные изменения в формы жилищ и хозяйственных построек карельской деревни. Дома, ранее принадлежавшие местным богатым, в первые же годы после революции были заняты под сельские советы, избы-читальни, школы, детские сады или отданы бедняцким семьям, жившим до этого в тесных маленьких домишках.

Но важнее всего то, что после Великой Октябрьской социалистической революции массовое развитие получает строительство новых домов. Факты показывают, что подавляющая часть построек, составляющих жилой фонд современной карельской деревни, возведена в советское время (примерно от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$). Так, по данным обследований, проведенных В. В. Пименовым и автором настоящей работы, в двадцати деревнях среди олонечских

²⁹ И. В. Первозванский. Очерки по развитию лесного хозяйства. . . , стр. 73.

³⁰ Подробнее о рабочих поселках см.: В. В. Пименов, Р. Ф. Тароева, У. С. Кокка и др. Верхний Олонец — поселок лесорубов, глава «Материальная культура»; В. В. Пименов. К истории. . . , стр. 14—16.

ливиков установлено, что почти 62% обследованных жилых строений сооружено после Октября.

	Число домов	%	
Всего обследовано	348	100	
Из них построено до 1917 г.	133	38.3	
Из них построено в со- ветскую эпоху	1918—1930 гг.	141	40.4
	1931—1941 гг.	23	6.6
	1944—1954 гг.	22	6.3
	1955—1960 гг.	29	8.4

Здесь, к сожалению, нет данных за 1961—1964 гг., когда, по общему впечатлению, полученному нами во время экспедиционных поездок, в деревнях и в рабочих поселках индивидуальное строительство домов достигло весьма высокой интенсивности. В качестве одного из примеров, с помощью которых допустимо попытаться восполнить указанный пробел, приведем данные, собранные нами в деревнях Колатсельгского сельского совета (близ Ведлозера) в процессе посемейных обследований населения.

	Число домов	%	
Всего обследовано	262	100	
Из них построено до 1917 г.	65	24.8	
Из них построено в со- ветскую эпоху	1918—1930 гг.	66	25.3
	1931—1941 гг.	15	5.7
	1944—1954 гг.	25	9.4
	1955—1964 гг.	91	34.8

В приведенных нами сведениях не отражены данные жилищного строительства в рабочих поселках (почти все рабочие поселки возникли в советское время), а также строительство многоквартирных домов в деревнях, возводимых на средства государства. Если принять во внимание и эти моменты, то масштаб жилищного строительства можно характеризовать как очень крупный.

В строительстве жилых построек четко выделяется четыре этапа (исключая годы войны, когда строительство практически не велось, а, наоборот, происходило разрушение построек), каждый из которых отличается определенными чертами в строительной технике, типах домов и внутреннем убранстве.

Первый этап (1918—1930 гг.) характеризуется широким размахом индивидуального строительства. Крестьяне возводят преимущественно дома-пятистенки с усложненной планировкой, большим количеством хозяйственных построек. Чтобы лучше представить себе такую постройку, в качестве примера опишем дом Н. И. Прокопьева из дер. Койкары близ Кондопоги (рис. 27).

Двухэтажный дом со светелкой был построен в 1923 г. самими хозяевами с помощью близких родственников. Техника увязки углов сруба в «чашку». Крыльцо очень низкое. Из нижних сеней

(aluzšenčoi) по лестнице поднимаемся во второй этаж и попадаем в верхние сени (ülazšenčoi), откуда двери ведут в избу, в кладовку, в сарай. В избе справа стоит русская печь, устьем обращенная

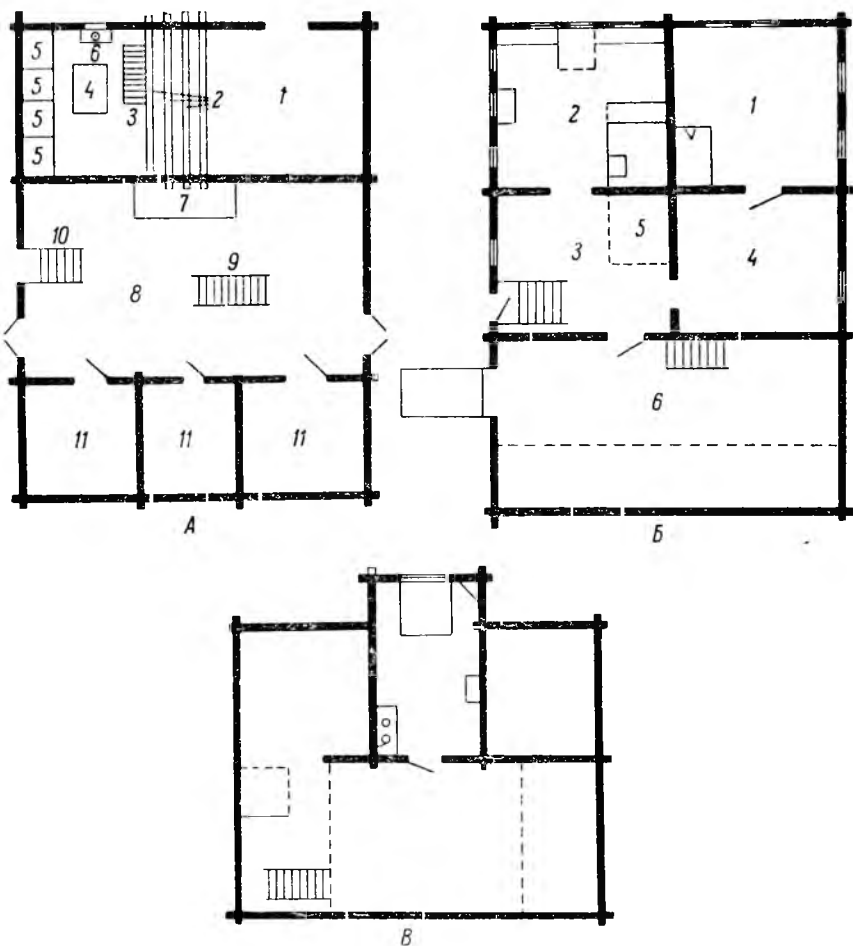

Рис. 27. План дома П. И. Прокофьева.

А — первый этаж: 1 — каржина, 2 — подпечные столбы, 3 — лестница в избу, 4 — картофельная яма, 5 — закрома, 6 — ручная мельница, 7 — ясли для овец, 8 — двор, 9 — лестница в сарай, 10 — лестница на улицу, 11 — хлев; Б — второй этаж: 1 — горница, 2 — изба, 3 — сени, 4 — боковая комната, 5 — кладовка, 6 — сарай; В — светелка.

к окну бокового фасада. Место у печи отгорожено заборкой, поставленной в 1945 г. — это кухня. Над кухонным столом вделаны в потолок две жерди (ordizet), на которых держат ухваты, лопаты для посадки хлеба в печь и др. У среднего фасадного окна в избе поставлен обеденный стол, у окон лавка. По диагонали от печи

расположен большой угол (suuri šurpu), раньше здесь висели иконы, теперь стоят горшки с цветами. В противоположном углу по фасадной стене (rega šurpu) на небольшом столике также цветы. К печи примыкает рундук (karžina), длина его 2 м, ширина 46 см. Рядом с каржиной дверь, ведущая в горницу, где также стоит русская печь (в некоторых других домах ее место занимает лежанка). Стол поставлен у среднего окна. В углу на небольшом столике — приемник «Родина». Около окон стоят горшки с цветами. В дверном углу две кровати, на них спят дети. Из горницы дверь ведет в заднюю комнату (taga pertti). Отсюда по лестнице можно подняться в светелку, которая представляет собой небольшую комнату с одним окном. Из сеней дверь ведет в пристроенный вплотную к ним сарай, площадь которого равна 132.5 м² (13.7×9.67 м). Здесь хранятся сено, веники, различная сельскохозяйственная утварь. По лестнице из сарая можно спуститься во двор. Здесь три отдельных помещения — хлев, конюшня и загон для овец. В хлеву и во дворе настланы полы.

Внешне дом ничем особенным не выделяется из других домов дер. Койкары; кроме того, однорядная связь дома с двором, двускатные тесовые крыши самцовой конструкции и т. д. типичны для всех домов близлежащих деревень.

У олонецких ливвиков в этот период дома строились по традиционному плану, со входом по въезду и с боковой избой (bokku pertti). В северной Карелии в указанный период дома строили несколько по иному плану. Так, дом А. Е. Лангуева в дер. Нильмозеро близ Лоухи был построен в 1918 г. силами хозяев и их близких родственников. Это — рубленный «в чашку» одноэтажный пятистенок на низком подклете с двускатной тесовой крышей самцовой конструкции. По фасадной стене имеется четыре окна — три в избе и одно (спаренное) в горнице. По низкому крытому крыльцу поднимаемся в сени, из которых двери ведут в избу, в боковую комнату (первоначально строившуюся как кладовка) и сарай с двором, примыкающие к сеням сзади (однорядная связь). В избе слева от двери расположена русская печь, устьем обращенная к боковому фасаду. В дверном углу у окна стоит кухонный стол, над ним на стене повешен «наблюдник», рядом стоит кадка с чистой водой. По диагонали от печи расположен большой угол (suuri šorpi). В большом углу сходятся лавки, идущие по боковой и фасадной стене. В заднем углу (regašurkka) стоит сундук. Стол поставлен у среднего окна главного фасада. Из избы двустворчатая филечатая дверь ведет в горницу, продолговатую комнату, обогреваемую лежанкой. Здесь стоит кровать для молодых. У окна стол и стулья, много цветов, на стенах вышивки, семейные фотографии в общей раме, портреты.

Во вторую комнату (takane pirtti), обогреваемую плитой, вход из сеней. Из сеней же имеется выход в сарай, площадь которого значительно меньше, чем в указанном выше доме — 26 м²

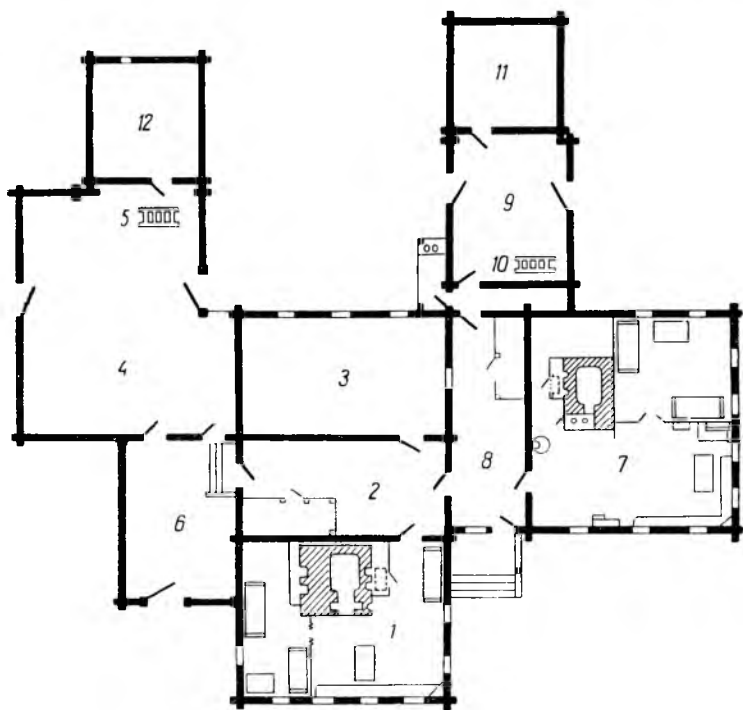

Рис. 28. Внешний вид и план дома разновременной постройки у северных карел.

1—6 — постройка 1914 г.; 7—10, 12 — постройка 1930 г.; 11 — постройка 1940 г.
(Из фондов Института этнографии).

(6.5 × 4 м). Здесь хранится небольшой запас сена для коровы и овец и проч. Отсюда ведет лестница во двор (tanhua), где имеется хлев и загон для овец.

Следует, конечно, учитывать, что указанными примерами не исчерпывается вся типология карельских жилищ доколхозного времени: строились дома и с другой планировкой. Кроме того, к старым домам прирубались новые пристройки, как жилые, так и хозяйственные, что вело к значительному усложнению планировки дома (рис. 28). В некоторых деревнях, например в дер. Юккогуба (близ Медвежьегорска), почти весь жилой фонд был создан именно в годы, относящиеся к первому периоду.

Как видно из приведенных описаний, в первый период карельские дома возводились еще в значительной мере по традиционной схеме. Все элементы старого карельского дома здесь присутствуют. Изменений в жилище карел вносилось еще немного; они в основном касались деталей внутреннего убранства; особенно характерна ликвидация икон в большом углу, которые заменялись портретами, плакатами, комнатными цветами.

Вторым этапом (1931—1941 гг.) в карельском строительстве является период организации колхозов в республике. В это время стали меньше строить индивидуальных жилищ, так как основное внимание было направлено на создание производственных помещений, зданий для культурных учреждений и на возведение многоквартирных домов. И все же заметная часть деревенского жилого фонда сложилась в рассматриваемое время; колхозы помогали строить жилища рабочей силой и необходимыми материалами. Наряду с этим под влиянием роста материальных возможностей и новых хозяйственных потребностей в старые постройки крестьяне вносят изменения и улучшения. 30-е годы — время окончательной ликвидации большой неразделенной семьи и утверждения малой семьи. Вполне возможно, что это обстоятельство непосредственно сказалось на общих габаритах жилых построек. В этот период большое распространение получили четырехстенки средних размеров, однако заметно усовершенствованные сравнительно с ранним типом карельской четырехстенной избы. Отдается предпочтение одноэтажным домам на низких подклетах, удобным для небольшой по количеству членов семьи. Хозяйственные постройки резко уменьшаются в размерах, сокращается их количество. Обычно на дворе теперь строят один хлев. Характерным для данного периода является отделение кухни, разбивка помещения на большее количество комнат.

Радикальные изменения происходят во внутреннем убранстве жилища. Появляется городская мебель, украшением комнат служат занавески на окнах и на дверях, цветы. Меняется оформление переднего угла. Здесь часто помещается радиорепродуктор, вывешиваются в общей рамке фотографии родственников и знакомых (своеобразный «семейный альбом»), иногда ставится полка с кни-

гами. Вот типичный пример. Одноэтажный дом В. И. Лессонена, колхозника из дер. Каменное Озеро близ Калевалы, построенный в 1933 г. с помощью колхоза. В плане он имеет форму прямоугольника, четырехстенный с дощатой внутренней перегородкой. Дом состоит из избы и задней комнаты (kammarī). По фасаду в избе имеется три окна, а по боковым стенам по два. В задней комнате два окна. При входе в дом попадаешь в холодные сени, из которых одна дверь (слева) ведет в кладовку, а другая (справа) — в избу. В избе слева от входа стоит русская печь с плитой, обращенная устьем к боковому фасаду. К печи примыкает kozono. У стены стоят диван-кровать (sankū; krovat'vi) и круглый столик для цветов. В большом углу висит картина, а под ней стоит ножная швейная машина. У среднего окна фасадной стены стоит обеденный стол. Около него поставлены скамейки.

Рядом с русской печью вход в заднюю комнату, при входе справа сложена печь-голландка. В простенке между окнами поставлен стол со стульями. По боковым стенам стоят две кровати. На окнах висят занавески, на подоконниках цветы. Стены оклеены обоями, украшены фотографиями родственников и знакомых, а также репродукциями различных картин, вырезанными из иллюстрированных журналов. Хозяйственные постройки стоят в стороне от жилого дома.

Для южной и центральной Карелии в этот период был характерен дом-четырёхстенок или пятистенок с уменьшенным количеством хозяйственных пристроек. В этот период утрачивают свое былое значение въезды в сарай, в новых домах их вообще не делают. Лишь в Олонецком районе дома со въездами продолжают играть довольно значительную роль. В большинстве случаев въезд здесь используется как вход в дом.

Во время Великой Отечественной войны, как уже указывалось, много деревень было сожжено и уничтожено. В послевоенный период начался новый этап (начиная с 1944 г. и до наших дней) в жилищном строительстве республики. Сразу же после войны многие семьи по возвращении из эвакуации оказались без крова. Людям приходилось жить в землянках, оставшихся от войны, в амбарах, в полуразрушенных домах.

Многие стали строить себе жилища из бань, риг, амбаров, старых развалившихся домов, строили временные маленькие низкие домишки на два окна по фасаду, состоявшие из сеней и избы. Таким способом была временно застроена дер. Пялозеро, в прошлом большое поселение, в котором после войны сохранилось лишь четыре дома. Жители дер. Кимасозера³¹ (центральная

³¹ Деревня Кимасозера широко известна в связи с событиями борьбы против вооруженной белофинской авантюры (1921—1922 гг.). Зимой 1922 г. отряд курсантов Интернациональной школы, основное ядро которого состояло из карел и финнов, под командованием Тойво Антикайнена совершил героический лыжный рейд в тыл противника и 20 января 1922 г. в дер. Ки-

Карелия), полностью уничтоженной захватчиками (из всех ее построек сохранилась одна рига), после возвращения из эвакуации жили в землянках в 6 км от деревни. В труднейших условиях кимасозерцы, конечно, при большой помощи государства кредитами, материалами и отчасти техникой, довольно быстро полностью восстановили свою деревню. Так восстапавливались очень многие деревни Карелии (Ондозеро, Войница, Спасская Губа, Пряжа и т. д.).

В послевоенный период колоссальный размах получило и строительство жилищ в лесных поселках, которое в отличие от такового в деревнях имело ту особенность, что развивалось на промышленной основе, путем сборки и установки стандартных щитовых домов заводского изготовления.

Лесные поселки застраивались домами трех типов. Двухквартирные дома (ЩЛ-51), изготовлявшиеся Ильинским лесозаводом, имеют каркасно-щитовую конструкцию. В каждой квартире одна комната площадью 11,5 м², тамбур и кухня. Наибольшее распространение в лесных поселках получили четырехквартирные дома (ЩЛ-4), также выпускавшиеся Ильинским заводом. Планировка квартиры, площадь комнаты и кухни аналогичны домам предыдущего типа. Менее широкое распространение имеют финские двух- и трехквартирные дома-коттеджи, конструкции «финн-дом 1950 г.».

Дома перечисленных типов имеют те достоинства, что они недорого стоят, их можно легко собрать в любом месте, легко транспортировать их детали и т. п. Недаром сборно-щитовые дома за последние два десятилетия выросли не только в лесных, но и в других поселках, а также во многих деревнях, создавая новый элемент во внешнем виде поселений. Но эти дома все же, как показал опыт, не вполне удовлетворяют как местным природным условиям, так и привычкам и традициям местного населения, отдающего предпочтение рубленным домам. Поэтому в последние годы все большее развитие получает строительство срубных (бревенчатых и брусовых) домов, что находит свое выражение в возведении как индивидуальных, так и государственных многоквартирных жилищ.

Развитию индивидуального строительства в поселках и деревнях придается большое значение. Застройщики получают от государства ссуды на строительство домов. Место для строительства в крупном населенном пункте выделяет сельский или поселковый совет обычно с учетом желания застройщика. Последнему отводится участок площадью в 25×30 м или 2×40 м и выдается типовый проект, в соответствии с которым он должен про-

масозеро разгромил штаб южной группы белофиннов и находившийся там гарнизон. (См.: На Кимасозеро! Воспоминания бывших командиров и курсантов военной школы. Петрозаводск, 1948).

водить застройку, причем требуется, чтобы внешние формы дома были выполнены точно по типовому проекту, а что касается внутренней планировки, то ее определяет сам застройщик, сходясь с количеством членов семьи и ее запросами. Однако на практике застройщик может по своему желанию изменять и внешние элементы своей постройки. Чаще всего в деревнях и поселках строят дома, состоящие из двух комнат и кухни; хозяйственные постройки ставят под одной крышей с жилыми. В таком доме по фасаду делается три окна. В кухне ставят русскую печь с плитой, а в комнатах одну железную круглую печку. В деревнях часто делают и лежанки.

Внедряются в быт и новые в индивидуальном строительстве приемы строительной техники. Все дома ставятся на фундамент из цемента, крыши делают стропильной конструкции, кроют их тесом, шифером или дранкой. При постройке стали больше употреблять гвоздей. Для внутренней облицовки зданий широко используют изоляционную плиту, изготовленную из отходов лесоматериалов, сухую штукатурку. Внешне такой дом выглядит скромно, но, разумеется, представляет жителям больше удобств, чем старые массивные карельские хоромы.

Типология таких построек еще не разработана. Да и вряд ли сейчас можно было бы разработать более или менее законченную классификацию домов новейшей постройки: слишком много в каждом из них индивидуального (и в материале, и в планировке, и в технике возведения, и во внешнем оформлении). Поэтому ограничимся примерами. Дом М. А. Тароевой построен в 1951 г. в с. Снасская Губа Кондопожского района. Строили его сыновья хозяйки. Дом небольшой, с тесовой двускатной крышей, по главному фасаду имеет три окна. Его хозяйственная часть (двор) пристроена сзади — это небольшой хлев и утепленный сарайчик для поросенка. С невысокого крыльца входим в холодные сени. Отсюда одна дверь ведет в хозяйственную часть дома, другая — в жилую. Первая комната с одним окном, проходная. Одна из дверей ведет в кухню. В кухне сохраняется традиционная планировка избы: имеется небольшая русская печь, устьем обращенная к одному широкому окну, стол стоит у окна, имеются лавки, шкаф с посудой. Рядом с печью люк для входа в неглубокое подполье. Через другую дверь проходной комнаты входим в столовую, а отсюда — в спальню. Столовая — большая комната с двумя окнами, заставленными цветами. Между окнами стол. Здесь же стоят кровать, шкаф для белья и одежды. В большом углу этажерка с книгами. Круглая печь, обогревающая столовую и спальню, поставлена в смежном углу. В спальне, небольшой удлиненной комнате, отделенной дощатой перегородкой, стоят три кровати. Все помещения оклеены обоями, потолки выкрашены белой масляной краской, полы также выкрашены. Дома описанного выше типа с приблизительно такой же планировкой характерны для послевоенных

построек как юга, так и севера Карелии; они удобны и вместительны.

Дом Е. П. Емельянова (рис. 29) из дер. Колатсельга (близ Ведлозера), сооруженный в 1957 г., строил сам хозяин с помощью родственников.

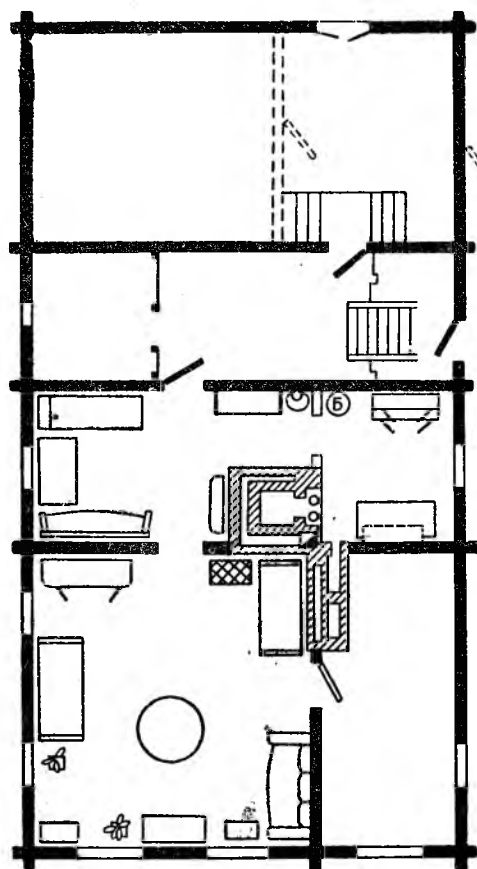

Рис. 29. План дома Е. П. Емельянова.

Из фондов Института этнографии.

Это пятистенок с двускатной шиферной крышей. Он состоит из трех частей: жилой, сеней с чуланом и сарая-двора. Жилая часть дома состоит из двух комнат и кухни, причем в отличие от описанного выше дома их разделяет капитальная стена. Посреди кухни стоит русская печь с плитой, разгораживающая кухню на две половины — собственно кухню, где готовится еда, стоит кухонный стол и буфет с посудой, и столовую с обеденным столом у окна, кушеткой, скамьей. Из кухни дверь ведет в общую комнату и спальню. В общей комнате стоит трехстворчатый шкаф, две никелированные кровати, диван, комод (где прежде ставили стол), тумбочка с радиоприемником и ножная швейная машина. Круглый стол стоит посредине комнаты. С общей комнатой смежна спальня, обогреваемая лежанкой. Все комнаты оклеены обоями; потолок, оконные

рамы, двери выкрашены белой масляной краской.

Несмотря на то что планировка дома казалось бы новая, более усовершенствованная и удобная для семьи в четыре человека, тем не менее здесь наблюдаются традиционные черты: однорядная связь дома с двором, лежанка и проч.

В дер. Ачью (также близ Ведлозера) рабочий лумбасского лесопункта карел Н. П. Федоров в 1963 г. сам построил дом очень интересной конструкции, внутренняя планировка которого может

по желанию легко меняться. Это небольшой дом с двускатной тесовой крышей, широким крытым крыльцом, остекленным как веранда. По главному фасаду два больших широких окна. Хозяйственные постройки стоят в стороне от жилой части дома. В доме фактически одно большое помещение (33 м²) с печью, стоящей у входа, и устьем, обращенным к боковому фасаду (по традиции). Но это помещение делится на комнаты не стабильными перегородками, а выдвигаемыми, сделанными из подвижно скрепленных деревянных планок; перегородки могут убираться в специальные пазы.

Следует, однако, отметить, что в послевоенный период строятся дома и по иным схемам. Иногда, скажем, дом ставят два хозяина — на две половины. В отдельных деревнях изредка строят традиционные дома, какие строили в дореволюционное и доколхозное время. Например, в дер. Большие Горы дом В. П. Медникова, построенный в 1957 г., сохраняет старую внутреннюю планировку (изба, горница и клеть в сенях). Правда, в строительную технику проникли значительные новшества: крыша делается стропильной конструкции «с козырьком» по фасаду (kororku). Дом поставлен на цементный фундамент, печь сложена из кирпича. Техника увязывания углов сруба — «в охряпку» (koigan kaglu). Связь с двором однорядная. Внутреннее убранство избы (наряду с присутствием новых вещей, появившихся в быту в советскую эпоху) тоже сохраняет специфику карельской избы. Печь обращена устьем к боковому фасаду, но каржины теперь не делают. В горнице сложена лежанка. Стол в избе поставлен в простенке фасадной стены. У окон стоят передвижные лавки, табуреты и стулья. Полки для хранения продуктов в избе нет. Их хранят в специальной кладовке с маленьким окошечком, в которой иногда спят летом.

Все же теперь редко строят индивидуальные дома по традиционным образцам и еще реже соблюдают старые обычаи их внутреннего оформления. Вообще говоря, именно внутренняя обстановка оказалась наиболее подвижным и наиболее отзывчивым на всякое новое воздействие элементом в жилище, влекущим за собой и конструктивные перемены. И это хорошо видно на примерах тех жилых объектов, которые сооружаются в деревнях и рабочих поселках на наших глазах в самое последнее время. Так, совхозы строят для своих рабочих двух- и трехквартирные дома с известным минимумом удобств. В зверосовхозе «Святозерский» за 1960—1963 гг. выстроены две улицы новых домов, в которых размещаются семьи звероводов. В квартирах имеются газовые плиты, электрическое освещение, многие рабочие приобрели телевизоры. Наряду с этим значительное развитие получило индивидуальное строительство домов, состоящих из 2—3 комнат, кухни и примыкающего к ним небольшого хозяйственного помещения. Многие дома строятся с застекленными верандами. Изредка встре-

чаются дома с паровым отоплением. В новых домах делают большие окна с форточками, высокие потолки, что значительно увеличивает полезную жилую часть дома. Внутренние детали своих домов карелы окрашивают масляной краской: потолок, оконные и дверные переплеты, печи красятся в белый, кремовый, синий, светло-коричневый цвета; стены, как правило, оклеивают обоями. Из новой мебели большое распространение получили оттоманки, диваны, буфеты, трехстворчатые зеркальные шкафы, серванты для посуды, комоды, тумбочки для телевизора или радиоприемника, никелированные кровати и мн. др. Полы застилают домотканными половиками. На стенах развешивают ковры фабричной работы, гобелены, но, к сожалению, довольно часто довольствуются так называемыми печатными коврами с аляповатыми и нехудожественными изображениями оленей и лебедей. Широко бытуют вышитые изделия — настольные салфетки и дорожки; из числа кружевных изделий собственного изготовления почти в каждом доме можно видеть подзоры к кроватям, прошвы на наволочках для подушек и проч.

Итак, развитие карельского жилища в советскую эпоху прошло ряд этапов, каждый из которых внес в него что-то новое. Общая тенденция этого развития состоит в постепенном изживании архаических традиционных форм в жилых и хозяйственных постройках и в замене их более видоизмененными и лучше приспособленными к современным запросам и условиям населения. Однако нельзя сказать, что традиционные постройки изгнаны из быта. Наоборот, в массе бытующих теперь построек довольно заметную часть составляют сооруженные по традиционным планам. Кроме того, мы наблюдаем многоплановый процесс, включающий и преодоление старой традиции (или путем перестройки жилищ и хозяйственных строений, или же путем строительства стандартно-щитовых домов, либо построек, возведенных по типовым проектам), и в то же время освоение в новых постройках отдельных традиционных элементов (срубная техника строительства, важная роль русской печи в системе отопления, расположение отдельных деталей внутреннего оформления жилья, например положения печи и стола, и проч.). Наконец, факты показывают, что внесение новых черт в жилищное строительство ведет не к единообразию, а к разнообразию, не к обеднению, а к обогащению его форм.

Пища и утварь. После Октябрьской революции в карельские деревни, поселки и города постепенно входил материальный достаток. Это не могло не сказаться на улучшении питания рабочих и крестьян Карелии. Уже в первые годы Советской власти пища народа стала значительно лучше, чем в дореволюционное время. В прошлое ушли суррогаты, хлеб начали печь из ржаной и пшеничной муки. Однако в пище преобладали еще растительные и рыбные блюда. Конечно, вплоть до коллективизации в деревне существовали значительные различия в питании разных социаль-

ных групп. Кулачество, понятно, питалось лучше бедняков и середняков.

Вплоть до Великой Отечественной войны характерно сохранение в пище карел многочисленных черт традиционной кулинарии. Так, важнейшим продуктом на юге являлся круглый хлеб — каравай из кислого теста, замешанного на опаре (taiginvezi); в северной Карелии вплоть до середины 30-х годов пекли лепешкообразный сухой хлеб (reikäleipä), каждое воскресенье хозяйки пекли калитки (с. к. šankät; люд. kal'itt; ливв. puöräkkö), рыбники (с. к. kalakukko; люд. kurnikk; ливв. -u), пироги с начинкой из пшенной каши, ягод, творога и т. д. Очень часто пекли оладьи (с. к. oland'; люд. oland'; ливв. -u), блинчики (kakara). Как и прежде, широкое распространение имели блюда из рыбы. Из нее варили уху, запекали в пироге. Любили готовить «двойную» и «тройную» уху, способ приготовления которой состоит в том, что в одном и том же бульоне варят две или три порции рыбы, и нужно соблюдать определенную последовательность, когда и какую рыбу следует класть, чтобы получить уху определенного вкуса и наваристости.

Сохранилось употребление ставших традиционными напитков — крепко заваренного чая (на юге Карелии) и кофе (часто подсоленного) с молоком или со сливками (на севере). Бытовали и другие традиционные кушанья и напитки. Было бы неправильным думать, что перемены в питании народа в предвоенные периоды сказывались только в увеличении объема потребляемой пищи, в обилии пищевых продуктов, из которых готовились лишь традиционные блюда. С победой колхозного строя питание карельских крестьян стало более калорийным, происходят качественные его изменения — появляются новые для Карелии пищевые продукты, входят в быт новые блюда, которые прежде не готовились. Значительное место стали занимать мясные супы из говядины, баранины, реже из свинины, которые варят с картофелем и овощами. Стали готовить молочные супы, в северной Карелии с овощами (капустой, картофелем, морковью), в южной — с лапшой, макаронами, рисом и т. п. В быт вошли щи из свежей и квашеной капусты, а также борщ, который, правда, варили немногие.

Из вторых блюд широчайшее распространение получили каши из «фабричных» круп — пшенная, рисовая, манная и др., жареная на масле (на юге и в центральной Карелии), а также тушеная в молоке и сметане рыба (на севере). В магазинах покупают колбасу, колбасные изделия. Больше стали готовить вторых мясных блюд. Карелы, прежде почти не евшие куриных яиц, усвоили их употребление в вареном виде, готовят из них яичницу на молоке, запекая ее в горшке в русской печи, и т. д.

Во время Великой Отечественной войны оставшееся на оккупированной территории население бедствовало и голодало. Ели суррогаты. Продовольственные трудности испытывали и те, кто

эвакуировался в глубь страны. Попав в новую, осложненную к тому же войной социально-культурную обстановку, карелы вынуждены были решительнее, чем прежде, порывать с традициями. Эвакуированная на восток часть карельского населения заимствовала у своих временных соседей многие блюда, ранее карелам незнакомые. Так, например, вошли в быт карел пельмени, грибной суп, рассольник, жареный картофель и т. п.

В послевоенный период развитие в области народной пищи шло главным образом по линии замены традиционных форм (состава продовольственных продуктов, блюд и способов их приготовления) новыми, принятыми в обиходе в центральной и северной зоне европейской части страны. По мере повышения материального благосостояния трудящихся, увеличения семейных бюджетов — особенно в течение последнего десятилетия — значительно возрос объем закупаемых в магазинах пищевых продуктов. Так, в большей части деревень совершенно перестали выпекать хлеб: его покупают в магазинах. Домашняя выпечка хлеба практикуется только в отдельных, наиболее отдаленных маленьких деревнях, где поблизости нет пекарни. Таких деревень теперь в Карелии очень мало. Некоторые виды кушаний уже вовсе исчезли из быта, например блюда из репы, некоторые мучные блюда (imel', huttu и т. п.), старые обрядовые блюда (širppirišai).

В самые отдаленные уголки Карелии доставляются продукты, которые в дореволюционное время карелам почти не были известны. К ним относятся многие гастрономические и бакалейные товары (колбаса, ветчина, шниц, сыры, макаронные изделия, крупы, пищевые концентраты и т. п.), различные виды консервов (рыбные, мясные, овощные), многие фрукты и овощи (арбузы, груши, лимоны, виноград, помидоры). Значительно больше стали покупать карелы кондитерских изделий (сахар, конфеты, печенье, сухари и, конечно, бублики, сушки и т. п.).

За последние годы возросло потребление мясных и молочных продуктов и прежде всего сливочного масла; как и в прошлом, существенное место в питании карел занимает рыба (треска, пикша, сельдь и т. д.). Карелы стали пользоваться приправами: горчицей, перцем, уксусом, петрушкой.

Значительное влияние на формирование современной домашней кухни карел оказали учреждения общественного питания (столовые). Это особенно сильно сказывается на домашней кухне рабочих-лесорубов, живущих в лесных поселках, а также на центральных фермах зверосовхозов. Многие деревенские хозяйки часто готовят такие блюда, как украинский борщ, котлеты, гуляш и др., рецептуру которых они заимствуют в местной столовой, консультируясь с поваром. Столовые имеются во всех совхозах и на лесопунктах. В них готовят завтраки, обеды и ужины. В столовых питаются преимущественно рабочие-одиночки, механизаторы, члены административного аппарата, иногда обеды берут

на дом семейные. Интересно, что в последнее время обнаруживается стремление возродить на новой основе некоторые положительные традиции карельской кухни. В поселковых столовых в ряде случаев — иногда по собственной инициативе, а иногда по просьбе своих клиентов — повара готовят некоторые традиционные карельские блюда: рыбники, калитки, пряженики и т. п. В г. Олонце в ресторане, который днем функционирует как столовая, посетитель также может получить кушанья, приготовленные в манере старой карельской кухни. В г. Петрозаводске работает кафе «Карелия», где готовятся карельские национальные блюда.

Совершенно новым фактом быта карел стало появление детской кухни. Теперь родители стараются соблюдать специальный режим питания ребенка. Широкое распространение получили различные овощные протертые блюда, молочные смеси, каши из манной крупы, сваренной на молоке, фруктовые соки, компоты, ягодные кисели. Большое влияние на формирование детской кухни имеют детские учреждения — детские сады и ясли.

Праздничный стол отличается значительным разнообразием приготовленных блюд: пекут пироги с мясной, крупяной, овощной начинкой, готовят винегрет, варят студень, жарят котлеты, тушат мясо с картофелем, жарят рыбу и т. п. Обязательным кушаньем праздничного стола являются традиционные карельские блюда — «курник», калитки, овсяный кисель, сочни, блины, начиненные кашей, косовики. К встрече Нового года, как правило, готовят пряженые пироги (*keitel'tü piirai*) и многие теперь делают пельмени.

Из числа алкогольных напитков употребляют вино, водку, причем чаще всего пьют ее в виде пунша, т. е. водку смешивают с крепко заваренным сладким чаем. Широкое распространение получили в деревнях привозное пиво и лимонад.

Значительно больше, чем в прошлом, среди карел распространились курение.

Едят в семьях обычно три-четыре раза, завтракают в 7 часов, обедают в 12 часов дня, ужинают после возвращения с работы — около 7 часов вечера и перед сном пьют чай. На завтрак обычно едят картофель с солеными грибами, отваренную рыбу, какое-либо молочное блюдо и чай. Обед состоит из 2—3 блюд, в качестве третьего для людей старшего возраста в семье всегда служит крепко заваренный чай, для более молодых — молоко, ягодные кисели. На ужин готовят одно горячее блюдо и почти обязательно чай с топленным молоком. Крепко заваренный чай и сейчас является любимым напитком карелок. В северной Карелии чаще пьют кофе. Карелы заготавливают некоторые продукты впрок. В заготовке, первичной обработке, консервировании и хранении продуктов в разных видах используется богатый опыт и очень давние народные рецепты, выработанные многими поколениями

применительно к местным природно-географическим условиям. Так, почти каждая карельская семья на зиму заготавливает соленую рыбу и «сущик» — сушеную рыбу. В северной Карелии и теперь еще имеет распространение соленая рыба с душиком (kevätkala). Вялить рыбу стали теперь редко. Мясо также заготавливают впрок: изредка вялят, а чаще засаливают в бочках и едят в течение зимы. Мясо хранят либо в амбарах, либо в сараях. На целый год запасаются грибами (рыжиками, волнушками и др.). Карелы, живущие в лесных поселках, под влиянием белорусов и русских иногда маринуют «благородные» грибы; в деревнях это почти не встречается. В значительных количествах карелы замачивают бруснику; из черники, малины, морошки варят варенье; кроме того, чернику и малину сушат и используют в лечебных целях. Клюкву хранят в коробах или ящиках в холодном месте. Из нее варят кисель и варенье.

На зиму обычно делают запасы овощей и картофеля, который хранят в картофельных ямах или в подполье. В большом количестве заквашивают капусту, которую едят с постным маслом и луком, а также варят кислые щи со свиной или говяжьей.

За последние 20—30 лет совершенно обновилась кухонная утварь. Если в первые годы Советской власти глиняная (гончарная) и деревянная посуда господствовала в карельском быту, если в 20—30-е годы она уже была несколько потеснена стеклом и фаянсом, то в последнее время она уже составляет редкость, будучи вытеснена стеклянной, фаянсовой, алюминиевой, эмалированной, пластмассовой и прочей посудой. Для варки пищи используют алюминиевые или эмалированные кастрюли, но повсюду в употреблении чугунные котлы, в которых варят пищу в русской печи. Ставят их в печь и вынимают оттуда ухватом. Для хранения молока используются стеклянные бабки. В каждой семье имеется фаянсовая чайная и столовая посуда, набор вилок, ножей, столовых и чайных ложек (деревянными ложками теперь не пользуются).

У каждой хозяйки есть самовар, а иногда в семье можно видеть 2—3 самовара различных размеров. Кроме того, имеются эмалированные чайники для кипячения чая.

Массовое, хотя и не равномерное распространение теперь получили различные бытовые приборы (мясорубки, терки для овощей), а также электронагревательные — электрические плитки, чайники, самовары и утюги, стиральные машины. Во многих домах есть сепараторы.

Для хранения сыпучих продуктов (круп и проч.) используются полиэтиленовые мешочки, купленные в магазинах.

Итак, в пище мы наблюдаем, с одной стороны отход населения Карелии от старых навыков и традиций, а с другой — сохранение некоторых излюбленных видов кушаний и даже попытки снова возродить их, теперь уже в сфере общественного питания. До-

машинная (кухонная) утварь оказалась менее устойчивой. Она (за малым исключением) вся заменена предметами промышленного изготовления.

Одежда. Значительно изменилась и народная одежда карел. Перемены прежде всего коснулись материала, из которого она шилась. Уже в 20—30-е годы ткани домашней выделки довольно быстро вытеснялись дешевыми и разнообразными покупными материалами промышленного изготовления, хотя покроем одежды у большей части населения еще сохранял традиционные формы, в особенности в женском костюме.

Отношение различных возрастных групп карел к традиционным формам народной одежды было различным. Если старики и люди пожилого возраста еще предпочитали привычные наряды старого покроя, то молодежь воспринимала эти формы одежды как признак старины и бескультурья и стремилась одеваться более современно. В то время как старухи продолжали шить себе рубахи и сарафаны по старым выкройкам, в быт более молодых возрастов входили новые фасоны одежды, заимствованные у жителей города (полувоенные костюмы у парней и мужчин, платья, юбки и блузки у девушек). Вследствие известного недостатка промышленных тканей в конце 20-х и в 30-е годы молодые девушки перешивали старые бабушкины сарафаны.

В тот же период постепенно происходит реконструкция старых форм одежды. Например, женская рубаха (*rätčina*), сохраняя традиционную форму станушки, утрачивает рукава (с. к. *käiset*; люд. *käizet*; ливв. -и), превращаясь таким образом в рубаху западноевропейского типа или в рубаху с лямками, используемую в качестве нижнего белья. Верхней одеждой женщин служили шубы, пальто прямого покроя и скроенные в талию жакеты из плюша и сукна на вате. Основной обувью были сапоги, кóты, на сенокос надевали еще лапти. Однако все больше входила в быт покупная обувь — туфли, сандалии, полуботинки, а для зимнего времени валенки. Головные уборы также претерпевали изменение. Лишь старухи продолжали носить повойники, а женщины средних лет и молодые покрывались только платком.

Мужской традиционный костюм был утрачен, как было сказано, значительно раньше, чем женский. Он почти полностью был заимствован из города. Обычный мужской костюм 20—30-х годов состоял из сатиновой или ситцевой рубахи-косоворотки или рубахи с отложным воротником, брюк и пиджака, сшитых из «чертовой кожи», либо из дешевого сукна фабричной выделки. Зимой мужчины носили вязаные фуфайки, шарфы, которые постепенно вытесняли шейные платки; обувью служили сапоги, сшитые местными сапожниками, входили в быт покупные ботинки и полуботинки, сандалии, а зимою — валенки; среди северных карел по-прежнему бытовали сапоги с загнутым носком.

Таким образом, если в 20—30-е годы текущего столетия в одежде карел еще продолжали бытовать некоторые традиционные элементы, то к 1941 г. под воздействием новых социально-экономических и идеологических (в том числе эстетических) факторов созревают условия для довольно скорого перехода подавляющей массы трудового народа от прежнего традиционного типа одежды к новым городским формам.

Материальные трудности и лишения военных лет ощутимо сказались на одежде карельской деревни и рабочего поселка. Если, с одной стороны, в быт эвакуированных в глубь страны вошли аляповатые изделия массового производства и элементы армейской униформы, то, с другой стороны, на занятых захватчиками территориях население вынуждено было снова сеять лен и ткать из него грубые ткани; это в некоторой степени повлияло и на покрой одежды, способствовало возврату к ее старым и наиболее примитивным формам. Многие шили себе одежду из льняных или полусуконных домотканых материалов. Возродилось плетение лаптей.

В послевоенный период, особенно на его раннем этапе, народ испытывал большие трудности в приобретении одежды. Лишь постепенно с подъемом легкой промышленности удалось наладить снабжение населения республики, как и всего советского народа, добротными тканями и готовой одеждой и обувью.

Современная одежда карел значительно лучше и разнообразнее традиционной одежды 30-х годов, что выражается в широте ассортимента и доброкачественности используемых для пошива тканей, в обилии фасонов и т. д. Но современная народная одежда, за исключением отдельных немногочисленных ее элементов и некоторых черт в манере ношения, не стоит ни в какой связи с прежним традиционным карельским нарядом. Покрой современной одежды заимствуется в городе, причем он приспособляется к местным вкусам и потребностям. Как и у других народов нашей страны, нижняя одежда карел (как у мужчин, так и у женщин) теперь играет чисто гигиеническую роль и служит лишь бельем.

Современную одежду можно подразделить на праздничную, повседневную и рабочую. Основным различием между этими группами является то, что рабочая и повседневная одежда шьется из более дешевой, но прочной ткани, а парадная, выходная одежда — из более дорогих, красивых и добротных материалов.

Современная мужская одежда состоит из рубашки и костюма (пиджака с брюками) общеевропейского городского покроя. Пиджак иногда заменяется курткой свободного покроя или собранной ниже талии на пояске.

Костюмы, как правило, скромной расцветки (черные, коричневые, темно-синие, темно-серые) покупают в магазине. В последние годы широкое распространение получили костюмы из тканей с лавсаном. Они дешевы, практичны и удобны. Дома, после ра-

боты, надевают домашний костюм, в качестве которого служит либо пижама из полосатой сатиновой ткани, либо спортивные (лыжные) брюки и куртка.

Обувь также носят покупную. На работу ходят, как правило, в сапогах (кирзовых, резиновых), «на выход» некоторые надевают хромовые сапоги, а большинство носит полуботинки, несколько реже ботинки. В последние годы широкое распространение получила обувь на микропористой подошве. В летнее время используются сандалии и легкие кожаные туфли. Зимой надевают валенки, бурки. Дома носят покупные домашние туфли (суконные, кожаные, меховые).

В качестве верхней одежды на работу надевают ватные стеганые телогрейки, шубы, плащи, куртки и т. п., приобретенные в магазине. Конечно, каждый карел имеет демисезонное пальто, чаще всего покупное, а подчас и спитое на заказ в местной швейной мастерской. Предпочитают шить пальто из относительно дорогих тканей, чтобы «дольше носилось». В качестве зимней одежды широким распространением пользуются полупальто на вате с меховым воротником.

Головными уборами мужчин служат шапки-ушанки, шляпы (фетровые, соломенные), кепи и т. п. Обязательной принадлежностью костюма пожилого карела является вязаный или тканевый шарф.

Современная женская одежда, несмотря на значительное разнообразие форм и фасонов, четко подразделяется на две группы, которые в равной мере имеют широкое распространение. Основу первой группы составляет платье (karott). Покрой платьев, расцветка, отделка и т. п. очень многообразны. Выходные платья обычно шьют прямого покроя, отрезные по талии, с двумя встречными складками на юбке. Правда, в последние годы молодые женщины стали шить цельнокроенные, узкие платья с рукавами «в три четверти». Очень часто женщины предпочитают покупать готовые платья в магазине. Многие девушки вместе с тем заказывают их в местных швейных мастерских. Домашние платья шьют из дешевых тканей (ситца, сатина, фланели и т. п.). Покрой их различный, но обязательно с широкой юбкой. В послевоенные годы у карелок в качестве домашней одежды получили признание халаты и платья-халаты.

Вторая группа женской одежды — поясной или юбочный «комплекс», состоящий из юбки и кофты или блузки. Покрой юбок различен: шьют прямые, расклешенные (четырёхклинки, шестиклинки и восьмиклинки). В последние годы девушки и молодые женщины охотно носят широкие пестрые, цветные юбки, спитые из яркой цветастой ткани. Блузки, кофточки шьют из различных тканей, а в большинстве случаев их покупают готовыми в магазине. Большим успехом пользуются у карелок трикотажные кофточки с коротким и полудлинным рукавом. В холодную по-

году носят шерстяные и вигоневые кофточки, свитеры, которые или покупают в магазине, или вяжут сами.

Значительное распространение как выходная одежда имеет костюм «английского» покроя, состоящий из прямой юбки и жакета, сшитых из одного материала; под жакет одевается светлая блузка.

Верхняя одежда женщин также разнообразна. Носят зимою черные теплые плюшевые жакеты, зимние пальто с меховыми воротниками, в последние годы, особенно на лесопунктах, многие покупают шубы как из натурального, так и из синтетического меха. Фасоны пальто различны, но чаще всего их теперь шьют прямого свободного покроя, которые иногда носят с поясом; впрочем, шьют пальто, в частности зимние, и «в талию», облегчающие фигуру.

Головные уборы женщины приобретают в магазине. Носят шляпки, береты, теплые меховые шапки-кубанки, однако шире всего как у молодых, так и пожилых женщин бытует платок (легкая летняя косынка, небольшой шерстяной, вигоневый или пуховый покупной платок для прохладной погоды, большой шерстяной платок с бахромой типа пледа, который носят зимой).

Многие предметы одежды карелы изготавливают способом ручной вязки — варежки, носки, шарфы, платки, фуфайки и кофточки. Шерстяные нитки для вязания прядут на прялке, а затем вяжут на двух длинных или пяти маленьких спицах. Впрочем, одежда этого рода теперь является лишь дополнением к тем трикотажным изделиям промышленного изготовления, которые уже давно и прочно вошли в быт.

С распространением городских форм костюма совершенно утратилось стремление к украшению одежды вышивкой или узорным тканьем. Однако значительно возросла тяга к украшению быта, вышиванию различных салфеток, скатертей, полотенец, ковриков, паволочек, портьер. Получили распространение новые для карел формы и способы вышивки — рিশелье, болгарский и простой (русский) «крест», художественная гладь и т. п.

Собственно украшения покупаются в галантерейных и ювелирных магазинах: кольца, перстни, серьги, броши, бусы. Молодыми женщинами и девушками шире стали употребляться косметические средства: одеколон, духи, пудра, кремы для лица и рук, губная помада, краска для бровей.

Совершенно изменились и формы причесок. Это особенно заметно в больших деревнях и лесных поселках. Теперь в большинстве случаев почти невозможно заметить различий в прическе девушек и молодых замужних женщин. Лишь некоторые старухи еще заплетают волосы в две косы и укладывают их вокруг головы.

Важным нововведением советской эпохи является специальная детская одежда.

Следует, наконец, несколько слов сказать о рабочей одежде, которая прочно вошла в быт рабочих различных отраслей промышленности. В ряде случаев она имеет защитный характер. Как правило, производственная одежда выдается бесплатно и,

Рис. 30. Современная одежда пожилых женщин (пос. Падапы Медвежьегорского района).

в зависимости от профиля труда, имеет специфические особенности. Костюм лесоруба состоит из ватной стеганой куртки и таких же брюк, брезентового плаща, сапог, валенок, металлического шлема с шерстяным подшлемником, рукавиц и т. п.; у рыбаков производственный комплекс одежды включает комбинезон или плащ из водоотталкивающей ткани, высокие сапоги, кожаные

рукавицы, зюйдвестку и т. п. Традиционных элементов в производственной одежде немного. Так, некоторые карелы-лесорубы для работы сами шьют суконные куртки, напоминающие прежние кафтаны (kauhtan). Карелы-рыбаки и поморы часто носят на промысле шерстяные свитеры домашней вязки (villaine paid) и т. п. Однако более глубокое изучение традиционного опыта, возможно, позволило бы улучшить конструирование современной производственно-защитной одежды лесорубов, сплавщиков, рыбаков, сельскохозяйственных рабочих.

Из сказанного выше видно, что в настоящее время очень трудно выделить какие-либо национальные черты в costume, представители различных национальностей, живущие на территории Карелии, одеваются практически одинаково. Однако имеются возрастные различия в нарядах пожилых и молодых женщин. В одежде пожилых иногда можно встретить и элементы традиционного костюма (рис. 30). Так, например, в некоторых карельских деревнях Медвежьегорского, Кондопожского и Кемского районов изредка носят сарафаны, иногда шьют длинные прямые юбки из нескольких полотнищ, рубахи (gäččina) или рубахи с широкими лямками, подвязывают и передники, голову покрывают платком, завязанным под подбородком.

Все это, однако, редкость. В повседневном быту старинный народный костюм фактически изжил себя. Но есть область народного быта, в которой красочная праздничная традиционная одежда должна найти свое место и пережить возрождение. Это — художественная самодеятельность. Участницы самодеятельных хоров выступают перед публикой часто в одеждах, позаимствованных из сундуков бабушек. Во многих случаях для коллективов художественной самодеятельности специально шьются костюмы, стилизованные под праздничную традиционную карельскую и русскую одежду.

Наконец, полупрофессиональные и профессиональные ансамбли песни и пляски (например, карельский ансамбль «Кантеле») также очень заботятся о том, чтобы костюмы были шиты по традиционным мотивам.

Советская эпоха явилась временем, в течение которого в материальной культуре карел совершились глубокие и радикальные перемены. Они коснулись решительно всех ее сторон — от хозяйства до одежды. Сущность этого процесса состоит в том, что утверждение в жизни народа социалистических начал потребовало новых форм для своего проявления не только в общественной сфере, но и в сфере быта.

Поэтому советская эпоха в области развития материальной культуры стала качественно новым этапом, знаменующим появление и укрепление в народном быту иных, чем прежде, более

совершенных, более отвечающих современным требованиям форм одежды, пицци, жилища и т. п.

Вместе с тем, если только характер эволюции определен нами верно, на отдельных хронологических этапах и в рамках отдельных областей материальной культуры общий процесс принимал далеко не однообразные выражения. Так, скажем, и области народной пицци наименее стойкими оказались обрядовые кушанья, исчезнувшие раньше всего, а в области жилища наибольшую подвижность среди других элементов проявили внутренняя его обстановка и планировка, убранство горницы. Если на первых этапах изменения касались преимущественно деталей, отдельных сторон материальной культуры, то ближайшие к нам периоды отмечены радикальной перестройкой крупных и решающих ее разделов и всей материальной культуры в целом.

Однако утрата традиционных черт в материальной культуре карел вовсе не абсолютна. Во-первых, они отчасти продолжают сохраняться в живом бытовании — в одной сфере больше, в другой меньше, а во-вторых, нельзя исключать того, что в будущем активнее пойдет процесс возрождения ценных черт традиционной культуры на общественной основе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенные в работе факты позволяют сделать ряд выводов. Одни из них, по-видимому, можно считать достаточно прочно обоснованными и убедительными, а другие, носящие гипотетический характер, потребуют последующей проверки.

Факты, характеризующие развитие материальной культуры той части карельского народа, которая населяет Карельскую АССР, прежде всего говорят о том, что в рамках исследованного отрезка времени резко различаются две эпохи — эпоха капиталистическая (дореволюционный период) и эпоха социалистическая (советский период).

Характеризуя развитие материальной культуры в досоветское время, следует ясно отдавать себе отчет в том, что наличный этнографический материал отражает не какое-то изначальное состояние карельской культурной традиции, а лишь определенный, капиталистический, этап ее истории. Однако в материальной культуре карел сосуществовали более ранние элементы, восходящие к архаическим этапам и слоям местной традиции, и более поздние, вносившиеся в быт новыми, капиталистическими, факторами социальной и культурной жизни. Это была эпоха ломки прежней традиционной культуры, в результате которой разрушались и вытеснялись как раз наиболее ценные элементы народного творчества и мастерства (например, глухая «корабельная» резь, народные художественные промыслы и т. п.). Наоборот, карелы были вынуждены культивировать отсталые формы своей материальной культуры (примитивные орудия труда, домотканная одежда, скудное и однообразное питание).

Противоречивость этого процесса усугублялась классовым расслоением карельской деревни, которое воздействовало на качество и форму тех или иных элементов народной материальной культуры. Устанавливаемая, таким образом, историческая и

социальная многослойность карельской материальной культуры является важным пунктом, исходя из которого сделана попытка выделить ее отдельные пласты и результаты этого анализа связать с теми или иными социально-историческими и этноисторическими фактами. Тем самым будет определено и место карел и их материальной культуры среди народов, живущих на северо-западе нашей страны.

Основываясь на этнографических данных, в материальной культуре можно выделить три группы фактов и явлений, пережиточно или непосредственно отражающих три важных этапа культурной и этнической истории этого народа. В составе первой группы объединяются наиболее архаические элементы материальной культуры (такие, как примитивные жилые строения типа лесных избушек, долбленые лодки, примитивные формы лыж, волокуша — ahkivo, некоторые старинные орудия и приемы ведения рыболовства и охоты, отдельные виды кушаний и способы консервации пищевых продуктов и т. п.). Этот комплекс пережиточно сохранившихся элементов материальной культуры восходит к очень давним эпохам, когда на громадных пространствах европейского Севера нашей страны господствовал хозяйственно-культурный тип оседлых охотников и рыболовов северной таежной зоны. Исторически вполне объяснимо, что в рамках этого древнейшего комплекса обнаруживаются черты, находящие себе аналогии среди архаических форм материальной культуры других народов финно-угорской языковой группы.

Другая, гораздо более обширная группа данных характеризует дальнейший ход развития материальной культуры карел, сложившейся на основе комплексного хозяйства, в котором ведущую роль стали играть земледелие и животноводство. Эти данные весьма обильны и вряд ли есть необходимость их здесь специально перечислять. Важно, однако, подчеркнуть, что в составе выделяемого второго комплекса элементов материальной культуры довольно видное место занимают такие черты, аналогии которым имеются в культуре восточнославянских народов и особенно северных великорусов.

Третья группа фактов должна, по-видимому, соответствовать тому новому, что внесла в карельскую материальную культуру собственно эпоха капитализма. Как бы мы ни относились к последствиям этого воздействия, однако не приходится сомневаться в том, что немаловажные элементы, хорошо прижившиеся в карельском быту, проникли в него именно в рассматриваемую эпоху (деревянный плуг с железным лемехом, отдельно расположенный хутор и уличная планировка деревень, такие элементы утвари, как самовар и кофейник, фабричные ткани и городские мещанские формы одежды и т. п.). С точки зрения направления этих воздействий главенствующую роль, конечно, играли тесные связи карел с русским народом, однако для отдельных местностей

северо-запада Карелии большое значение имели аналогичные связи с Финляндией.

Карелы имели собственную историю, важным разделом которой является, в частности, история их материальной культуры. Каковы бы ни были направления и масштабы влияний, которые испытали карелы, как бы глубоко ни проникали эти влияния в их быт, карельская культура никогда не теряла своих самобытных черт. Безусловно, внешние влияния, в особенности прогрессивное воздействие русской культуры, сыграли существенную роль в ходе этнокультурной истории карельского народа, однако те или иные заимствования, которые в ней укреплялись, делались ее органическими составными частями лишь после известной переработки в соответствии со вкусами и традициями карельского народа.

Давние и многогранные связи карел и вепсов, языковая сторона которых убедительно вскрыта Д. В. Бубрихом, имели характер не обычных культурных контактов, а тесного этнического взаимодействия, в результате которого большие группы древних вепсов вошли в состав карельского народа, образовав его южные этно-лингвистические подразделения (ливвики и людики). Естественно, что это обстоятельство должно было найти выражение и в материальной культуре карел.¹ Так, если карельско-водьские или карельско-эстонские параллели в материальной культуре свидетельствуют о давних, по все же не слишком тесных контактах между этими народами, то в культурах карельского и вепского народов прослеживаются многочисленные и разнообразные аналогии.

Кроме того, в процессе расселения по территориям, составляющим теперь северную Карелию, карелы столкнулись с редким, но чрезвычайно самобытным по своей культуре лопарским поселением и ассимилировали его. Карелы, наконец, не были никогда изолированы и от других влияний, о которых говорилось выше. Все эти обстоятельства, которые как нам кажется, не противоречат тезису о своеобразии карельской культуры в указанном ранее его понимании, не могли не оставить следов в виде тех или иных форм и особенностей материального быта, которые, как можно ожидать, должны были сложиться по отдельным местностям Карелии.

И действительно, уже при рассмотрении в отдельности традиционных видов хозяйственных занятий, средств передвижения, поселений, жилищ и проч. неоднократно указывалось на то, что многие из их элементов обладают достаточно четко выраженными локальными особенностями. Если объединить эти наблюдения, то невольно приходишь к выводу, что в распространении мате-

¹ В. В. Пименов. К вопросу о карельско-вепских культурных связях. СЭ, 1960, № 5.

риальной культуры карел, которая в общем едина, по ряду деталей выделяется две больших зоны — севернокарельская и южнокарельская, граница между которыми (разумеется, очень расплывчатая и изобилующая множеством переходов) проходит приблизительно по 63-й параллели (Медвежьегорск — Надапы).

Нет сомнения в том, что происхождение специфических особенностей, на основании которых устанавливаются границы южнокарельской зоны, объясняются — помимо русского культурного влияния, которое здесь было более интенсивно, чем на севере Карелии, — участием в этногенезе южных групп карел мощного вепсского субстрата. Многочисленные карельско-вепсские культурные параллели показывают это с полной очевидностью.

Сходные процессы развертывались и на севере Карелии. Однако здесь их участниками, помимо карел, были лопари, русские поморы и позднее финны-суоми. В результате развития собственно карельской материальной культуры, сопровождавшегося восприятием ряда элементов у указанных народов, и сложилась севернокарельская культурная зона.

Таким образом, этнографические материалы полностью подтверждают концепцию Д. В. Бубриха об участии в этногенезе карел трех этнических компонентов: собственно карел (потомков древнего племени Корела), вепсов (потомков древней Веси) и лопарей.

Вместе с тем в процессе исторического развития карельского народа в рамках двух выделенных нами зон возникали и закреплялись определенные локальные особенности материальной культуры. Интересно отметить, что географическое распределение некоторых признаков совпадает с распространением диалектных особенностей карельского языка.

На развитие материальной культуры карельского народа оказали влияние разнообразные внешние связи и заимствования. Однако многие факты такому объяснению не поддаются. Вероятно, что отдельные сходные и даже почти тождественные черты в материальной культуре у разных народов складывались конвергентно (срубный характер построек, сходство в функциональном назначении и даже в формах орудий труда, транспорта, способов приготовления пищи и т. п.) под воздействием аналогичных или близких условий географической среды и социального развития.

Также мало выяснен и способ объяснения сходств и аналогий в материальной культуре карел и некоторых соседящих с ними народов: речь идет об обратном влиянии карельской материальной культуры на культуры соседей. Давнее и тесное общение северных карел с русскими поморами имело следствием не только проникновение черт русской культуры в материальный быт карел, но и восприятие русскими поморами отдельных элементов карельской материальной культуры зачастую с их карельскими наименованиями (постановка стола у фасадной

стены во многих избах поморов Карельского берега, распространение у них кисло-соленой или весенней рыбы, которую они называют карельским словом «кевятка», употребление таких терминов, как «кеньки» в значении «обувь», и т. п.) — все это как будто бы подтверждает высказанную мысль.

Влияние карельской культуры до известной степени распространялось и в западном направлении. Вероятно, с ним следует связывать немаловажные этнографические признаки, бытующие в восточной Финляндии, в постройках (высокий двор на столбах), одежде (поперечнополосатая юбка в составе комплекса женской одежды) и в пище (комковая простокваша) и др. Более того, видимо, именно карелы были передатчиками в указанном направлении ряда элементов восточнославянской, русской, материальной культуры, которые приживались на финской почве вместе со своими русскими названиями, например: высокий мягкий русский хлеб (финск. leipä), ситцевые сарафаны, берестяные лапти косого плетения (финск. virsut), некоторые формы сельскохозяйственных орудий — серпа (финск. sirppi), цепа (riusa, riutta) и др.

Новая эпоха в развитии карельской материальной культуры, начавшаяся после Октябрьской революции, раскрыла широкие перспективы для ее последующего совершенствования.

Материальной основой развития и совершенствования национальных культур всех народов советской страны, в том числе и карельского, основой культурной революции, которая явилась логическим следствием революции социальной, были общие экономические и общественные преобразования, нашедшие свое выражение в индустриализации промышленности, коллективизации сельского хозяйства и т. п. Та очевидная перестройка материальной культуры населения Карелии, которая была констатирована в предшествовавшем изложении, не только тесно связана с указанными процессами, но и в решающей степени ими объясняется. Одна из основных тенденций, унаследованная еще от предыдущей эпохи, но теперь получившая гораздо больший простор для своего проявления, состояла в сближении материальной культуры карел с культурой русского народа. Но если прежде это сближение выражалось во взаимном обмене, осуществлявшемся на чрезвычайно низком хозяйственно-техническом уровне, то в эпоху социализма появилась возможность поставить этот обмен на значительно более высокую культурно-экономическую основу. Проникновение в быт карел новых элементов материальной культуры обусловлено также существенным изменением этнического состава населения Карелии.

Процесс перестройки материальной культуры карельского населения прошел ряд этапов, каждый из которых имеет свои особенности. Если на ранних этапах в материальной культуре карел в значительной степени удерживались традиционные формы (а иначе и не могло быть), то ближайшие к нам периоды характе-

ризуются интенсивным вытеснением традиционных форм, которые по большей части воспринимаются народом как архаические и уже не соответствующие современным представлениям о целесообразности, удобстве и красоте. Утрата многих традиционных черт, раньше составляющих немаловажные признаки карельской этнической специфики, в своей основе есть прогрессивный объективный процесс, раньше всего сказывающийся на тех областях и элементах материальной культуры, в которых отпала потребность. Это легче всего проследить на тех из них, что более непосредственно были связаны с существованием полунатурального крестьянского хозяйства, исчезновение которого повлекло за собою и их уход из быта.

Вхождение социализма в быт, ликвидация классового антагонизма, повышение экономического благосостояния народа, развитие советской промышленности и торговли — все это роднило материальную культуру жителей карельских деревень и рабочих поселков, что в особенности касается одежды, утвари, внутреннего убранства жилища, индивидуальных средств транспорта и пищи.

Было бы, однако, неверно при оценке современного состояния материальной культуры карельского населения не замечать того факта, что немалое число ее традиционных элементов продолжает сохраняться как в живом бытовании, так и в воспоминаниях и представлениях народа.

Возможности изучения и практического применения накопленного народом опыта в области материальной культуры еще далеко не использованы. Между тем знание и использование этого опыта способствовало бы, возможно, более успешному и целенаправленному ходу большой работы по отбору и сбережению наиболее ценных и практически целесообразных ее элементов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
НА ПИЯЛИ — Научный архив Петрозаводского института языка, литературы и истории АН СССР.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РГО — Императорское Русское географическое общество.
СА — Советская археология.
СЭ — Советская этнография.
SUSA — Suomalais-ugrilaisen Seuran aikakauskirja.

УКАЗАТЕЛЬ КАРЕЛЬСКИХ ТЕРМИНОВ

А

- ahavoidu liha, ливв. 124.
 ahkivo, с. к. 72, 77, 211.
 ahven, 36.
 aisa, с. к. 70.
 aitt, люд.; -а, с. к.; -у, ливв. 99,
 100, 108, 112.
 aiž, люд.; -у, ливв. 70.
 aizat pravilanker, люд. 77.
 alahaine senčoi, ливв. 108.
 alaine, люд. 152.
 alaŋe, ливв. 152.
 alušhoušut, с. к. 148.
 alušpukšut, с. к. 148.
 aluzšincoi, 189.
 ansa, 44, 45.
 asrain, с. к. 37.
 astavu, ливв. 25.
 aštivo, с. к., люд. 25.
 atra, с. к. 24.
 azrag, люд. 37.
 azrain, ливв. 37.

В

- bagr, люд.; -у, ливв. 173.
 balaffon, люд. 149.
 balahonu, ливв. 149.
 bark, люд.: -у, ливв. 27.
 bembel', люд. 70.
 bimmel, ливв. 70.
 bird, люд. 56.
 birdampiälized, люд. 56.
 bokkupert'ti, ливв. 100, 190
 b'rukad, люд. 148.
 bukra, с. к. 108.
 buol, люд.; -у, ливв. 134.
 burakk, люд. 141.
 butč, с. к., люд. 55, 137.

С

- čabat, люд. 146, 155.
 čerdakka, с. к. 92.
 čirtti, с. к. 64.
 čiappi, 38.
 čierppi, люд., ливв. 27.
 čirppi, 27.
 čirppiirai, 138, 200.
 čisukarte, с. к. 24.
 čoma, ливв. 90.
 čuna, с. к. 75.
 čuroi, ливв. 130.
 čörpöü, ливв. 167, 168.

D

- d'allas, люд. 73.
 dišlan vilku, 77.
 d'umalkoda, люд. 101.
 d'umalčurp, люд. 101.
 d'urka, люд. 159, 169.
 döršš, люд. 36.
 d'üobukko, люд. 135.

E

- edine kruug, люд. 77.
 edine ratas, ливв. 77.
 edine osä, люд. 77.
 emust, люд.; -у, ливв. 156.
 emušta, с. к. 156.
 emänd, люд.; -ü, ливв. 32, 95.
 emäntä, с. к. 32, 95.
 end'zmäžarg, люд. 32.
 enzimaido, ливв. 125.
 enžoi, 32.
 ezi oššu, ливв. 77.

F

- ferezi, 160, 161.

G

garbal, люд.; -о, ливв. 134.
 golbeščuppu, ливв. 101.
 gornič, люд. 99.
 gorničša с. к.; -и, ливв. 99.
 griba, 135.
 gribašieni, 136.
 grošni, 65.
 gruuz, люд.; -ni, ливв. 135.
 guomin, люд., ливв. 116.

H

halgosarai, люд., ливв. 118.
 halkolato, с. к. 118.
 hameh, с. к. 159.
 banka, с. к. 67.
 haraimmاید, люд. 125.
 haranmاید, ливв. 125.
 harakaine, люд., ливв. 91.
 harjus, 36.
 hattara, 146, 153.
 haugi, люд., ливв. 46.
 hauki, с. к. 36.
 havvu, 128, 141.
 heho, 70.
 heinä lato, с. к. 117.
 heinūsarai, с. к., ливв. 88.
 herneh, 120.
 hernehkokoi, люд., ливв. 130.
 hernehkukko, с. к. 130.
 hiem, люд. 156.
 hiemuat, ливв. 156.
 hiemušta, с. к. 156.
 hieronda, с. к., люд.; -и, ливв. 50.
 hieru, ливв. 79.
 hiihna, с. к. 74.
 hii loš, 103.
 hillo, с. к. 135.
 hirvaš, с. к. 35.
 hongoi, люд. 65.
 huadz, люд.; -и, ливв. 28.
 huašša, с. к. 28.
 huhmari, ливв. 120.
 humbar, люд. 120.
 huobačču, с. к. 135.
 huršt, люд.; -i, ливв. 107.
 hurstut, 159, 168, 169.
 hutt, люд.; -и, с. к., ливв. 132, 133, 200.
 huuhmar, с. к. 120.
 huuh ta, с. к. 24.
 huutor, с. к., -i, люд., ливв. 79.
 härkin, 140.
 härkä, с. к. 35.

I

idu, 133.
 ilveš, с. к. 44.

ilvez, люд., ливв. 44.
 imel', 133, 200.
 isäntä, с. к. 95.
 išand, люд.; -и, ливв. 95.

J

jalas, с. к., ливв. 73, 74.
 jorši, ливв. 36.
 joučen, с. к. 123.
 jowčen, люд., ливв. 123.
 juamoi, ливв. 135.
 juašeikku, ливв. 77.
 jumalčuppu, ливв. 101.
 jumalkoda, ливв. 101.
 jumppari, с. к. 147.
 joupukko, с. к. 135.
 jurku, ливв. 159, 162.
 juuštomaito, с. к. 125.

K

kablas, ливв.; -z, люд. 73.
 kabl'i, 87.
 kaglpaikk, люд. 150, 169.
 kaglupaikku, ливв. 150.
 kagr, люд.; -и, ливв. 120.
 kainalopaikka, с. к.; -и, ливв. 146.
 kainalpaikk, люд. 146.
 kaivo, 118.
 kakkara, 130, 142, 199.
 kaklapaikka, с. к. 150.
 kakra, с. к. 120.
 kala, 121.
 kalakukko, с. к. 129, 199.
 kalanrašva, с. к. 123.
 kalanrazv, люд.; -и, ливв. 123.
 kalarokka, 131.
 kal'itt, люд. 129, 199.
 kalitta, с. к. 129.
 kalzut, 153, 165, 169.
 kama, люд.; -i, ливв. 95.
 kamari, с. к. 99, 193.
 kamua, с. к. 95.
 kangaz, люд. 56.
 kangazbrujad, люд. 56.
 kangi, 173.
 kantele, 107.
 kaplaš, 73.
 kapott, 205.
 kapušta, с. к. 141.
 karbas, 65.
 karpalo, с. к. 134.
 karsina, с. к. 101.
 karsinačuppu, с. к. 101.
 kartaine, 141.
 kartfel'piirai, 130.
 kartofei, люд. 134.

- kartofeirokka, люд. 131.
 kartohku, ливв. 134.
 karžin, люд. 101, 190.
 karžinančurr, люд. 101.
 kaššali, ливв. 65.
 kassar, люд. 32.
 kaššari, с. к. 32.
 kastari, ливв. 32.
 katanč, люд. 155.
 katepövu, люд. 96.
 katku, ливв. 26.
 kattavat, с. к. 64, 65.
 katuhu, ливв. 95.
 kauh, люд.; -а, с. к.; -у, ливв. 141.
 kauhtan, люд.; -а, ливв., с. к. 148,
 208.
 kaust, люд.; -а, с. к.; -у, ливв. 73, 74.
 keitel'tü piirai, 130, 201.
 kelka, с. к. 75.
 kel'ŭ, ливв. 97.
 keng, люд.; -ü, ливв. 146, 155.
 kesseli, с. к., люд. 65.
 kevätkala, 124, 202.
 kezäregi, 73.
 kiiski, с. к. 36.
 kiiškoi, 36.
 kindaz, люд. 152.
 kinnas, ливв., с. к. 152.
 kirjutettu paltina, 56.
 kirves, с. к., ливв.; -z, люд. 67,
 87.
 kiukua, с. к. 101, 102.
 kiukuan hirret, с. к. 89, 102.
 kiukuan očča, с. к. 102.
 kiukuan pohja, с. к. 102.
 kiukuan prujat, с. к. 89, 102.
 kiukuan šelk'a, с. к. 102.
 kiukuan šuu, с. к. 102.
 kl'iärč, люд.; -ü, ливв. 44.
 kobra, люд.; -у, ливв. 37.
 koibi, с. к. 155.
 koiran kagl, люд.; -у, ливв. 88,
 197.
 koiran kakla, с. к. 188.
 koivugriba, 135.
 kolb, люд. 128.
 kolmašpäiv, люд. 32.
 kolmoi, люд. 32.
 komšu, ливв. 26.
 koņaparž, люд.; -i, ливв. 95.
 koņaparzi, с. к. 95.
 kondii, люд., ливв. 40.
 konečk, люд.; -у, ливв. 104.
 kontie, с. к. 40.
 kon'ušn, люд. 110.
 kon'ušši, ливв. 110.
 kord', люд. 76
 korendo, люд., ливв. 141.
 korento, с. к. 141.
 korja, с. к. 76.
 korju, ливв. 76.
 korobu, ливв. 77.
 koropku, ливв. 197.
 korvo, с. к. 137.
 košipiirag, люд. 130.
 kosopiirua, ливв. 130.
 kosovik, люд. 130.
 kostič, 160, 161.
 košto, 170, 161.
 koštovieproimin, 160.
 kotad, люд. 153, 164.
 kotit, с. к. 164.
 kottu, ливв. 164.
 kovhtu, ливв. 162.
 kovkkuine, ливв. 58.
 krapilka, с. к. 136.
 krasiikka, 160.
 krovatti, с. к. 105, 193.
 kruug, люд. 77.
 kruusi, с. к. 135.
 kuad'd'äd, люд. 146, 148.
 kuad'iet, ливв. 146, 147, 148.
 kuarnehuš, с. к. 134.
 kuašš, люд. 132.
 kuatančat, с. к. 155, 169.
 kuatanču, ливв. 155.
 kuha, с. к. 36.
 kuhilaš, с. к. 27.
 kuikkastupni, с. к. 164.
 kuittu, ливв. 65.
 kukkel', 150, 168.
 kulebäkk, 130.
 kumakka, 160.
 kumu, 90.
 kuokk, 90.
 kuokka, люд., с. к.; -у, ливв. 26.
 kuomino, 28, 116.
 kuopp, люд.; -а, с. к.; -у, ливв.
 117.
 kuorad, 67.
 kuožali, 56.
 kurņeikku, ливв. 129.
 kurņikk, люд. 129, 199.
 kuuričat, 90.
 kähü, люд, ливв. 39.
 käiset, с. к. 203.
 käizet, люд.; -у, ливв. 203.
 käpälälauta, 42, 43.
 kätküt, с. к.; -d, люд, ливв. 105.
 käsikivi, с. к. 120.
 käžikivi, люд., ливв. 120.
 kölpöi, с. к. 152, 153.
 külä, с. к., люд. 79.
 külü, 114.
 külünizäntä, с. к. 115.
 külünizänd, люд.; -ü, ливв. 115
 külünšiččo, с. к. 114.
 kümmenikko, ливв. 27.

L

labid, люд. 128.
 labjaine, люд., ливв. 141.
 labju, ливв. 128.
 lahn, люд.; -а, с. к.; -и, ливв. 36.
 laitapuut, с. к. 67.
 lakkiraikka, с. к. 166.
 lambi, ливв. 36.
 lambine, люд. 36.
 lampi, с. к. 36.
 lapie, с. к. 128.
 laskuonget, люд., ливв. 37.
 laterarret, с. к. 89.
 lateripakko, с. к. 107.
 lat'ijan parž, люд.; -і, ливв. 89.
 lauč, с. к. 104.
 lautš, люд.; -и, ливв. 104.
 lautt, люд.; -а, с. к.; -и, ливв. 65.
 lava, 41.
 lavdaine, 38.
 lembi, 139.
 leviet orret, с. к. 104.
 ležankk, люд.; -и, ливв. 103.
 liemut, 93.
 liha, 123.
 liharokka, 131.
 liru, 32.
 liuhes, с. к. 27.
 liäveiniecca, с. к., люд. 33.
 liävä, с. к., люд. 30, 110.
 liävü, ливв. 30.
 lohañ, люд. 55.
 lohañni, ливв. 55.
 lohen pendu, 36.
 lohi, 36.
 lohko, 132.
 loukku, 43.
 loukkuleipä, 128.
 luandal, ливв. 101.
 luapot't', люд.; -і, с. к., ливв. 152, 153.
 lukk salamo, люд. 88.
 lukku salbamo, ливв. 88.
 hukku šalmo, с. к. 88.
 luohkana, с. к. 55.
 läbilaudaine, люд. 56.
 länged, люд., ливв. 70.
 länket, с. к. 70, 74.
 lötöi, ливв. 152, 153.
 lühtes, ливв. 27.
 lüpsinrengiine, ливв. 55, 124.
 lüpsviedr, люд. 55, 124.
 lüpsürenki, с. к. 55, 124.

M

medehine, люд. 36.
 maido, люд., ливв. 124.

maidoškuapp, люд.; -и, ливв. 108.
 maim, люд.; -а, с. к.; -и, ливв. 38.
 maito, с. к. 124.
 maitoškuappi, с. к. 108.
 malina, с. к. 135.
 marjapiirai, 130.
 matikka, с. к.; -и, ливв. 36.
 meččakana, люд. 45.
 meččapirti, с. к. 97.
 meččähini, с. к., люд. 33, 149.
 mečänizand, люд.; -ü, ливв. 149.
 meččäriihi, с. к. 117.
 meččükana, ливв. 45.
 mel'ġiččä, 117.
 merd, люд.; -и, ливв. 38.
 merta, с. к. 38.
 merež, люд.; -и, ливв. 38.
 metčpertiine, люд. 97.
 muanitus, ливв. 45.
 muatič, люд. 89.
 muatičča, с. к.; -и, ливв. 89.
 mučnikk, люд. 129.
 muigie maido, 125.
 mujeh, с. к. 36.
 mušneikku, ливв. 129.
 mussikka, с. к. 134.
 must pert', люд. 98.
 mušta pirtti, с. к. 98.
 mušt'oi, люд. 135.
 mustoi, ливв. 135.
 mustu pert'ti, ливв. 98.
 muuroi, люд., ливв. 135.
 müöššüttüä, с. к. 68.
 müöstüdä, люд. 68.
 müöstüö, ливв. 68.

N

nagriš, ливв. 134.
 nagrišpiirai, 130.
 nagrišrokka, 132.
 nagriž, люд. 134.
 nakris, с. к. 134.
 nal'ičnikku, 93.
 neidoi, люд. 32.
 n'eġ'äšpäiv, люд. 32.
 nenäpuu, с. к. 67.
 niegl, люд. 58.
 nieglaniella šalmo, с. к. 88.
 nočoi, люд. 32.
 nožouhku, люд., ливв. 67.
 nuat't'irokka, 132.
 nuhoiregi, ливв. 48.
 nuotta, с. к., люд.; -и, ливв. 37.
 näivöi, 134.
 näveri, с. к. 67.
 nüppikenkät, с. к. 64, 169.
 nütikkittü paltina, 57.

O

očušta, 166.
ohd'az, люд, 70.
ohjas, с. к., ливв 70, 75.
oland', с. к., люд.; -и, ливв. 199.
olud, 137.
ong, люд.; -i, ливв. 37.
onki, с. к. 37.
oprašat, с. к. 101.
orava, с. к., люд.; -и, ливв. 44.
oravušku, ливв. 135.
ordiiine, ливв. 97, 104.
ord'ine, люд. 97, 104.
ordizet, с. к. 97, 104, 189.
orsi, с. к. 104.
orz, люд. 104.
orzī, ливв. 104.
ovičuppu, с. к. 101.
oza, 95, 140.
ozga, с. к., люд, 95, 120, 140.
ozgu, ливв. 120.

P

pagasta, люд. 79.
paid, люд.; -и, ливв. 146.
paiju, ливв. 73.
paininpuu, 73.
paita, с. к. 146, 169.
pakkuli, 64.
palahvana, с. к. 149.
palat', люд. 104.
palat'ti, с. к., ливв. 104.
palčca, с. к. 104.
pal'ā, люд., ливв. 67, 87.
palo, люд., ливв. 24.
paloadr, люд.; -и, ливв. 24.
pal'to, ливв. 149.
pankoregi, 173.
papittomih pogostazih, 80.
paraščuppu, с. к. 101.
parksittu nahka, 154.
pat'vaška, с. к. 138, 150.
peldaitt, люд. 88, 117.
peldoaitt, люд.; -и, ливв. 117.
penker, с. к. 87.
perendniekka, с. к., люд. 160.
peren'niekku, ливв. 160.
pert', люд. 86, 98.
pert'ti, ливв. 86, 98, 107.
perāčupp, люд.; -и, с. к., ливв. 101, 190.
perānurkka, с. к. 190.
perāpuu, с. к. 67.
perātel'ŀo, с. к. 67.
petkel', 121.
pettu, 127.

piajalgi, 166.
pieksut, 64.
pihkumaido, люд., ливв. 125.
piihtimed, люд., ливв.; т, с. к. 67.
piisi, с. к. 102, 118.
pila, 173.
pinzakk, люд.; -и, ливв. 149.
pirtti, с. к. 86, 98.
piššali, ливв. 41.
pitkāsiima, с. к. 37.
piālishiemat, с. к. 158, 168.
piällinen, с. к. 152.
piätnitč, люд. 32.
piätköi, люд. 32.
poalik, люд. 56.
podstannikk, 148.
podušk, люд.; -и, ливв. 77.
pogosta, с. к.; -и, ливв. 79.
poikkipuol'ine, с. к., люд. 73, 74.
poimičču, ливв. 141.
poimindu, ливв. 169.
pordahan balkat, люд., ливв. 108.
pordimoi, люд., ливв. 43.
poro, 35.
porovasikko, с. к. 35.
portimo, с. к. 43.
potakka, с. к. 134, 202.
potkuri, 184.
potokk, с. к., люд.; -и, ливв. 90.
potozat, ливв. 70.
povoiniekk, люд.; -и, ливв. 166.
pual'č, люд. 104.
pualičču, ливв. 104.
puarnahus, люд. 134.
puaru, 162.
pučči, ливв. 55, 137.
puhuo pagrīštu, ливв. 26.
puksut, с. к. 146, 148, 169.
puola, с. к. 134.
purieh, с. к. 67.
puukko, с. к. 152.
puukkošaha, с. к. 67.
puzu, люд., ливв. 26, 45.
prius, 28.
priuša, с. к. 27.
prostokissa, с. к. 125.
pühapäiv, люд. 32.
pühöi, люд. 32.
püššal', люд. 41.
püöräkkö, ливв. 129, 199.
päičet, 70, 74.
päivöil' paistettu liha, люд. 124.
pal'ŀa, люд. 67, 87.
päre, 107.
pärpäčču, 129.
pätč, люд.; -i, ливв. 101, 102.
pätč'in, šelg, люд. 102.
pätč'in brujat, люд., ливв. 88, 102.
pätč'inpohd', люд. 102.

pätčinpohji, ливв. 102.
pätčín otču, ливв. 102.
pätčín očč, люд. 102.
pätčín selgü, ливв. 102.
pätčinsuu, люд., ливв. 102.
pörk, люд. 67.
pöütä, с. к. 104.
pövü, люд. 149.

R

rahkis, с. к., ливв. 70.
rahkiž, люд. 70.
rangine, ливв., люд. 108.
ratas, ливв. 77.
rauhua, с. к. 41.
ravvat, с. к. 44.
regi, 72, 173.
reikäleipä, 128, 199.
remmi, 146.
rengi, люд., ливв. 141.
renki, с. к. 141.
reppu, с. к. 65.
reppänä, с. к. 98.
ribud'upka, люд. 159.
riihi, 116.
riihilabjaine, ливв. 28.
riihilapi, с. к. 28.
riihlabidaine, люд. 28.
riihsobä, люд. 147.
riihisoba, ливв. 147.
rinduz, люд. 70.
rinnus, с. к., ливв. 70.
rita, 44, 45.
riäröi, ливв. 36.
riärüz, люд. 36.
rokka, с. к., люд.; -и, ливв. 131.
ruadojupku, ливв. 159.
rugiz, люд. 120.
ruis, с. к., ливв. 120.
rusked griba, люд. 135.
räččinä, с. к. 156, 203, 208.
räččin, люд., ливв. 156.
rüša, с. к. 38.

S, Š

sabilas, люд., ливв. 31.
šalku, 149.
šanki, с. к. 129, 199.
šapilahat, с. к. 31.
šarafan, ливв. 56.
saraffana, с. к. 56, 160, 161, 169.
saraffon, люд. 56.
sarai, 108, 109.
sarajan pordahat, 108.
sargazet štanad, люд. 148.
šarkaset püksut, с. к. 148.

sed'olk, люд.; -а, с. к.; -и, ливв.
70, 74.
seittsemikkö, ливв. 27.
sel'ga, 79.
senčoine, ливв. 114.
senčoi, ливв. 98.
šenčoi, люд. 98.
šieni, 135.
šienrokk, люд. 132.
šienirokka, люд. 132.
šienirokku, ливв. 132.
siera, с. к., люд.; -и, ливв. 31.
šiica, 160, 161.
šiiga, люд.; -и, ливв. 36.
šiika, с. к. 36.
šina, люд., ливв. 77.
šinčči, с. к. 98.
šipainiekku, ливв. 129.
šipat, 89.
šleja, с. к.; -d, люд. 70.
snuoppi, люд. 27.
šoma, с. к. 90.
soma, люд. 90.
šomk, люд. 91.
sorokk, люд.; -а, с. к.; -и, ливв.
166, 169.
šovantat'el'lo, с. к. 67.
spiičču, ливв. 77.
spitč, люд. 77.
sruvgaine, ливв. 67.
stamesk, 67.
štanad, люд.; -t, ливв. 148.
stola, люд., ливв. 104.
struug, люд.; -а, с. к. 67.
stuava, 56.
suabra, с. к., люд.; -и, ливв. 27.
suakk, люд. 38.
suakku, ливв. 38.
suappai, ливв. 146, 155, 169.
šuappua, с. к. 146, 155.
sudakk, люд.; -и, ливв. 36.
sukk, люд.; -и, ливв. 146, 169.
šukk, с. к. 146.
suksed, люд. 56.
sul'čina, 130, 142.
šul'gema nagrišt, люд. 26.
šülkie nakrista, с. к. 26.
suobat, люд. 32.
suoboi, люд. 32.
sougriba, ливв. 135.
suolavakk, люд.; -а, с. к.; -и, ливв.
141.
soumen salamo, люд. 88.
suomen salbamo, ливв. 88.
suomen šalmo, с. к. 88.
šuošukset, с. к. 64.
šurd, люд. 56.
šušpoi, ливв. 147.
suuřčupp, люд. 101.

suuričuppu, ливв. 101, 190.
suuri šoppi, с. к. 291.
sviäzi pert'ti, ливв. 100.
sänkü, с. к. 105, 193.
särg, люд. 36.
särgi, 36.
särki, с. к. 36.
säünüä, с. к. 36.

T

taga kruug, люд. 77.
taga ośšu, ливв. 77.
taga osä, люд. 77.
taga pert'ti, 190.
taga ratas, ливв. 77.
tahn, люд. 108, 110.
taigin, люд., ливв. 128, 140.
taikina, с. к. 128.
taikinapiirua, с. к. 129.
takane pirtti, с. к. 190.
takapüörä, с. к. 115.
takareki, с. к. 48.
talkuna, 133.
tal'li, с. к. 110.
taltt, 87.
tanhuanizändü, ливв. 33.
tanhuo, с. к. 108, 192.
tanhut, ливв. 108, 110.
teleg, люд.; -ü, ливв. 76.
teleg n'el'kruugaine, люд. 77.
t'el'egan koroba, люд. 77.
tiedoñik, люд. 50.
tiedoñiekkku, ливв. 50.
tietoiniekkka, с. к. 50.
toinarg, люд. 32.
toizoi, люд. 32.
t'opluha, 155.
t'oslo, 87.
tośšu, 154, 155.
tulupp, люд.; -a, с. к.; -u, ливв.
149, 169.
tuohisapaas, 153.
tuohitorvi, 32.
tuolahaškobra, с. к. 37.
turkki, 149.
tuulil'auda, 93.
tuulimel'l'ieččä, 117.

U

uksčupp, люд.; -u, ливв. 101.
urakka, с. к. 35.
ušt, люд.; -i, ливв. 37.
uussin, с. к. 37.
uutroi, люд. 32.
uvdin, ливв., люд. 108.

V

vagarm, люд. 135.
vahalaukk, люд.; -oi, ливв. 135.

vahvoni, с. к. 135.
vakka, с. к. 141.
valged griba, люд. 135.
vasara, с. к. 67, 87.
vatarä, с. к. 146.
vavarno, ливв. 135.
veič, люд.; či, ливв. 152.
vedehine, люд., ливв. 39.
vommel, с. к. 70.
veneh, 65.
venälän salamo, люд. 87.
venälän salbamo, ливв. 87.
venälän šalmo, с. к. 87.
verkko, 38, 58.
vesikko, 44.
vetehine, с. к. 39.
vetoremmi, с. к. 74.
viedr, люд. 141.
vieru, ливв. 26.
viili, с. к. 125.
viisišeinäni pirtti, с. к. 99.
viiziseinäne pert'ti, ливв. 99.
viizišeinäne pert', люд. 99.
vikateh, 31.
vilkku, ливв. 77.
villaine paid, 208.
villapaita, с. к. 147.
villazet štanat, ливв. 148.
villupaidu, люд., ливв. 147.
vintti, с. к. 92, 108.
viršu, с. к. 152, 153.
virz, люд.; -u, ливв. 152, 153.
voi, 125.
volokku, 70.
vorončad, люд., ливв. 104.
vuanillo, с. к. 35.
vuanin, с. к. 35.
vuišk, люд.; -u, ливв. 92, 108.
vällei, ливв. 130.
värttinä, 56.
vüö, 146, 152, 169.

Z, Ž

zavualin, люд., ливв. 87.
žemčugat, 168.
žimkat, люд., ливв. 67.
žuarenču kala, 132.

Ä

ägez, люд. 25.

Ü

ülähäine senčoi, ливв. 108.
üläzšenčoi, люд. 189.

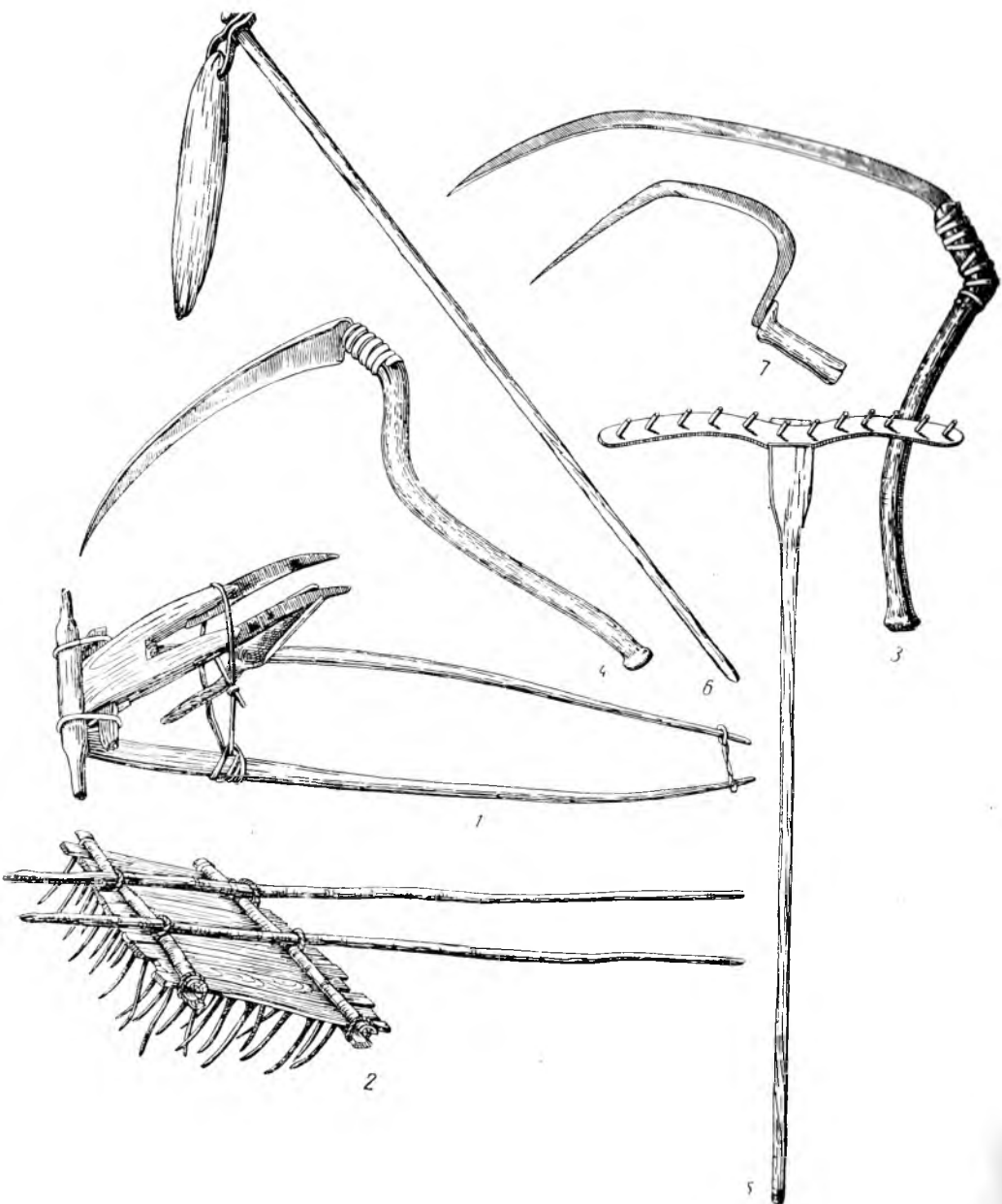

Табл. I. Сельскохозяйственные орудия.

1 — соха; 2 — борона-суковатка; 3, 4 — коса-горбуша; 5 — грабли; 6 — цин; 7 — серп.

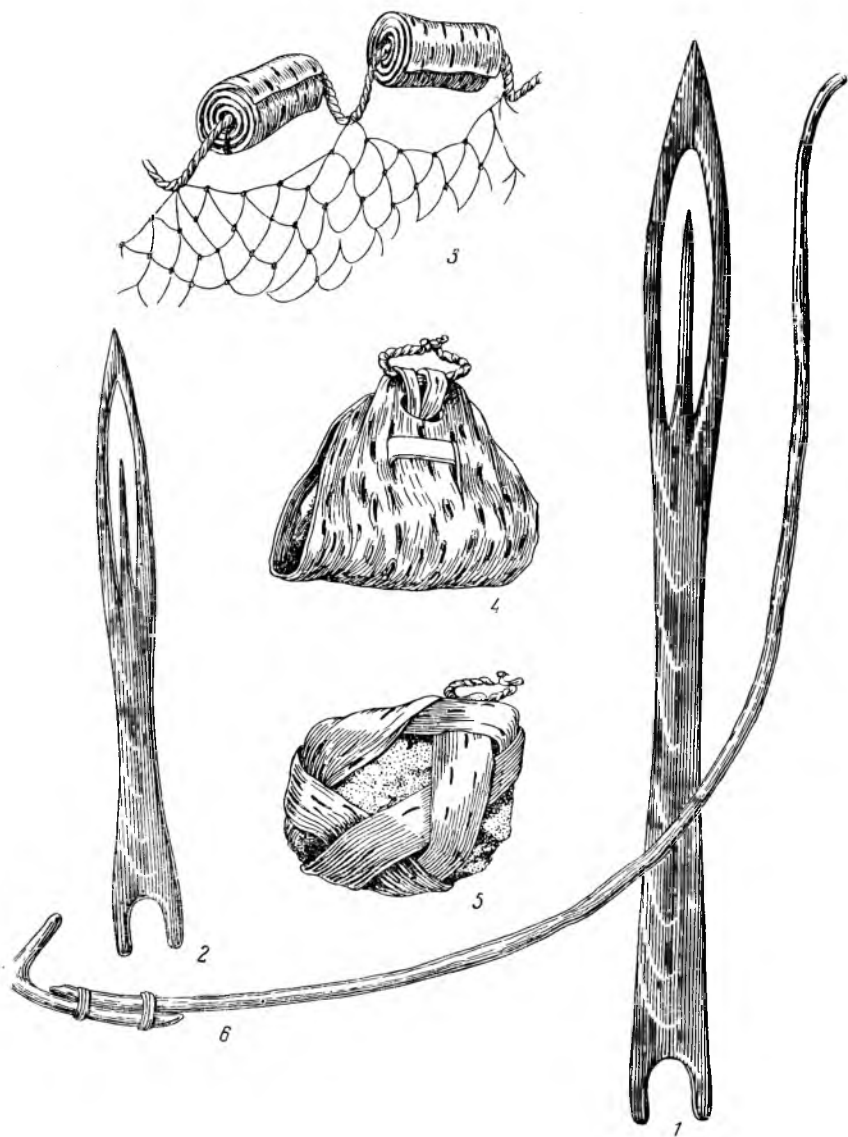
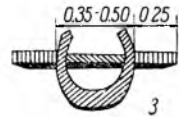
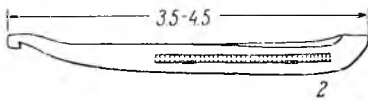
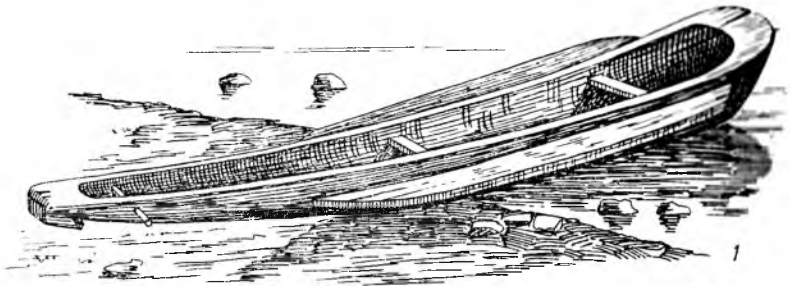

Табл. II. Орудия рыболовства.

1 — челнок для вязания сетей; 2 — игла для починки сетей; 3 — берестяной поплавок; 4, 5 — грузила; 6 — крюк для подтягивания сетей подо льдом.

Б

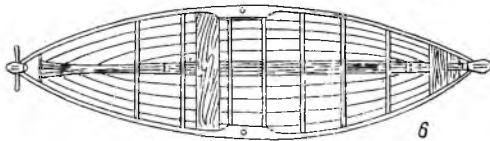
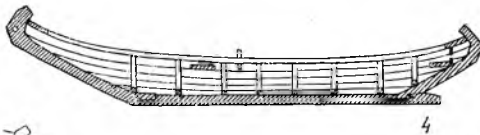
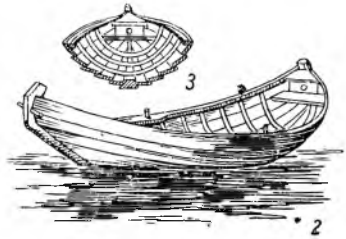
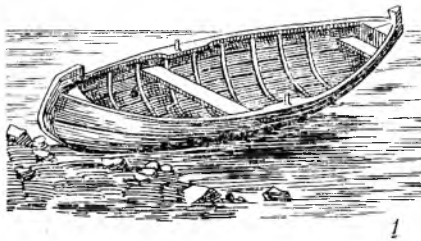

Табл. III. Типы лодок.

А — долбленка (hongoi): 1 — общий вид, 2 — продольный разрез, 3 — поперечный разрез; Б — лодка-шитик: 1, 2 — общий вид, 3 — поперечный разрез, 4 — продольный разрез, 5 — вид сбоку, 6 — вид сверху.

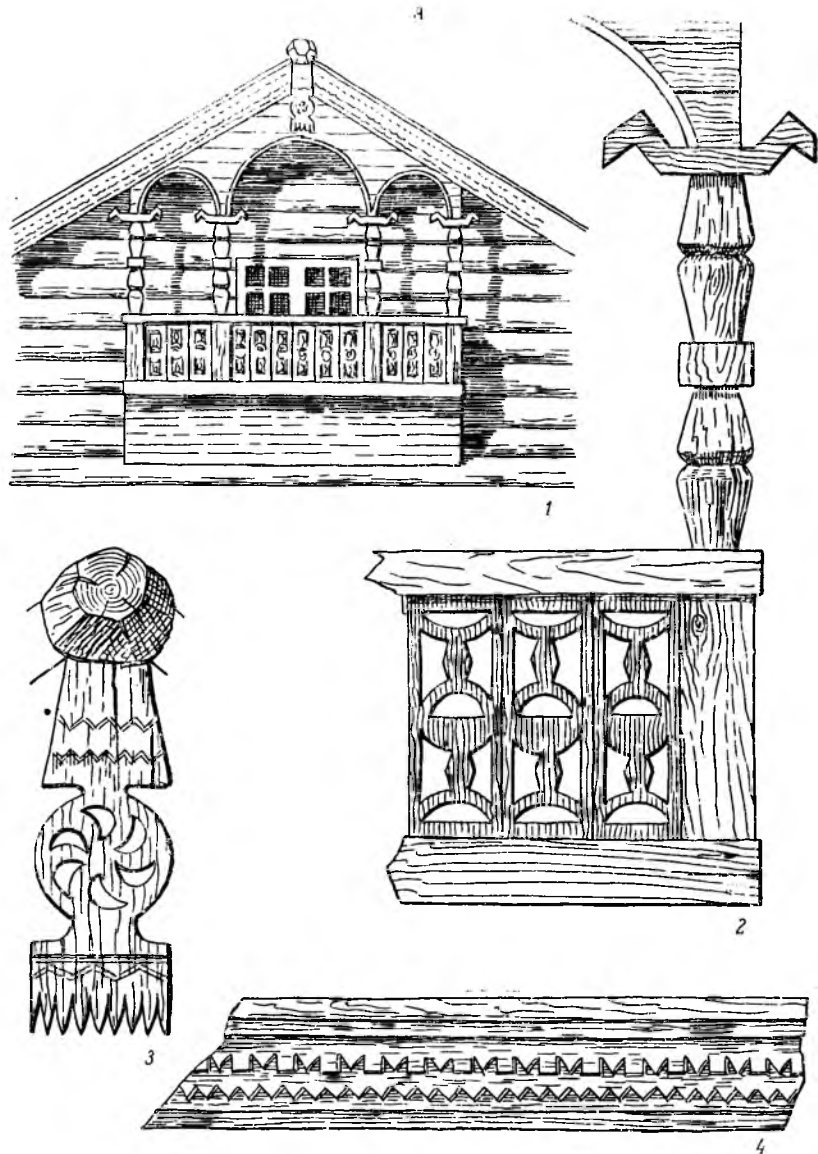

Табл. IV. Архитектурные детали домов Прионежского района.

А — дом из дер. Сигвалок: 1 — фронтоп, 2 — балясина, 3 — ветрелица, 4 — фрагмент причелины.

б

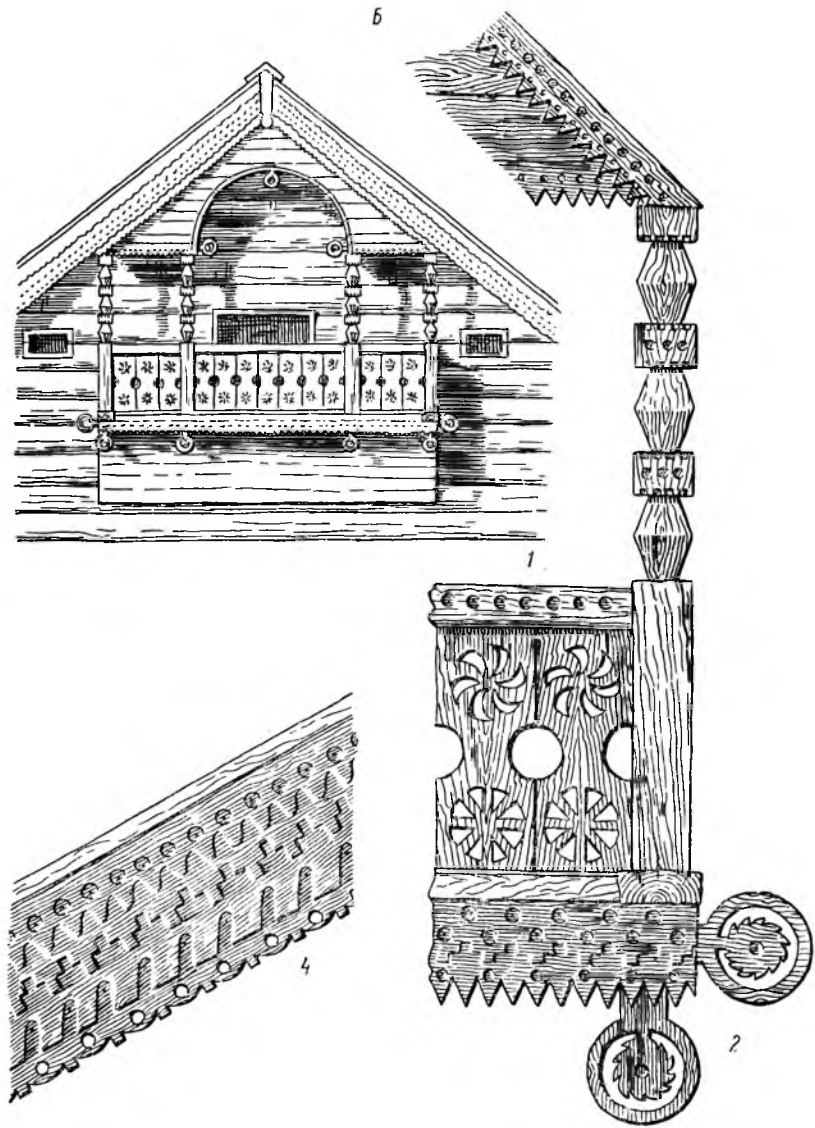

Табл. IV (продолжение).

Б — дом из дер. Лумбила; 1 — фронтон, 2 — баяси́на, 4 — фрагмент причелины.

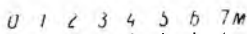
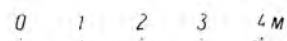
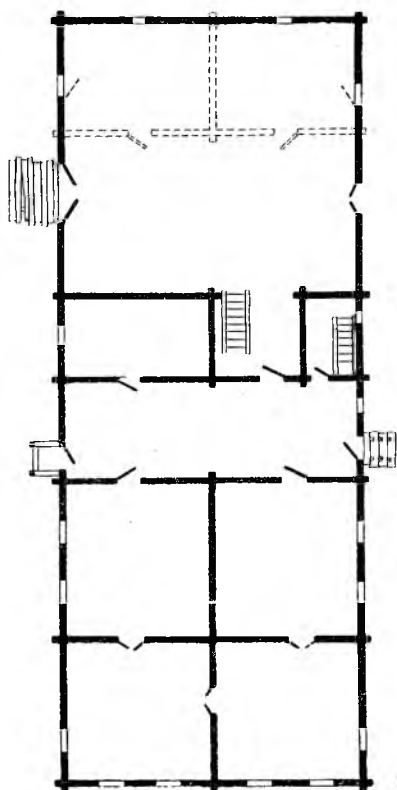
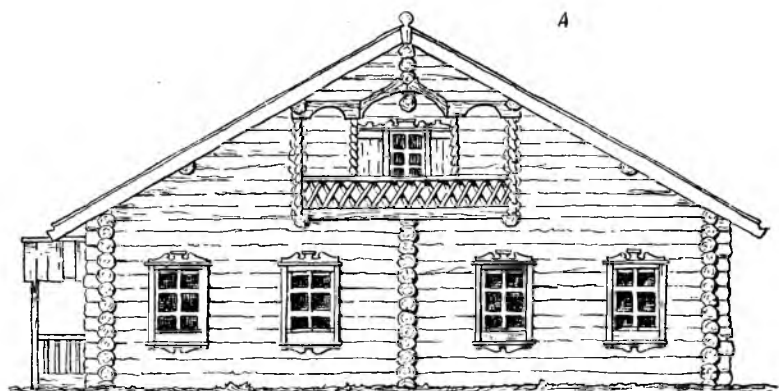

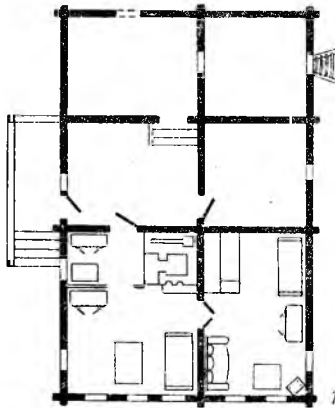
Табл. V. Постройки 1915 (А) и 1962 (Б) гг. в дер. Сысsoйла
Прионежского района.

1 — план; 2 — схематический разрез.

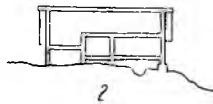
Б

0 1 2 3 4 м

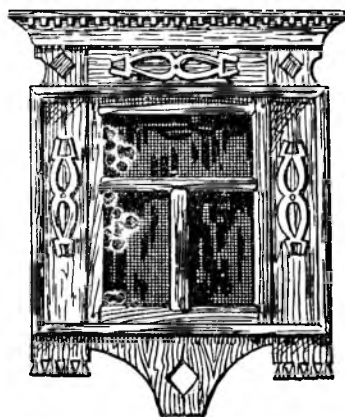
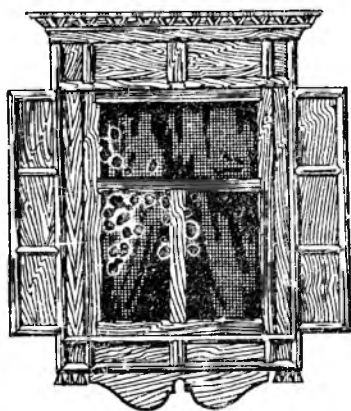
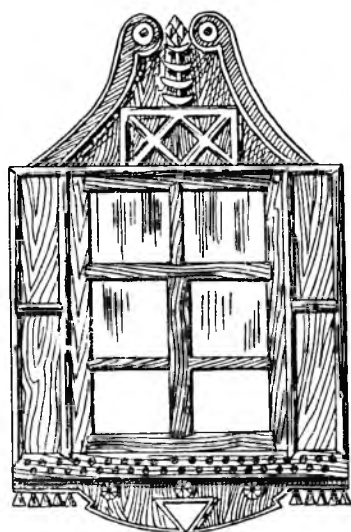
0 1 2 3 4 5 6 7 м

2

Табл. V. (продолжение).

1 — план; 2 — схематический разрез.

0 0.2 0.4 0.6 0.8 м

Табл. VI. Наличники окон домов Кондопожского района.

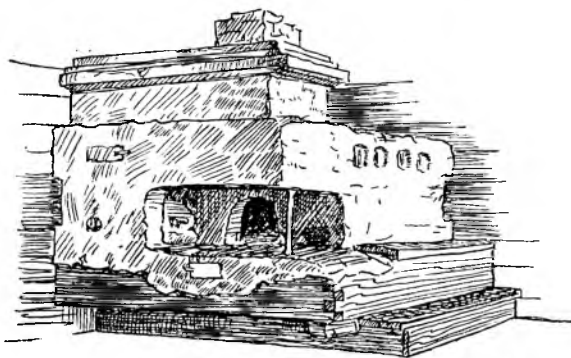
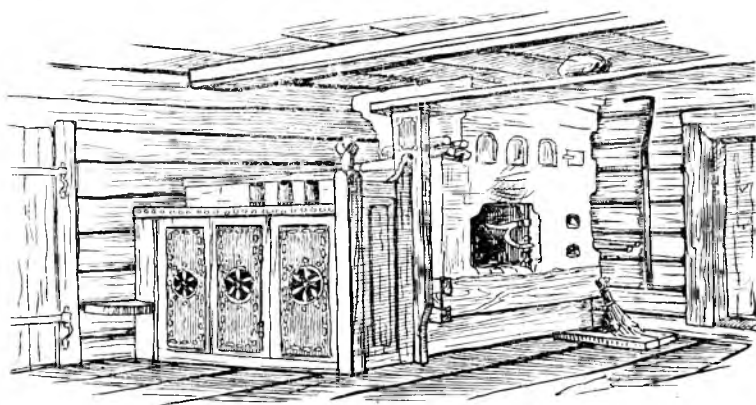
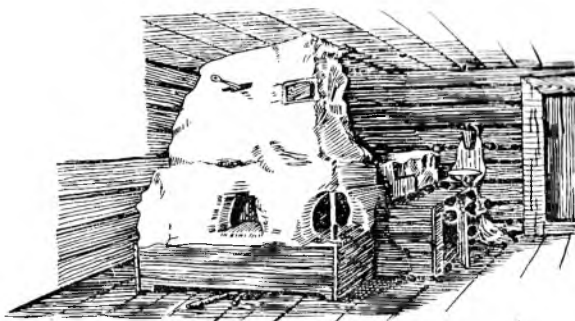

Табл. VII. Типы печей.

1 — дер. Зашеек Лоухского района; 2 — дер. Петров Наволок Медвежьего-
ского района; 3 — дер. Каскеславолок Прионежского района.

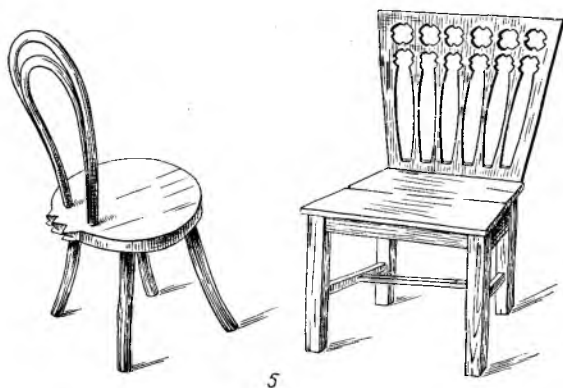
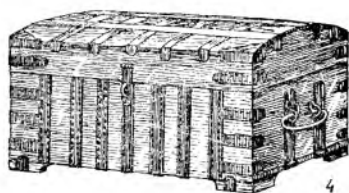
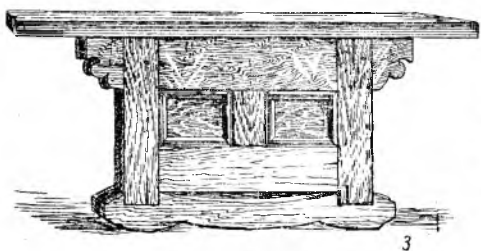
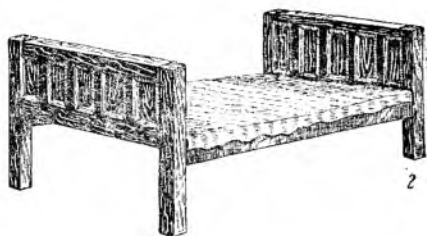
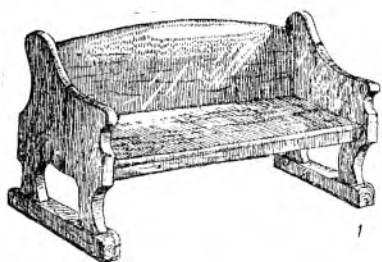

Табл. VIII. Мебель.

1 — деревянный диван; 2 — кровать; 3 — стол; 4 — сундук; 5 — стулья.

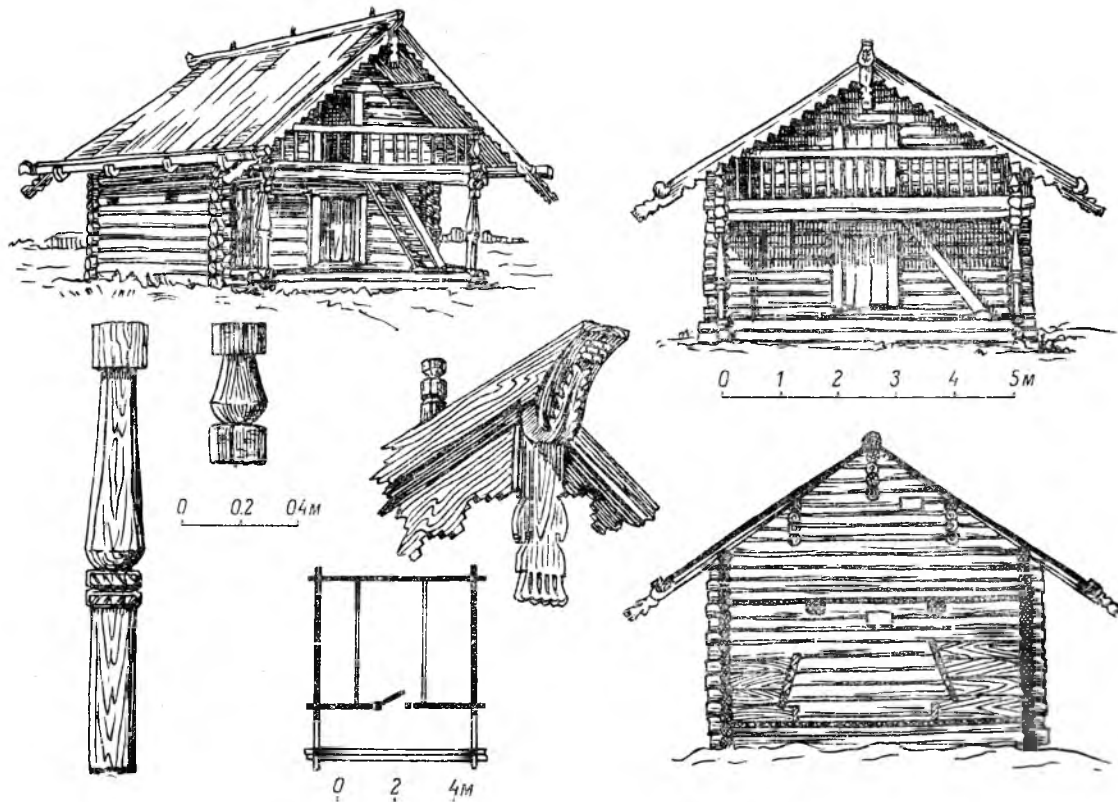

Табл. IX. Амбар дер. Коккойла Прионежского района (в настоящее время находится в Музее архитектуры и этнографии на о. Кижь).

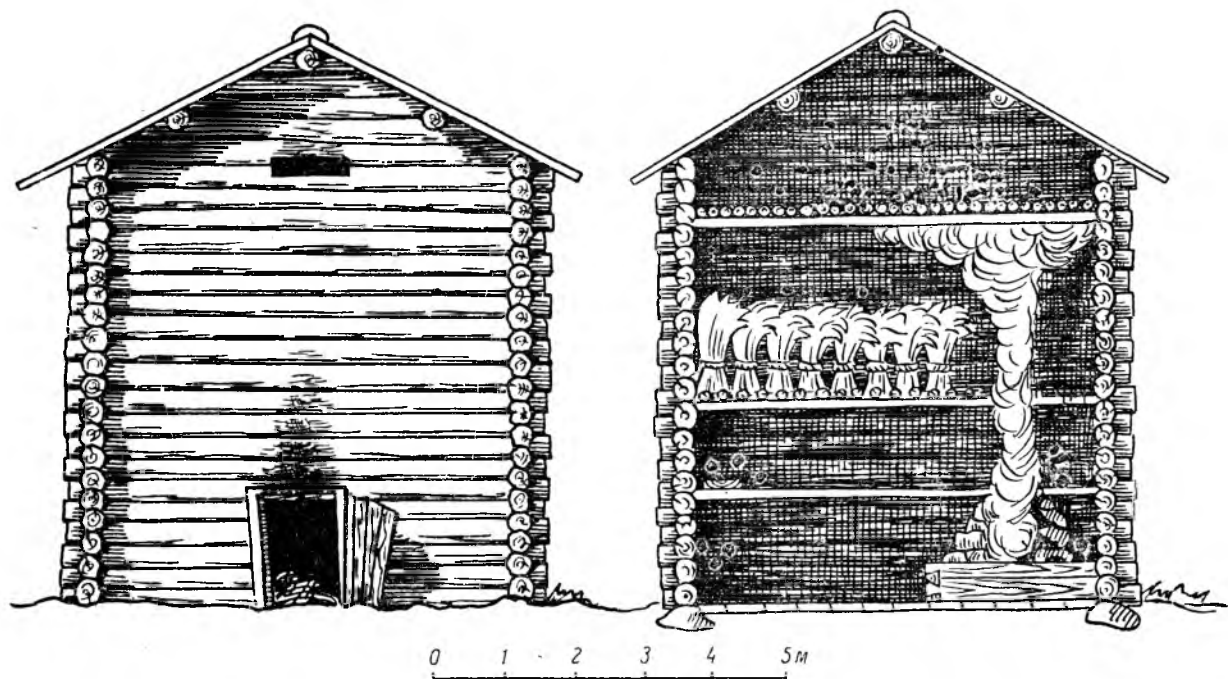

Табл. X. Рига.

Табл. XI. Предметы утвари, сделанные из бересты.

1—3 — солонки; 4 — туяс; 5 — плетенка для ложек; 6, 7 — корзинки для ягод; 8 — коробка; 9 — кошель.

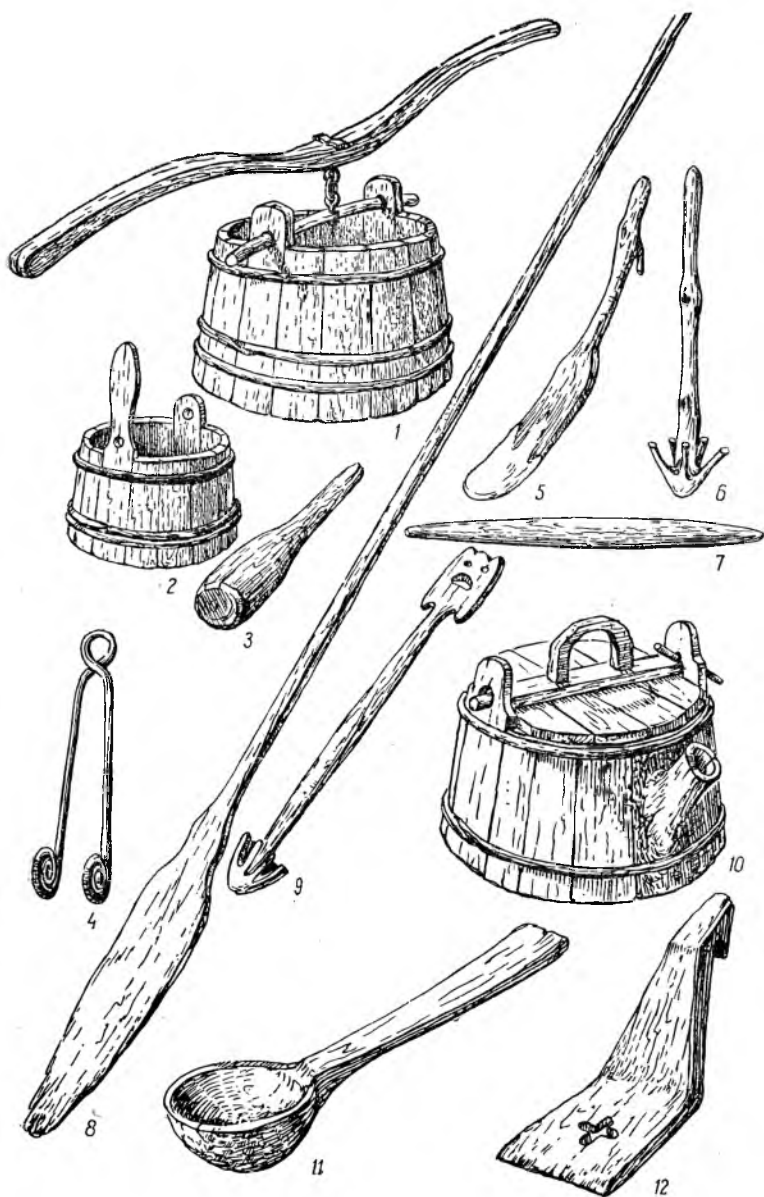
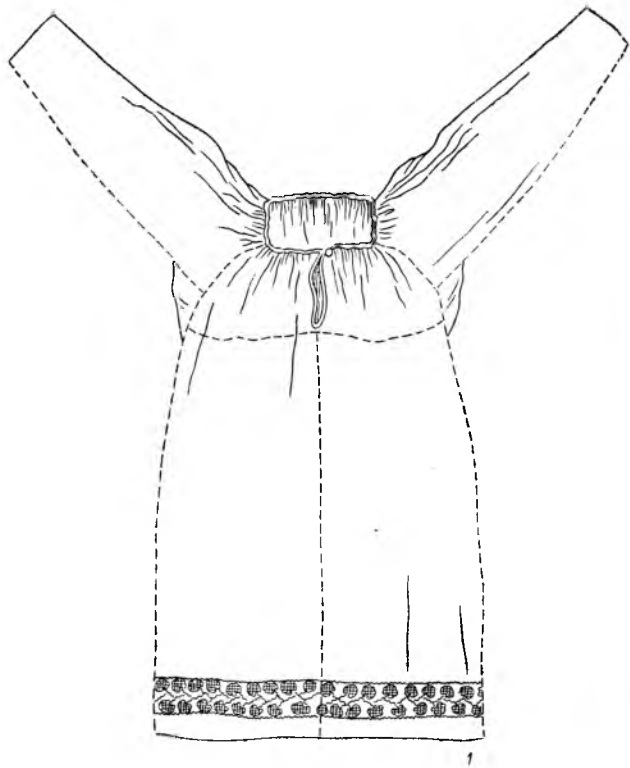
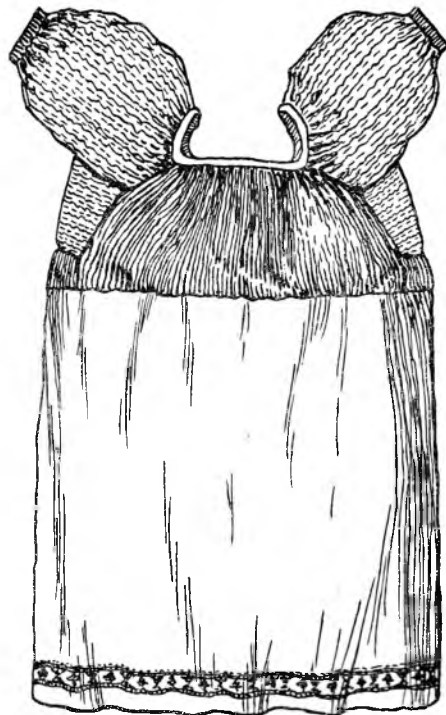

Табл. XII. Предметы кухонной утвари.

1 — парное коромысло с бочкой; 2 — квашня; 3 — пест; 4 — угольные щипцы; 5, 12 — лопатки для сбивания теста; 6 — мутовка; 7 — скалка; 8 — лопата для посадки хлеба в печь; 9 — маслобойка; 10 — подойник; 11 — разливательная ложка.

1

2

Табл. XIII. Тишы женских рубах.

1 — длиннорукавная; 2 — короткорукавная.

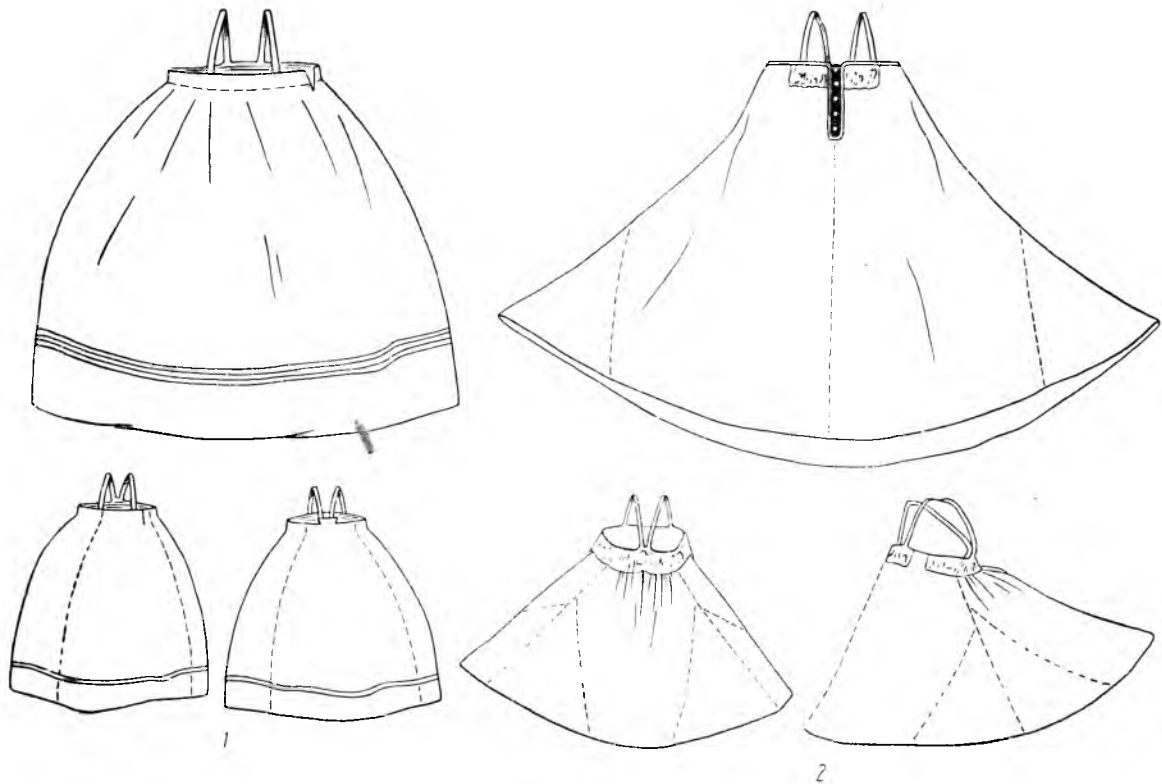

Табл. XIV. Типы сарафанов.

1 — прямой; 2 — косоклинный.

1

2

Табл. XV.
Типы юбок
южных карел.

1 — шерстяная
поперечнополосатая;
2 — льняная про-
дольнополосатая.

Табл. XVI. Вышивка тамбуром.

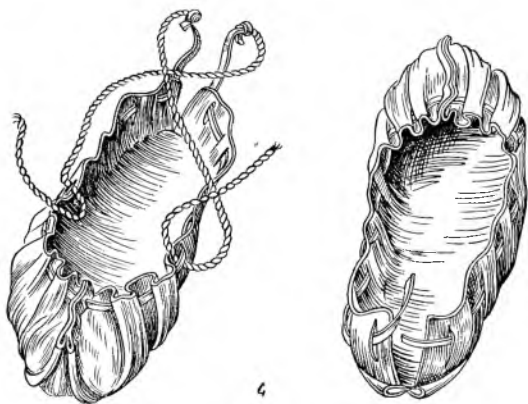

Табл. XVII. Кожаная обувь.

1, 2 — сапоги с загнутым носком; 3 — бахилы; 4 — кботы (поршни).

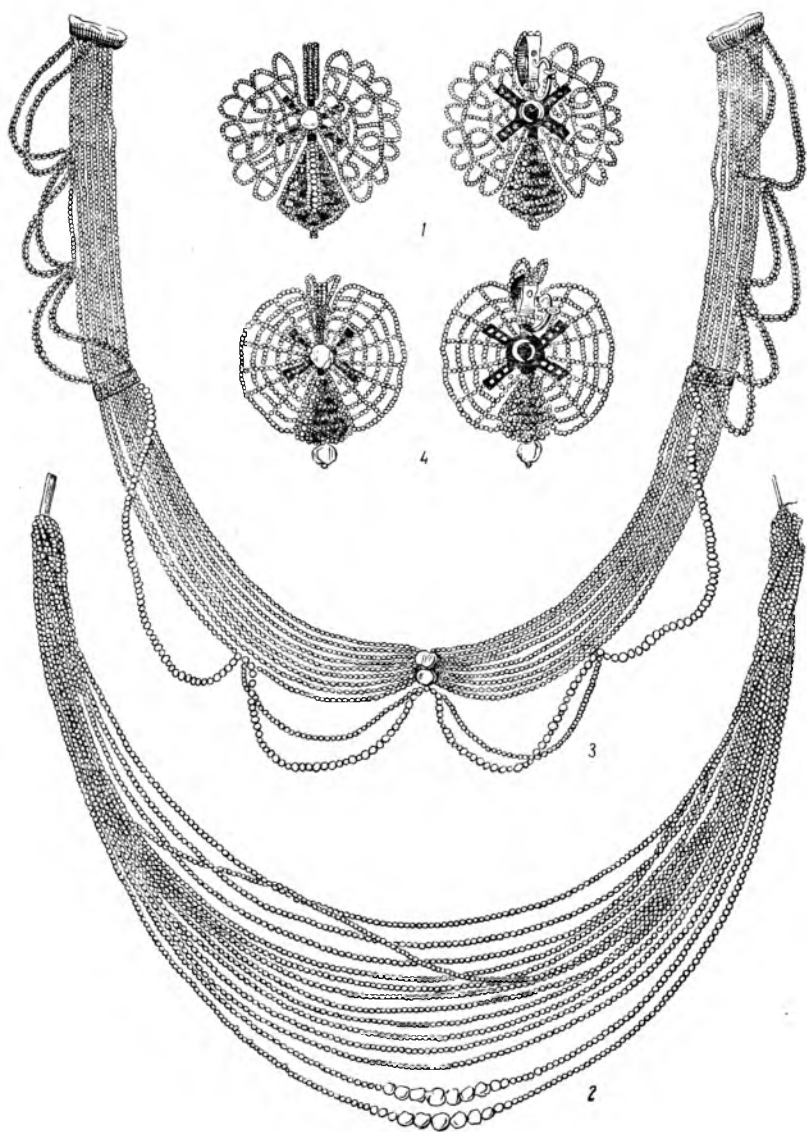

Табл. XVIII. Женские украшения.
1, 4 — серьги; 2, 3 — бусы из жемчуга.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
От редактора	3
Введение	5
Глава первая. Хозяйство и занятия. Орудия труда	23
Глава вторая. Способы и средства передвижения	61
Глава третья. Поселения и постройки	78
Глава четвертая. Пища и утварь	120
Глава пятая. Одежда	144
Глава шестая. Новые черты в материальной культуре карел в советскую эпоху	170
Заключение	210
Список сокращений	216
Указатель карельских терминов	217
Приложение (табл. I—XVIII)	225

Роза Федоровна Тарова

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАРЕЛИ

*Утверждено к печати
Петрозаводским институтом языка,
литературы и истории
Академии наук СССР*

Редактор Издательства *В. Т. Бочвер*

Художник *М. Н. Свинына*

Технический редактор *А. В. Смирнова*

Корректоры *Г. А. Аухимович, Г. А. Мошкина*
и *Н. М. Шилова*

Сдано в набор 31/III 1965 г. Подписано к печати
20/VII 1965 г. РИСО АН СССР № 1-144В. Формат
бумаги $60 \times 90 \frac{1}{16}$. Бум. л. $7 \frac{3}{8}$. Печ. л. $15 \frac{1}{4}$ =
= $15 \frac{1}{4}$ усл. печ. л. + 2 вкл. Уч.-изд. л. 15.69 +
+ 2 вкл. (0.15). Изд. № 2672. Тип. зак. № 182.
М-29790. Тираж 1200. ТП 1965 г. № 113-114.

Цена 1 р. 06 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-16^{1/4}, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12